

2022

ТОМ: 3

НОМЕР: 1

ЖУРНАЛ КЛИНИЧЕСКОГО И ПРИКЛАДНОГО ПСИХОАНАЛИЗА

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том III. № 1. 2022.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

Адрес редакции:
НИУ ВШЭ,
Кафедра психоанализа
и бизнес-консультирования
департамента психологии,
ул. Мясницкая, д. 20, каб. 410,
Москва, 101001
Тел.: +7 (495) 772 95 90
E-mail: arossokhin@hse.ru

Электронный журнал «Журнал клинического и прикладного психоанализа» издается с 2020 года. Учредителями журнала являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Андрей Владимирович Россохин (<https://www.hse.ru/staff/rossokhin>) – главный редактор.

Миссия журнала – содействие развитию психоаналитического знания во всех областях его возможного применения, создание открытой творческой площадки для встречи российских и зарубежных психоаналитиков, психоаналитически ориентированных практиков и исследователей из разных клинических и прикладных сообществ и университетов.

Основные цели журнала:

- интеграция отечественных научных, клинических и прикладных психоаналитических исследований на базе Журнала;
- знакомство читателей с ключевыми зарубежными публикациями в клиническом и прикладном психоанализе;
- создание публикационного междисциплинарного пространства, позволяющего специалистам-психоаналитикам взаимодействовать с представителями других наук;
- поддержка научных теоретических и эмпирических исследований по клиническому и прикладному психоанализу;
- содействие интеграции современного российского психоанализа в более широкий контекст мировой психоаналитической теории и практики;
- открытие новых направлений в дискуссионном психоаналитическом поле;
- знакомство с новейшими тенденциями в российской и мировой психоаналитической практике.

Доступ к электронному журналу постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

Каждый номер содержится в едином файле (в PDF).

Требования к авторам изложены на

https://psychoanalysis-journal.hse.ru/auth_req.html

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят анонимное рецензирование. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры. Плата за публикацию статьей не взимается.

С публикационной этикой можно ознакомиться на

<https://psychoanalysis-journal.hse.ru/etika>

Редакция

Главный редактор Россохин А.В., доктор психол. наук, профессор, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Заместители главного редактора:

Чершинцева М.А., кандидат культурологии

Чекункова О.В., кандидат Парижского психоаналитического общества

Карпов А.Н., кандидат философских наук

Редактор выпуска: Чершинцева М.А.

Литературный редактор, корректор: Озерская Т.Ю.

Вёрстка: Михайлова Ю.С.

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том III. № 1. 2022.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Клинический психоанализ:

Барюк Кларисс (Франция), Ph.D., почетный профессор психологии университета Париж-Х – Нантер, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), Президент Парижского психоаналитического общества (SPP)

Евсеева М.Л. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Дяткин Жильбер (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, директор восточно-европейского образовательного направления Парижского института психоанализа

Жибо Ален (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-Президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов

Леви Руджерио (Бразилия), Ph.D., тренинг-аналитик Психоаналитического общества Порто-Алегри (SPPA), член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации

Капсамбелис Василис (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13 округа Парижа (AMS 13)

Майн Н.В. (Россия), канд. психол. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Коротецкая А.И. (Россия), член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Миназье Николь (Бельгия), Ph.D., титулярный член Бельгийского психоаналитического общества, экс-Президент Бельгийского психоаналитического общества

Потапова В.А. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), экс-Президент Московского Общества психоаналитиков (МОП)

Рибас Дени (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, экс-главный редактор «Журнала французского психоанализа» (Revue française de psychanalyse)

Ришар Франсуа (Франция), Ph.D., профессор Университета Париж-VII имени Дени Дидро, директор Центра исследований психопатологии и психоанализа Университета Париж-VII имени Дени Дидро, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Россохин А.В. (Россия), д. психол. наук, проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Руссийон Рене (Франция), Ph.D., профессор клинической психологии и директор департамента клинической психологии Университета Люмьер Лион 2, экс-президент Лионской группы психоанализа, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Станкевич Т.Л. (Россия), Ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Фусу Л.И. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Шафер Жаклин (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества, лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987)

Чибис В.О. (Россия), Канд. мед. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Чивитарезе Джузеппе (Италия), Ph.D., обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации (SPI), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Эриль Ален (Франция), Ph.D., член Французской ассоциации психотерапевтов и Парижской ассоциации психоаналитического обучения и фрейдовских исследований «Espace analytique», профессор Université Paris XII, La Sorbonne (Paris III)

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том III. № 1. 2022.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- А.В. Россохин

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Прикладной психоанализ:

Анжелло Елизабет (Франция), Ph.D., профессор менеджмента международной бизнес-школы INSEAD (INSEAD) во Франции, Сингапуре и Дубае, директор-основатель Института Кетса де Вриса (KDVT), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Евдокименко А.С. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, Главный внештатный психолог ФМБА России

Кетс де Врис Манфред (Франция), Ph.D., профессор международной бизнес-школы INSEAD (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства INSEAD. Психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант. Член Международной психоаналитической ассоциации (IPA). Экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).

Кранц Джеймс (США), Ph.D., профессор Йельского университета (Yale University). Управляющий директор консалтинговой компании Worklab (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Кречмер Томас (Германия), Ph.D., основатель и директор Института психики (Mind Institute SE), член Международного общества психоаналитического исследования организаций, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Лейкина А.С. (Россия), канд. филолог. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Лонг Сьюзан (Австралия), Ph.D., профессор менеджмента Университета RMIT в Мельбурне, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Мамедов Шираз (Россия), Ph.D., профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Медведев В.А. (Россия, Эстония), канд. философ. наук, действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO». Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психолого-аналитического центра

Мерски Роуз (США, Германия), Ph.D., экс-Президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоренса Гордона, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Морган-Джонс Ричард (Великобритания), Ph.D., член Британского психоаналитического Совета, член Совета Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоренса Гордона, действующий супервизор и тренинг-терапевт общества British Psychotherapy Foundation, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рафаелли Дерек (Великобритания), Ph.D., член-корреспондент Британского Психологического Общества, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), член Британского психоаналитического Совета, член Совета Bayswater Institute, организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рингер Мартин (Новая Зеландия), Ph.D., профессор Edith Cowan University, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Россохин А.В. (Россия), д. психол. н., проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества, почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования

Сиверс Бурхард (Германия), Ph.D., почетный профессор по Организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Стрижова Е.А. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Таккер Саймон (Великобритания), Ph.D., проф. программы по орг. консультированию и стратегическому лидерству в Клинике Тависток, экс-исполнительный директор OPUS (Organisation for Promoting Understanding of Society and organisations within society), организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Уорд Грэм (Великобритания), директор программ в Глобальном Центре лидерства INSEAD, член Американской Психологической Ассоциации (APA), член Международного Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO) и Международной Организации Клинического Коучинга (ICCO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шенкман А.И. (Россия), Доктор экон. наук, профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Хиршорн Ларри (США), Ph.D., профессор Fielding Graduate University (Санна Барбара, Калифорния), University of Pennsylvania и Wharton School. Основатель и партнер консалтинговой компании CFAR (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шаповалова Е.В. (Россия), ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solution, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК)

**Журнал клинического
и прикладного психоанализа
Том III
№ 1.2022**

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ФРАНЦУЗСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Жибо А., Россохин А. В. Психоанализ во Франции. Время, рожденное для удивления	6
Шаффер Ж. Психоанализ женского	38
Анн Брюн Зеркала нарциссизма: клинические проявления психоза	66

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Минаева Г. С. Нейтральность в психоанализе	83
Чершинцева М. А. Загадка сублимации (Часть 1)	92

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Карпачева М. В.

Быть женщиной – терпеть боль

124

Валеев Т. Р.

Психоаналитический взгляд на феномен «токсичности»

138

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИДЕРСТВА

Ирниденко А. А., Шаповалова Е. В.

Психодинамические аспекты взаимодействия лидера и команды
в контексте Agile трансформации

149

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ФРАНЦУЗСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Психоанализ во Франции. Время, рожденное для удивления¹

Ален Жибо, Андрей Россохин

Жибо Ален – Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-генеральный секретарь Международной психоаналитической ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов.

Россохин Андрей Владимирович – титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), доктор психологических наук, профессор, завкафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МПА), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (APCBC), главный редактор журнала «Журнал клинического и прикладного психоанализа».

В статье описаны ключевые концепции французского психоанализа. Рассмотрены различные теоретические и технические аспекты переноса, контрпереноса, интерпретации, химеры бессознательного, après-coup и др.

Ключевые слова: французский психоанализ, перенос, контрперенос, интерпретация, химера, après-coup.

¹ Статья была впервые опубликована в книге: А. Жибо, А. В. Россохин. Французская психоаналитическая школа. М.: Питер, 2004.

«Психоаналитик не должен выражать желание быть англичанином, французом, американцем или немцем прежде, чем желание быть приверженцем психоанализа. Он обязан поставить общие интересы психоанализа выше национальных интересов».

З. Фрейд

письмо президентам различных психоаналитических ассоциаций, март 1932 г.

Влечение

Несмотря на тот факт, что психоаналитики Франции очень рано проявили интерес к переводу фрейдовских психоаналитических понятий на французский язык, необходимо отметить, что развитие психоанализа во Франции пошло по конкретному руслу благодаря аналитической работе, проведенной Жаном Лапланшем и Бертраном Понталисом, и появлению их знаменитого «Словаря психоанализа», который был переведен на многие языки, в том числе и на русский. В то же самое время анализ терминов сопровождался углублением смысла понятий, обозначаемых этими терминами. Одним из таких основополагающих является понятие «pulsion», «неосознанное стремление», которое очень часто переводится на другие языки как «инстинкт». А вот во Франции очень рано термин «Trieb» стали переводить как pulsion, «неосознанное стремление». С этой точки зрения отличительную черту французского психоанализа составляет его постоянная ссылка на произведения Зигмунда Фрейда и на его понятия, в то время как другие психоаналитические направления уделяют гораздо больше внимания постфрейдовским авторам, таким как Анна Фрейд, Мелани Кляйн, Уилфред Бион и Дональд Винникотт.

Совершенно справедливо, что понятие «pulsion», «неосознанное стремление», вошло в творчество Фрейда благодаря узконаправленным ссылкам на потребность (Bedürfnis) и на инстинкт (Instinkt). Как на это указывает сам термин (Trieb образован от Treiben, pousser (фр.) – «толкать»), понятие «неосознанное стремление» служит для обозначения моторной функции в организме: неопределенный «кусочек активности» вынуждает его осуществлять специфическое действие с целью получить удовлетворение. Таким образом, *количество* движения обретает *качество* в зависимости от анатомических мест, а цели служат удовлетворению. Именно это обстоятельство заставило Фрейда описать неосознанное стремление с помощью четырех характеристик: всегда активный *толчок*, *истоки* которого носят соматический характер и направлены на осуществление *цели*, получения удовлетворения при помощи случайного *объекта*. Подобная изменчивость источников, целей и объектов приводит к идее частичных неосознанных стремлений, каждое из которых ищет своего собственного удовлетворения. По мнению Фрейда, это представляет собой способ описания детской сексуальности, то есть сексуального, не сведенного к генитальному, что, таким образом, ставит под сомнение устоявшуюся идею о том, что сексуальность может характеризоваться только лишь ссылкой на твердо фиксированные цели и объект, как и предполагает *инстинкт*.

С этой точки зрения, понятие неосознанного стремления в психоанализе вписывается в общую проблематику живого. Многие французские психоаналитики часто напоминали о том, что Фрейд определяет его в биологической перспективе как «пограничное понятие между психическим и соматическим, как психический представитель возбуждения, зарождающийся внутри тела и достигающий психики, как мера требования работы, которая навязывается психике в соответствии с ее связью с телесной схемой» («Неосознанные стремления и судьбы неосознанных стремлений», Фрейд, 1915).

Впрочем, в других работах Фрейд описал неосознанное стремление как сам соматический процесс, который посылает в психику психических представителей: представителя-представление и часть аффекта. Это определение неосознанного стремления действительно находится в большем соответствии с клиникой, поскольку акцент здесь скорее сделан на материалах лечения, представлениях и аффектах, а понятие неосознанного стремления вводится вторично. Эта в большей степени метапсихологическая формулировка носит более строгий характер и лучше сочетается с идеей о судьбе представлений и аффектов, соотносимой с открытием бессознательного.

Данное фрейдовское противоречие в определении понятия неосознанного стремления лежит в основе различных психоаналитических направлений. Все зависит от того, делают ли они акцент на биологическом подходе, описывая непрерывный процесс неосознанного стремления к объекту, представляемому с момента рождения, как Мелани Кляйн, или же на метапсихологическом подходе, описывая, напротив, радикальный разрыв между потребностью и неосознанным стремлением, чтобы в действительности выделить топическое бессознательного в терминах представлений, в частности языковых представлений, как это делает Жак Лакан. С одной стороны, биологическая материализация неосознанного стремления, с другой – разоблачение понятия неосознанного стремления как одной из уловок, предпринятых Фрейдом для обозначения противоречивой и невыносимой параллельности между органическим и психическим, критика, которая вынудила Лакана исключить аффекты и тело.

Чтение произведений, опубликованных в данной антологии, показывает, что гораздо интереснее рассматривать подобное концептуальное противоречие у Фрейда как указатель размеров области сочленения и опосредствования понятия неосознанного стремления. Стремление Фрейда дать трактовку неосознанному стремлению, как правило, приводило его на самом деле к тому, что он придавал объективное содержание данному понятию. При этом он терял из вида то, что является его специфическими чертами. Тем не менее Фрейд преодолел подобный позитивизм в тех случаях, когда описывал неосознанное стремление в его движении, направленном на отделение от органической потребности и от возникновения желания. Эпистемологический подход, который присущ многим французским психоаналитикам, позволяет придать понятию неосознанного стремления его подлинный смысл как «пограничному понятию между психическим и соматическим» («Бессознательное», Фрейд, 1915)

и проиллюстрировать на примере клиники различных психопатологических организаций разные судьбы неосознанных стремлений.

Вот почему, несмотря на то что, по мнению Фрейда, метапсихологический подход к психическому феномену зависит от соотносительной *топики* психических систем судьбы представлений, введение понятия неосознанного стремления вынуждает разделять *экономическую* точку зрения, которая, согласно Фрейду, должна постараться «следовать за судьбами количеств возбуждения и добиваться по меньшей мере их относительной эволюции» (Фрейд, 1915). Говоря иными словами, необходимо принимать во внимание то, что именно в судьбах аффектов позволит организовать или не организовать соотносительный процесс символизации связи аффектов в рамках представлений.

Эти топическая и экономическая перспективы действительно являются неразрывными с *динамической* точки зрения, соответствующей основополагающему понятию конфликта. Это психический конфликт, который Фрейд всегда основывал на побудительном конфликте между двумя главными типами неосознанных стремлений. По мнению французских психоаналитиков, двойственный характер неосознанных стремлений необходимо толковать в соответствии со структурой психического объекта. Неосознанное стремление носит двойственный характер с самого начала благодаря *двойственности привязанности объекта*. Амбивалентный конфликт между любовью и ненавистью определяет рождение объекта. По мнению Фрейда, он проистекает из либидинального неосознанного стремления к связи с объектом и из разрушительного неосознанного стремления к разрыву этой связи. В психоаналитическом смысле неосознанное стремление связано со структуральным своеобразием объектной жизни. Хотя противопоставление между нарциссическим либидо и объектным либидо приносит определенную пользу в клиническом плане, противопоставление между неосознанным стремлением к жизни и неосознанным стремлением к смерти в гораздо меньшей степени направлено на описание побудительного конфликта, нежели на появление основополагающей функции неосознанного стремления: функции выделения фундаментального противоречия человека, для которого удовольствие, исходящее от объекта, всегда является травматическим по отношению к удовольствию, которое он стремится доставить себе сам.

Французские психоаналитики всегда были чрезвычайно внимательными, давая оценки различным психическим функционированиям. Они всегда принимали во внимание те средства, которыми располагает человеческая психика для того, чтобы противостоять этому травматизму, связанному с перевоплощением человеческой сексуальности, идентифицируемой с детской сексуальностью, не сводимой к генитальной сексуальности, в том смысле, в каком она была открыта Фрейдом. Работы членов Французской психосоматической школы, равно как и работы других авторов, посвященные не невротическим организациям (пограничные состояния, психозы), свидетельствуют о претворении в жизнь этого подхода. Все представленные работы стремятся показать, в какой степени сексуальность может либо повлечь за собой процесс соотносительного

разрушительного обращения в небытие привязанности объекта или к объекту, либо, напротив, положить начало процессу отрицания отсутствия, который соответствует организации акта желания в его непрерывности и который также определяет привязанности объекта или к объекту.

Хотя интерес к эпистемологической критике фрейдовских понятий можно заметить и в работах Лакана, тем не менее очень важно отметить, что французская психоаналитическая школа (не лакановская) поставила перед собой задачу вести работу по-прежнему в очень узкой области концептуализации, связанной главным образом с творчеством Фрейда, что отнюдь не исключает обращения к другим постфрейдовским авторам, таким как Мелани Кляйн, Уилфред Бион или Дональд Винникотт. Их подход к психическому функционированию всегда заключался в том, чтобы показать связи между работой над психическими представлениями и необходимостью принимать во внимание психическую организацию пациента. Подход этих исследователей к психоаналитическому процессу и к истолковывающей функции привел их к тому, что они начали скорее настаивать на конфликтности между эдиповыми и предэдиповыми, генитальными и предгенитальными уровнями, нежели помещать их в линейную и развивательную непрерывность. В техническом и клиническом плане они внесли очень большой вклад в такую область, как определение психоаналитических рамок, способных позволить подступиться к пациентам, которые не обязательно могут извлечь пользу от психоаналитических сеансов на кушетке, проводимых несколько раз в неделю. Именно это обстоятельство обуславливает появление многочисленных работ, авторы которых ставят перед собой задачу дать определение условиям проведения психоаналитической терапии «лицом к лицу», способной предоставить психоаналитическому процессу развиваться, не делая никаких уступок техническому нейтралитету психоаналитика, необходимому для психоаналитической работы.

Ребенок дня, ребенок ночи

В анализе, как и в первые годы жизни, знание себя приходит через понимание других – матери, отца, аналитика – «интерсубъектное становится необходимым посредником для осознания интрапсихического» (Green, 1988, p. 588). Это означает, что в ходе терапии акценты аналитической ситуации постепенно перемещаются с господства анализа интерсубъектной природы формирований переноса – контрпереноса на исследование *более глубоких уровней интрапсихического опыта пациента*.

Понимание Андре Гринем интерсубъектного *в корне отличается* от смысла понятия «интерперсональное», активно используемого одним из направлений американского психоанализа. Во французской психоаналитической школе интерсубъектное означает взаимодействие между двумя *бессознательными* внутренними мирами; коммуникация при этом во многом основывается на возникающих в ходе игры проекции и интроекции, эмоциях и фантазиях у аналитика и пациента, *интрапсихическая*

реальность каждого из которых тесно связана с *бессознательным, влечениями и инфантильной сексуальностью*.

Французский психоанализ, как считает Андре Люссьер (1991), фокусируется на исследовании скрытого взаимодействия между двумя бессознательными процессами – переносом и контрпереносом. Для описания этого взаимодействия аналитики различных школ часто используют модель отношений матери и ребенка.

Во Франции написано много блестящих психоаналитических работ, показывающих, что мать может помочь своему ребенку стать самостоятельной личностью и «почувствовать, что жизнь – это созидательное и увлекательное приключение» (Макдугалл), только если в своей психической реальности она находится в контакте с *третьей стороной* – психической репрезентацией отца.

Дёниз Брауншвейг и Мишель Фэн (1975) внесли существенный вклад в понимание отношений мать – ребенок, описав важное значение для матери поддержания, сохранения и развития любовных отношений со своим мужем. В своей книге «Ночь, день» они утверждают, что в этом случае имеет место пара жена – муж, которая важна для развития ребенка как отдельного субъекта. Если подобных удовлетворяющих любовных отношений не существует или они чрезмерно конфликтны, то мать рискует бессознательно использовать ребенка как сексуальный и нарциссический объект для самой себя. Он становится «ребенком ночи».

Если же мать хочет, чтобы ребенок психически развивался, она должна следовать *его желаниям*, а не он должен удовлетворять ее сексуальные потребности. Для того чтобы иметь возможность делать это, она должна любить и быть любимой, то есть быть в достаточно удовлетворяющих ее сексуальных и нарциссических отношениях с третьей стороной – отцом ребенка. Это присутствие *Третьего* как раз и дает ей возможность быть *матерью* для своего ребенка, инвестируя в него как в «ребенка дня».

Фэн рассматривает чередование дня и ночи как ритм присутствия и отсутствия матери для ребенка. Днем – с ним, ночью – с отцом ребенка. Повторение дня и ночи происходит с одновременным постепенным образованием *эдиповой структуры*. Он вводит понятие «цензура любовницы» – дезинвестирование матерью своего ребенка: она укладывает его спать и снова становится сексуальной женщиной для сексуального отца – поддерживает развитие у ребенка реальной или воображаемой реконструкции родительской эротической пары, что служит, согласно Фэну, основным этапом индивидуализации младенца.

Цензура любовницы позволяет открыть аутоэротизм (благополучный и неdestructивный, если он следует после первичной нарциссической фазы, в которой мать оказывается в достаточной мере удовлетворяющей), и может послужить введением к любой фантазматической жизни (Бержере, 2001, с. 287).

Для матери, инвестирующей в «ребенка ночи», мальчик или девочка становятся бессознательной заменой мужчины-отца как объекта сексуального желания. Джойс Макдугалл отмечает, что в первичной эдиповой организации такая мать может «оставлять у ребенка ощущение,

что она относится к нему как к сексуальному дополнению или как к нарциссическому продолжению своего собственного Я, тем самым установив особую форму отношения к телесному Я своего ребенка. Такая организация часто связана с тем, что образ эдиповой пары занимает второе место по отношению к важной единице мать – ребенок» (Макдугалл, 2002, с. 119). Это становится возможным при слишком уступчивом, или отсутствующем, отце, собственные внутренние конфликты которого провоцируют развитие подобных инцестуозных отношений и подталкивают его к самоисключению из потенциально трехсторонних отношений. Тело и Я ребенка могут в этом случае стать объектами чрезмерных и конфликтных материнских инвестиций, и примитивные желания, страхи и защиты в психике ребенка возьмут верх над фаллически-эдиповым развитием. Макдугалл предлагает свои метафоры для «ребенка дня» – «дитя желания» и «для «ребенка ночи» – «дитя потребности». «Дитя желания» – это ребенок, рожденный от любви женщины и мужчины и воплощающий их ожидание, что он так же, как и они, станет любящим и желающим взрослым и родителем. «Дитя потребности» – ребенок, предназначенный для той или иной компенсации патологической психической организации матери или отца, у которых в голове, возможно, не существует никаких фантазий относительно будущей самостоятельной и сексуальной жизни их ребенка.

Взрослеющий «ребенок ночи», или «дитя потребности», рискует сохранить неосознанное убеждение, что он действительно сексуальное и нарциссическое продолжение матери и в конечном счете не существует как отдельный человек.

Самая ранняя внешняя реальность младенца – физическое присутствие матери и проникающее всюду воздействие ее бессознательного. Последнее включает в себя ее собственный внутренний мир, отношения с реальными и внутренними родителями и, что не менее важно для развития ребенка, – нарциссические и сексуальные инвестиции в его отца. Макдугалл убеждена, что привязанность матери к своему любовному партнеру носит решающий характер как для будущего развития эдиповой структуры, так и для предъявления ребенку нарциссических и либидинальных требований, призванных удовлетворить ее бессознательные потребности и желания.

Перенос – контрперенос

Описанные выше отношения отец – мать – ребенок – это модель *трехсторонней ситуации*, имеющей прямое отношение к аналитическому сеттингу, в котором присутствуют пациент, репрезентации отца и матери, аналитик и пространство, в котором разворачивается психологическая драма с участием всех персонажей. Метафора театра, на котором бессознательное ставит свою постановку, часто встречается во французском психоанализе. Как отмечает Дюпарк, «это – один из редких случаев согласия между Макдугалл, Грином и... Лаканом!» (Duparc, 2001, p. 161).

Концепция *аналитического пространства* является центральным организующим аспектом в позиции большинства французских авторов, но это происходит не только потому, что перенос и контрперенос образуют пару. Другая причина – то, что аналитическое пространство в целом начало *восприниматься как сцена* в психологическом плане. Сцена, на которой *топография взаимодействия и ситуация более важны*, нежели просто опыт одного или другого участника представления (лечения). Эта концепция возникла как ответ на крайние взгляды, с одной стороны, Саша Нашта, убежденного в необходимости слияния пациента и аналитика, и, с другой стороны, Жака Лакана, который хотел максимально увеличить дистанцию между ними, с тем чтобы чистый символ возник в этом расширенном пространстве. Один из ее создателей, Морис Бувэ, начал разрабатывать понятие расстояния между субъектом и объектом еще в 1958 году.

Психоаналитическое пространство может быть символизировано посредством кушетки. С одной стороны, пациент лежит на кушетке, что способствует развитию особых регрессивных психических состояний, которые могут быть описаны в терминах модели о первичных взаимоотношениях ребенка и матери. Однако, с другой стороны, этот же сеттинг, благоприятствующий нарциссической регрессии, не создает абсолютно свободного пространства без границ и пределов. Эти границы символически выражаются во временном сеттинге, ограничениях, связанных с основным правилом психоанализа. Кроме того, внутренние аналитические границы связаны с *постэдиповым Сверх-Я* – третьей стороной, которая связана с отцом. Мать заботится о ребенке как о ребенке дня, сохраняя в психике связь с его отцом как представителем Сверх-Я.

Это специфически французский путь размышления об аналитическом сеттинге в терминах символической репрезентации, способности для ребенка (пациента) развивать процессы вытеснения, способности думать, мечтать и выстраивать свой собственный внутренний мир. Подобно тому как это имеет место между матерью и ребенком, пациент также не является одиноко лежащим на кушетке рядом с абсолютно нейтральным аналитиком. Трансферентно-контртрансферентный процесс происходит между ними обоими. Как точно заметила Юртюбей, «аналитические отношения – это феномен, принадлежащий *двоим*. И если сейчас пациент уже не является объектом наблюдения, то и аналитик также не простое зеркало. Более того, в анализе всегда имеется *третий* – общее пространство на двоих, сотканное из их бессознательных» (*De Urtubey, 2002, p. 9*).

Аналитик, находясь в ситуации необходимости репрезентировать и отцовский, и материнский образы, с одной стороны, способствует процессу взаимодействия пациента с первичными объектами с неизбежной аффективной вовлеченностью всех участников. Однако, с другой стороны, он же содействует определенному выходу пациента из нарциссической регрессии, сохраняя связь с третьей стороной, которая устанавливает границы. Поэтому нарциссическая регрессия, находящаяся под контролем Я и являющаяся важнейшей частью общего процесса аналитической работы, возможна до тех пор, пока аналитик репрезентирует родительские

образы в терминах постэдипова Сверх-Я. Это означает, что он ставит границы отыгрыванию – это Сверх-Я, которое запрещает, но также и защищает от опасностей, связанных с нарциссической регрессией, способной приводить к слиянию, деструктивности и смерти.

В соответствии с этим, аналитический процесс является *асимметричным*. Эта асимметрия существует всегда, так как пациент приходит к аналитику рассказывать о себе все, что приходит ему в голову, в то время как аналитик сохраняет инкогнито. Мы видим такую же асимметричную ситуацию во взаимодействии матери с ребенком. И, конечно, во взаимодействии с ним отца. Это не взаимные и обоюдные отношения в духе равноправия и симметричности. *Асимметрия имеет важнейшее значение для психического развития как ребенка, так и пациента психоанализа. Она символизирует эдипову ситуацию – неустрашимое различие полов и поколений.* Существующая в аналитическом сеттинге асимметрия не означает, что аналитик автоматически занимает авторитарную позицию или становится кем-то, кто находится вне процесса – чистым зеркалом без каких-либо чувств.

Аналитический процесс – это трансферентные и контртрансферентные взаимоотношения, и в этом смысле они могут быть абсолютно симметричными только в случае полного ролевого отыгрывания. Для понимания процесса психического функционирования пациента необходимо принимать во внимание то, что непосредственно переживает аналитик, когда он является объектом проективных идентификаций. Эвелин Кестемберг проводит различие между контрпереносом и контротношением. Контрперенос, с ее точки зрения, является способностью аналитика переживать, испытывать аффекты и связывать их своими психическими репрезентациями, имеющими отношение к психическому функционированию пациента. Такой контрперенос служит позитивным инструментом аналитической работы. В то же самое время в анализе может возникнуть ситуация, когда пациент проецирует аффекты, аналитик переживает их и развивает соответствующую им реакцию. Это и есть контротношение – контрперенос в отрицательном (фрейдовском) смысле. В таком случае работа аналитика состоит в осознании своего контротношения и попытке ответить на вопрос: почему пациент подталкивает его к подобной реакции? Связывание аффектов пациента с психическими репрезентациями позволяет трансформировать контротношение в позитивный контрперенос, служащий целям анализа.

Парадоксально, но оригинальные французские взгляды на проблему взаимодействия переноса и контрпереноса образовались под влиянием Жака Лакана, крайне негативно относившегося к самому термину «контрперенос». Последний, в представлении Лакана, слишком *симметричен* с переносом, внушая воображаемую, типично зеркальную связь между пациентом и аналитиком. Он ассоциируется больше с диадными взаимоотношениями, в то время как в анализе они опосредствованы языком, а следовательно, *трехсторонние*. Кроме того, психоаналитики кляйнианской школы, разрабатывавшие это понятие в 1950-е и 1960-е годы, делали акцент преимущественно на *превербальной коммуникации и материнской*

модели контрпереноса. Лакан же всегда отстаивал роль, которую играет *отец*, – поддержку желания; имя отца, гарантирующее символический порядок; средство ухода из-под материнского господства.

Приверженность Лакана «смыслу Фрейда», его недоверие к очарованию архаического и превербального, идея о существовании триангуляции даже на ранних этапах жизни – все эти факторы повлияли на тех французских аналитиков, которые менее других были подвержены влиянию Лакана. Эти факторы подталкивали их к сохранению в своих концепциях контрпереноса всей эдиповой структуры, ее компонентов, первофантазий (*Duparc, 2001*).

Луиза Юртюбей (2002), предлагая свою классификацию теорий контрпереноса, относит работы большинства современных французских аналитиков (и себя) к четвертой группе, в которой контрперенос рассматривается как один из важнейших элементов аналитического пространства. Здесь он не является ни следствием непроанализированных конфликтов аналитика (первая группа), ни совокупностью всех чувств, испытываемых им по отношению к пациенту (вторая группа), ни материалом для самоанализа (третья группа). Перенос и контрперенос, согласно Юртюбей, являются элементами, составляющими единое целое, процесс совместной работы. Тем не менее, как мы уже обсуждали выше, в данной динамической паре роли аналитика и пациента все же *асимметричны*, так как регрессия является прерогативой анализируемого в большей степени, нежели аналитика, стоящего на страже границ и целостности психоаналитической ситуации.

Перенос и контрперенос рассматриваются французскими аналитиками не только с точки зрения дуальной связи в ситуации здесь и сейчас. Это всегда неотъемлемые элементы более широкого *трехстороннего, топографического и временного пространства*, которое на психоаналитической сцене ограничено надежной оболочкой – сеттингом. Три различные модели трансферентно-контртрансферентных взаимоотношений очень важны во французском психоанализе. Это работы Мишэля Неро́, Франсиса Паша и Мишеля де М'Юзана.

С точки зрения Мишэля Неро́, перенос пациента строится на основании контрпереноса со стороны аналитика. В своей книге «Перенос» (1974) он утверждает, что контрперенос первичен по отношению к переносу, логически и по времени предшествует ему. Для Неро́ *асимметрия переноса и контрпереноса* является основным элементом для сохранения аналитических отношений, ситуации и пространства.

Вместо того чтобы рассматривать контрперенос в *ограниченных* рамках как реакцию на перенос, он предпочитает *экстенсивную* теорию, которая расширяет понятие контрпереноса, включая в него все фантазии, идеи, чувства, интерпретации и реакции аналитика в продолжение всего времени, пока динамическая и конфликтная связь с лечением не утрачена. Как пишет об этом Дюпáрк, если перенос и контрперенос рассматриваются как переплетающиеся в диалектическом поле, это не означает, что они смешиваются. Один из важнейших аспектов при этом – пересечение аффекта и репрезентации в трансферентно-контртрансферентном

поле, в результате чего аффект одной стороны встречает психическую репрезентацию другой. Это гарантирует, что взаимодействие *бессознательное – бессознательное* не примет психотической формы зеркального подтверждения, не превратится в *folie a deux* (безумие вдвоем). Все же, несмотря на все необходимые усилия *по сохранению асимметрии переноса и контрпереноса*, первый не является чистым повторением прошлого, так как в противном случае, согласно Нерó, это приведет процесс к полной остановке: именно благодаря реальности контрпереноса «аналитик представляет собой не объект переноса, но его окончательный фантазийный предел» (Цит. по: Duparc, 2001, p. 158).

Франсис Паш, в отличие от Мишеля Нерó, не делает столь же революционных высказываний и придерживается доминирующей в современном психоанализе модели трансферентного невроза. Вместе с тем он вносит новый оригинальный смысл в так часто критикуемую фрейдовскую метафору зеркала. Зеркало – позиция аналитика в отношении пациента – не должно быть холодным и очень отдаленным. Пара аналитик – пациент некоторым образом напоминает конфликт Персея и Медузы. Персей смог избежать превращения в камень от ужасного взгляда Медузы потому, что не смотрел на нее прямо, а только на ее отражение в своем щите, который и был *зеркалом*. Смотря как бы на ее психическую репрезентацию, он смог победить. В этом открывается важнейший смысл психоаналитической метафоры зеркала для позиции аналитика – принятие во внимание мира репрезентаций. Это не прямые и непосредственные восприятия, которые иногда могут быть вторгающимися и причиняющими боль обеим сторонам. Мы здесь снова видим *трехстороннюю* модель и очередное напоминание об асимметричности психоаналитической ситуации, отличии аналитика от пациента. В модели Пáша перенос и его воздействие очень важны, но аналитик должен быть способным, используя щит Персея, принимать аффективные проекции пациента без чувства нарциссической раны и быть в состоянии продолжать взаимоотношения, чтобы способствовать трансформации аффектов пациента, их связыванию посредством собственных психических репрезентаций и передаче последних пациенту в виде интерпретаций.

Химера

Мы можем видеть, что модели Нерó и Пáша занимают крайние позиции с соответствующими акцентами на контрпереносе (Нерó) и переносе (Паш). В определенном смысле промежуточной между ними является концепция *психологической химеры* Мишеля де М'Юзана.

Любовь М'Юзана к творчеству помогает ему выйти *за пределы дихотомий Я – Другой*, пациент – аналитик, субъект – объект, перенос – контрперенос. Опираясь на идеи выдающегося французского философа Мерло-Понти (1999), в своей экзистенциальной феноменологии предложившего выйти за пределы противопоставлений субъекта и объекта путем описания того, что располагается *между ними*, мы можем сказать, что М'Юзán находит нечто глубоко важное, новое и потенциально более целостное

между переносом и контрпереносом – по ту сторону их диадного противостояния. Это новое предстает перед нами в виде нового организма, который он называет «психологической химерой» (М'Юзэн, 1994). Это монстр, с помощью которого конструируются особенные аспекты невроза переноса. Последний уже не может тогда рассматриваться как перенос инфантильных конфликтов в аналитическую ситуацию. М'Юзэн утверждает, что в химере психическая структура и деятельность аналитика во время сеанса выполняют решающую роль в построении невроза переноса. Мы видим здесь отчетливые связи его концепции как с точкой зрения Мишеля Неро, так и с моделью Франсиса Паша.

Химера, являющаяся смесью обоих участников диады – продуктом, полностью не принадлежащим ни одному, ни другому, создается аналитиком во время сеанса посредством «парадоксального способа функционирования», когда он становится *периферией* сознания пациента. По меткому выражению Жерара Байе, «химера создается в зонах тени, там, где идентичность ревниво не охраняется. Это место слипания» (Bayle, 1996).

Бернар Шерве (1998) описывает, как переживаемый пациентом прошлый опыт обновляется в аналитической ситуации, если и сам анализируемый, и его аналитик начинают чувствовать колебания своих Я – колебания идентичности, сопровождаемые странным беспокойством; более или менее легкую *деперсонализацию*; иногда переживать еще более примитивные состояния, когда ребенок мог чувствовать себя как часть Другого. Аналитик во время сеансов стремится исследовать различные аспекты психической реальности пациента: сексуальную, нарциссическую, Я – идентичности. Однако, согласно М'Юзану, встретить их, узнать и вступить с ними во взаимодействие для аналитика становится возможным при условии, если он позволит себе самому войти в *симметричное колебание идентичности*, вплоть до состояния инфантильной растерянности, близкой к травматической ситуации, а следовательно, и к опасности.

Точное место для аналитика в этом случае – *место слушателя у «уст бессознательного»*. Психоанализ осуществляется тогда *от сказанного к услышанному* в идентификационном соединении, смешении. Как остроумно заметил Мишель Неро, аналитику платят за то, что он отказывается от своих мыслей и воспринимает ассоциации другого человека.

М'Юзан описывает, как два психических аппарата (пациента и аналитика), стремящиеся создать нечто целостное, создают некую разновидность неореализма, чудовища-химеры, оживленной особыми процессами, происходящими в парадоксальной системе². Парадоксальной ее делает *отчуждение, предложенное в целях получения свободы*. Эта система функционирует как совместный аппарат для двух психик с точным разделением вкладов каждой стороны: анализируемый предоставляет содержание, аналитик – процессы. Функциональные способности аналитика

² См. статью М. де М'Юзана в книге: А. Жибо, А. В. Россохин. Французская психоаналитическая школа, М.: Питер, 2004.

одалживаются анализируемым. Этот гибридный аппарат, созданный *двоими и для двоих*, М'Юзан рассматривает одновременно чудовищным и живым, обладающим пророческими способностями, способностями к предвосхищению и предсказанию, что помогает интерпретациям аналитика рождаться изнутри химеры. Как отмечает Бернар Шерве, рассматриваемая таким образом *функциональная взаимодополняемость* аналитика и пациента показывает ценность идентификационной близости – определенной *симметрии* между ними. Именно в это *первое время* – *время химеры* – интерпретационная работа психоаналитика не направлена на получение рационального знания. Это время глубокого аффективного и интуитивного познания психического функционирования пациента изнутри совместной химеры. Аналитик, дающий интерпретации из химеры, воспринимается анализируемым как *его другое Я*. Когда наступает *второе время* интерпретации, она направляется на лучшее понимание всех аспектов взаимодействия, происходивших в первое время, в том числе и на интерпретации, осуществленные изнутри химеры. Это второе время раскрывает *фундаментальную дисимметрию* между аналитиком и анализируемым.

Джойс Макдугалл (1978) не говорит о химере, но в ее теории примитивной коммуникации эта химера приобретает новые и интересные очертания. Ранние, превербальные травматические нарушения не регистрируются в предсознательном и поэтому недоступны для памяти. Младенцы не способны ни говорить, ни организовывать свои эмоциональные переживания. Они нуждаются в матери для того, чтобы справиться с ними и впоследствии *назвать* их. Пациенты, не имеющие подобного положительного опыта, стараются заставить аналитика пережить то, что для них невозможно не только осознать, но даже назвать. Примитивная коммуникация служит для эвакуации фрагментов первичного аффективного опыта в фундаментальный перенос, целью которого является *стирание любых различий между Я и Другим*. Если аналитик принимает это, он получает доступ к самым ранним переживаниям своего пациента – к «универсальной фантазии в психических переживаниях младенца, где есть только *одно тело* и только *одна психика* на двоих» (Макдугалл, 1999, с. 177).

Если Макдугалл описывает химеру как *одно тело* и *одну психику* на двоих, то Жан Гийомин видит психоаналитическую ситуацию как сближение *двух цефаллических³ пространств*, двух голов, теряющих свои границы, проникающих друг в друга и в некоторой степени смешивающихся. Их голоса и речь постепенно сливаются и превращаются в нечто единое, понятное только изнутри этой химеры, – одна голова и два разных тела.

Как отмечает Франсуа Дюпáрк, воспринимающую способность аналитика определяет глубина регрессии, которой он достиг, будучи пациентом в ходе своего личного анализа, и умение выходить из химеры без потери идентичности. Согласно М'Юзану, создание химеры на двоих зависит от

³ От греч. *kephale* – голова.

того, сможет ли аналитик выдержать *определенную степень деперсонализации*. Аналитик любого пола должен уметь переносить «сумасшествие контрпереноса» – первичное материнское сумасшествие, не теряя полностью своих границ и оставаясь способным к их быстрому восстановлению. Состояния деперсонализации, пережитые будущим аналитиком в качестве пациента, одновременно с формированием профессионального аналитического свойства сохранять при этом определенную активность своего Я будут в конечном счете определять способность аналитика работать в химере, быть в состоянии переживать подобные моменты потери идентичности уже со своими пациентами.

Различные описания химер – гибридов «бессознательное – бессознательное» – дают представление о тех сложностях, с которыми сталкивается аналитик в своей работе. Совместное с пациентом создание такой химеры на двоих может легко превратиться в безумие вдвоем, когда оживший в целях терапии монстр пожирает своих создателей. В случае если аналитик полностью утрачивает свои собственные границы в работе с пациентом, химера может превратиться в поглощающего его монстра. Подобные переживания, протекающие под контролем аналитического Я, напротив, помогают аналитику лучше понять психическое функционирование своих пациентов и подчеркивают чрезвычайную важность воображения для развития внутреннего мира.

Морис Бувэ подробно описал опыт *деперсонализации*, который необходимо пережить *на кушетке* будущему аналитику и благодаря этому, впоследствии, – его пациентам. Это определенная потеря границ своей личности, но под контролем Я (при полной деперсонализации мы будем иметь психотического пациента). Такое переживание создает предпосылки для интернализации женственности. Фрейд говорил об одной биологической мертвой точке как для мужчин, так и для женщин – это отказ от женственности, пассивности. В этом смысле женственность – способность быть пассивным в отношении объекта, способность к получению чего-то извне без опасения подвергнуться разрушению, атакам, исчезновению. Аналитическая работа является во многом подобным опытом, в ходе которого пациент приходит к пониманию того, что отказ от такой женственности связан с нарциссическими страхами, необходимостью защищать собственный нарциссизм. Аналитический опыт переживания деперсонализации, который, собственно, и представляет собой нарциссическую регрессию под контролем Я, означает слияние с первичным объектом, примитивным имаго матери – в то же время опасным и деструктивным.

А. Грин (1975) также убежден, что достаточная связь психоаналитика с собственными «бесформенными состояниями» дает ему возможность улавливать их у пациента. Работа контрпереноса, которую он должен выполнить, состоит в том, чтобы допустить эти состояния пациента и трансформировать их в «пригодную для размышления» форму. Она компенсирует неспособность пациента проделать такую работу для самого себя. Когда психоаналитик успешно справляется с этой задачей, «то, что ранее переживалось им как беспокойство, трансформируется в чувство

удовлетворенности». Бесформенные состояния, согласно Грину, заполнены ощущениями, которые не принимают форму образов или воспоминаний, и здесь недостаточно ограничиться одним только осмыслением – необходимо мобилизовать все рефлексивные способности психоаналитика. Только психоаналитик путем придания внутреннего значения этому «бесформенному» материалу может трансформировать его в «пригодные для размышления» психические продукты, которые затем он сможет сформулировать в словах-интерпретациях для своего пациента.

Следуя идеям А. Грина, Педро Бошан предполагает, что когда психоаналитик способен выполнить необходимую работу контрпереноса, трансформируя «бесформенное состояние» в мысль, а затем в интерпретацию, он способствует микроидентификации пациента с функцией «объекта, который интегрирует диссоциированное» (*Boschan*, 1987, p. 116). Осуществление подобной задачи, с его точки зрения, накладывает на психоаналитика тяжелую обязанность: быть терпимым в отношении собственных диссоциированных аспектов и контейнировать их, сохраняя контакт с диссоциированными аспектами пациента. Если эта цель достигнута, то пациенту удастся избежать повторения прежних отношений и пережитый терапевтический опыт обогатит *обе стороны*.

Интерпретация

Понятие *мутационной* интерпретации впервые было введено британским аналитиком Джеймсом Стрэчи (Стрэчи, 2000). Начиная с этой ставшей уже давно классической статьи (1934), в англоязычном психоаналитическом мире качество мутационности имеют только *систематические* трансферентные интерпретации. Давая трансферентную интерпретацию, аналитик интерпретирует то, что происходит в данный момент между ним и пациентом (здесь и сейчас), и в то же время показывает, как это связано с объектами из прошлого пациента. Для Стрэчи эти интерпретации являются *мутационными*⁴.

Мы можем видеть, что сформулированные таким образом, эти интерпретации являются очень «вторичными» интерпретациями (опирающимися на вторичный процесс) – не такими творческими, как «первичные». Они больше связаны с конструкцией. Фрейд в своей работе о конструкции в анализе говорит о различии между интерпретацией и конструкцией. Для него конструкция связана с тем, что происходит сейчас, но одновременно связано и с прошлым. Это означает, что мутационная, по Стрэчи, форма интерпретации будет связана с конструкцией в смысле Фрейда – то есть со вторичным процессом.

Британский аналитик Дёниз Дункан, чья точка зрения близка идеям французского психоанализа, описывает интерпретации, которые нарушают процесс свободных ассоциаций пациента. Интерпретация, *адресованная предсознательному* пациента, *прерывает поток* ассоциаций,

⁴ См. его статью в первом томе Антологии современного психоанализа.

так как в ответ на объяснение, данное на основе вторичного процесса, пациент может думать только в терминах вторичного процесса. Напротив, интерпретации, обращенные к бессознательному материалу, находятся в едином потоке со свободными ассоциациями, оказывают динамический эффект и ведут к новым для пациента и аналитика открытиям (Duncan, 1989).

Интерпретации-объяснения имеют важное значение в анализе, однако, с точки зрения французских психоаналитиков, они не обязательно являются мутационными. Так, в частности, М'Юзэн считает, что «интерпретации, сконструированные *логично*, формируют знание, полностью лишенное какой-либо мутационной возможности» (М'Юзэн, 1994) (*курсив наш.* – Авт.).

Интересна эволюция, которую прошла концепция трансферентной интерпретации в англосаксонском психоанализе. Британский аналитик Дана Биркстед-Брин⁵ уверена, что «интерпретации здесь-и-сейчас» могут рассматриваться как *характеристика британской школы*, так как эти интерпретации применяются всеми тремя группами» (Birksted-Breen, 2003, p. 1502) (*курсив наш.* – Авт.). Вместе с тем она признает, что не все британские аналитики согласны с доминирующим использованием этих интерпретаций, и приводит в качестве примера Кинг (King), Коуч (Couch), Моллон (Mollon).

С точки зрения Перл Кинг, одной из наиболее выдающихся и старейших членов Британского психоаналитического общества, современный акцент на «интерпретации переноса как текущих отношений между пациентом и аналитиком в "здесь и сейчас" исключает использование многих ключевых технических понятий Фрейда» (King, 1996, p. 1). Она добавляет: «Понятие переноса, посредством которого аффекты, воспоминания пережитого в прошлом переносятся на настоящее и по-прежнему присутствуют в сознании пациента, игнорируется и заменяется *уравниванием переноса и отношений*. Таким образом, если аналитик интерпретирует отношения, считается, что он интерпретирует перенос» (*там же*, p. 3) (*курсив наш.* – Авт.).

Во французском психоанализе мутационная интерпретация в большей мере основывается на первичном процессе и не обязательно связана с переносом. Для Мишеля де М'Юзэна, такие интерпретации – *аллюзивные, намекающие*. Он описывает их как конденсированные, состоящие из изолированных слов, неполных предложений, даже из иллогических конструкций, использующие аналогии и в этом смысле в большей степени связанные с образом, который в них рождается. Он уверен, что классическое «свободно парящее внимание» является точным, но в то же время слишком узким термином для обозначения состояния психоаналитического мышления, которое дает возможность осуществляться неуловимым моментам в процессе общения между двумя бессознательными.

⁵ Ее интерес к французскому *après-coup*, как и саму эту концепцию, мы рассмотрим ниже.

Эти неуловимые моменты находят свое выражение в коротких, иносказательных, заряженных аффектом интерпретациях при отсутствии каких-либо рациональных, вторичных объяснений.

А. Грин (1974) обращает внимание, что анализ, выполненный исключительно с использованием интерпретаций переноса, часто подвергает пациента непереносимому давлению. Он может принимать форму расследования, даже если эти интерпретации призваны помочь пациенту понять, что происходит внутри него. М'Юзан соглашается с Грином: «Во всех этих случаях пациент находится в позиции обвиняемого: это он наделен аффективностью, лишен способности к адаптации, имеет слишком вязкое либидо и подчинен дьявольскому бессознательному» (М'Юзан, 1994).

Уважение к сопротивлению пациента – одно из условий развития процесса психоанализа. В этом смысле одна из главных забот и М'Юзана, и Грина – понять, при каких условиях интерпретация будет интроецирована пациентом без чувства нарциссической раны и уязвленности. «Иногда необходимо, чтобы пациент проецировал себя на аналитика, т. е. входил в него для понимания того, что происходит здесь, но в равной мере существенно, чтобы время от времени оба "смотрели" вместе на *третий объект*» (Green, 1974, p. 416) (*курсив наш.* – Авт.).

Это причина того, почему французские психоаналитики делают различие между интерпретацией переноса и *интерпретацией в переносе*. Последняя осуществляется внутри ситуации переноса – контрпереноса – *из химеры*. В этом случае аналитик не обозначает перенос, т. е. не связывает то, что происходит «здесь и сейчас» с тем, что происходило в прошлом пациента. В противном случае подобная интерпретация будет *разделять* его и пациента. В *аллюзивной* интерпретации аналитик не называет также и себя или пациента, они оба просто находятся в химере, которая является их смешением. Если интерпретация *рождается в химере* – неизвестно, откуда она приходит, или от аналитика, или от пациента, – сепарации не происходит, и интерпретация будет нести в себе материал, прямо и непосредственно связанный с бессознательным пациента. Именно такая интерпретация и будет *мутационной*.

Клинический пример М'Юзана⁶ показывает, как аналитик в своем «парадоксальном контрпереносе» получает некий образ, который не имеет ничего общего с предыдущим рассказом пациентки об отношениях с матерью. Он видит очень фаллическое выражение ног и дает интерпретацию, основанную на его спонтанных ассоциациях. Пациентка немедленно отвечает появлением нового материала более высокого уровня психической организации. В своей интерпретации аналитик не использовал слово «пенис», но после нее пациентка, до этого в течение многих сессий говорившая о слиянии с матерью, о прегенитальных, архаических конфликтах, внезапно впервые начала говорить о кастрации. Данная спонтанно,

⁶ См. его статью в книге: А. Жибо, А. В. Россохин. Французская психоаналитическая школа. М.: Питер, 2004.

интерпретация оказалась очень динамической без какого-либо использования вторичного процесса. Эта интерпретация была сделана внутри переноса и исходила из химеры.

Интерпретация, сконструированная на основе вторичных процессов, может иногда оказаться для пациента настолько длинной, сложной и многоплановой, что он может просить аналитика повторить ее, так как для него невозможно даже просто запомнить все смыслы, которые она включает. Пациент может не понять ее, потерять или забыть часть смысла, и в результате слова аналитика останутся на поверхности сознания пациента, несмотря на возможно глубокий аналитический смысл, заключенный в интерпретации. В случае очень конденсированных, аллюзивных интерпретаций такого произойти не может. В ответ на них пациент может погружаться в молчание, но *не потому, что пытается понять* то, что сказал аналитик. Он будет чувствовать удивление и озадаченность, что поможет ему более спонтанно ассоциировать. Именно на получение такого эффекта и направлена «первичная» интерпретация. Мы можем даже сказать, что такая интерпретация приостанавливает работу вторичных процессов у пациента и открывает дверь свободным ассоциациям. Это подобно воздействию дзэн-буддийского коана, который невозможно понять, используя рациональное мышление.

В то же время, если для аналитика единственное значение будет иметь взаимодействие бессознательное – бессознательное, может иметь место опасность, что он будет или чрезмерно молчаливый и отсутствующий, или его интерпретации будут казаться слишком мистическими, подобно скупым репликам буддийского наставника.

Слишком систематические интерпретации переноса в «здесь и сейчас» иногда могут превращаться в «стерильные». Флоранс Кяртье-Фрин замечает, что, когда слова в интерпретации слишком «подходящие», формулировки просты и часто повторяются, язык может еще иметь смысл, но этот смысл не способен приводить к каким-либо изменениям, так как он более не свидетельствует о психической работе, производной которой он является. Аналитическая работа может быть красиво выстроена с языковой точки зрения, но повторяться круг за кругом, не принося ничего принципиально нового. Анализ здесь рискует стать бесконечным.

Когда аналитик начинает думать *по-другому*, а точнее, позволяет своему мышлению *приостановиться* и открывается *странным образам* из химеры бессознательного, его речь в интерпретации становится *живой* (Green, 1973) *и наполненной аффектами*. В этом случае формулировка интерпретации становится прямой и производимый ею эффект удивления приводит к появлению новых, необычных связей между словами и проявляющимися аффектами. Речь идет о *творческом движении мысли*, свойственном психоаналитическому мышлению в целом.

Аналитические моменты, связанные с внезапным возникновением чувства удивления у пациента или аналитика, трудно переоценить. Удивление – это верный признак того, что аналитический процесс определенно дает пациенту возможность переживания внезапного нового опыта относительно собственной психической реальности. *Быть способным*

удивляться – это значит быть в состоянии *принимать неопределенность*. Мы не знаем, что произойдет, и открыты новому неизвестному переживанию. Если субъект боится такого непредсказуемого будущего, он будет развивать защитные механизмы, которые, возможно, смогут обеспечить ему «предсказуемое будущее», несмотря на всю его возможную непривлекательность. Вместо того чтобы оставить свое психическое пространство свободным, открытым для нового, в том числе и позитивного опыта, такой субъект, твердо знающий, что будущее может быть негативным, трансформирует свою жизнь во что-то негативное. В этом случае он уверен, что не может произойти ничего, что бы удивило его.

Трансформируя реальность в знакомые смыслы, не оставляющие никакого промежутка, пространства для неопределенности, субъект старается защитить себя от вторжения неизвестного объекта. Для него все имеет *его* значение – *никакой неопределенности и никакого удивления*. Мы иногда встречаем пациентов, которые каждый шаг своей жизни соотносят с астрологическими прогнозами. Астролог может все объяснить – придать всему ясное и определенное значение. В мире, где нет неопределенности, нет творчества, неожиданности и развития. *В таком мире не может родиться время, приносящее удивление.*

В аналитическом процессе одна из важнейших задач аналитика – помочь пациенту *быть удивленным* в ответ на даваемые ему интерпретации. Конечно, такое возможно в первую очередь при аллюзивных интерпретациях, изначально связанных с идеей удивления, которое сначала может возникать у аналитика в ответ на приходящие ему образы и затем передаваться пациенту. В любом случае необходимо время, чтобы дать возможность удивлению открыть дорогу творческим процессам.

Возможно, несколько преувеличивая, Кяртье-Фрин полагает, что аналитику необходимо «изобретать, поддаваться, быть одновременно ловким, хитрым и наивным, не бояться ошибиться, давать себя удивлять, но – без дезориентации и потери границ даже на короткое время. Именно так создаются языковые связи, *удивляющие* своей необычностью и взаимной асимметрией. Аналитик и анализируемый стараются говорить о мучительном и счастливом в жизни, поддерживая при этом процесс, единственная забота которого – найти *беспокоящие, чуждые или знакомые слова*, которые позволили бы связать мысли и чувства, постепенно приближая их друг к другу, хотя и различными способами, на пути к новым открытиям» (*Quartier-Frings*, 1995, p. 45).

Основываясь на теории языка Андре Грина и рассматривая ее как теорию интерпретации, Кяртье-Фрин убеждена, что описанное им функционирование Я в анализе изменило понимание интерпретации, которая должна быть не столько облегчающей, устраняющей напряжение, сколько – *творческой*. В результате психоаналитическое мышление и практика оказываются перед неизведанным пространством, где связаны воедино язык, мысли и аффекты.

Французская психоаналитическая традиция – *слушать то, что следует за речью* – берет свое начало с работ Ж. Лакана, на которого повлияли лингвистические идеи Ф. де Соссюра. То, что следует за речью, – *смысл*,

и аналитик, по мнению Юлии Кристевой (1988), должен следовать за пациентом на уровне его речи, оставаясь открытым всем значениям, скрывающимся за ней. Это довольно трудный вид внимания, и аналитику необходимо более глубокое переживание состояния пациента, чтобы быть способным понимать смыслы *от его имени*. Как и Морис Бувэ и Мишэль де М'Юзэн, Кристевá убеждена, что такая работа требует сформированности у аналитика умения регрессировать, следуя за регрессией пациента и сохраняя при этом достаточное присутствие своего Я. Результатом может стать сжатая, лингвистически и аффективно насыщенная интерпретация, прямо входящая в контакт с бессознательным пациента, сосредотачивающаяся на скрытых семантических аспектах психоаналитической коммуникации, на узловых точках, в которых бессознательные значения могут быть выражены с использованием метафоры или метонимии.

Как признает Отто Кернберг (1999), эти развиваемые во французском психоанализе «сохраняющие "загадочный" аспект интерпретации» не могут быть прямо соотнесены с трансферентными интерпретациями «здесь и теперь» и «там и тогда», являющимися главным техническим инструментом англосаксонских аналитиков различных школ.

Перенос для эго-психологов, кляйнианцев, независимых и интерперсональных психоаналитиков продолжает во многом оставаться «исключительным произведением пациента, бессознательным повторением в ситуации «здесь и теперь» патогенных конфликтов и объектных отношений из прошлого, причем *аналитик остается за пределами этих конфликтов*, что облегчает выяснение этих конфликтов последующим анализом схем переноса. Эта позиция часто связывается с традиционным понятием невроза переноса, который заключается в последовательном разворачивании в переносе бессознательных конфликтов пациента, с постепенной большей концентрацией этих конфликтов в переносе по сравнению с другими областями жизни пациента и с возможностью постепенного разрешения этих конфликтов *систематической интерпретацией переноса*» (Kernberg, 1993, p. 666) (*курсив наш.* – Авт.).

Кернберг сравнивает этот подход с *анализом переноса* во французской школе, уделяющей, как он пишет, значительное место глубокому наблюдению переноса, но интерпретирующей его подчеркнуто *несистематически* в противовес систематичности английских подходов, чтобы избежать авторитарного искажения переноса из-за слишком частых интерпретативных вмешательств.

Вместе с тем, как мы видели выше, это верная, но не единственная причина несистематического анализа переноса. *Главное различие* заключается в ответе на вопрос, какие интерпретации являются мутационными: трансферентные интерпретации, опирающиеся на *вторичные* процессы, или *творческие* интерпретации в переносе, имеющие в своей основе *первичные* процессы, занимающие свое место в *потоке свободных ассоциаций* и отпускающие на свободу развитие полисемии.

Ответ французского психоанализа на этот ключевой вопрос, однако, не заключается в выборе одной возможности из двух представленных. Психоаналитический процесс – это всегда *диалектическая связь* между

первичным и вторичным процессом; иносказательными и трансферентными интерпретациями; химерой бессознательное – бессознательное и взаимодействием аналитического Я и наблюдающего Я; приостановкой рефлексии и активностью психоаналитического мышления; деперсонализацией и интеграцией, в конечном счете – между вневременностью бессознательного и ограниченным временем анализа.

Мы должны научиться терять время, для того чтобы его обрести. Это еще один парадокс Мишеля де М'Юзана, впрочем, прямо согласующийся с рассмотренным выше: *научиться терять идентичность для того, чтобы обрести целостность.*

М'Юзан (1988) различает интерпретативную *тактику* и *стратегию*. Первая имеет в качестве цели ближайшие и последовательные действия и направлена на анализ содержания и переноса. Вторая уделяет больше внимания *ожиданию*, оберегает моменты *молчания*, прибегает к интерпретации лишь время от времени и направлена в большей степени на психическое функционирование.

Во французском психоанализе проводится различие между интервенцией и интерпретацией. Интервенция, например, – объяснение внутреннего конфликта пациенту – может играть важную роль в аналитической ситуации. Аналитик в своей работе с пациентом должен *сохранять баланс между различными видами интерпретации*, используя их в зависимости от развития психоаналитического процесса, принимая во внимание интерпретативную тактику и стратегию.

В одних ситуациях интерпретация в переносе *создает условия* для анализа самого переноса. В других сначала необходимо использовать интерпретации, которые будут помогать пациенту понять собственные конфликты, противоречия. И только впоследствии будет возможно использовать аллюзивные интерпретации с их более глубоким динамическим эффектом.

В этом смысле психоаналитический процесс – это развитие отношений аналитика и пациента на *двух уровнях*: уровне *первичной идентификации* (химеры) и на уровне *вторичных* процессов, связанных в том числе и с *постэдипальным Сверх-Я*, наблюдающим за сохранением границ аналитического сеттинга. Одновременно с этим одна из важнейших задач аналитика – не просто сохранять осознание этих двух уровней взаимоотношений с пациентом и наблюдать за их развитием, но и способствовать их *диалектическому взаимодействию* друг с другом сначала в *своей психической реальности*, затем постепенно в *совместной химере* и после этого все больше и больше – в *психической реальности пациента*. Иметь свободно парящее внимание для аналитика не означает быть полностью затерянным в собственных спонтанных ассоциациях и в соответствующих им интерпретациях.

Еще одна известная оппозиция – выбор между интерпретациями *архаического* (*прегенитального* и доэдипова) материала и интерпретациями, относящимися к более зрелой (*генитальной* и *эдиповой* позиции). И в этом случае – это не выбор или-или, а скорее проблема анализа *противоречий* между производными *частичных* влечений, с характерной для

них раздробленностью влечения, и *более интегрированными* желаниями. Тревога происходит из неадекватного разрешения этого *конфликта* и не может быть отнесена целиком *только к одной из его сторон*. Как отмечали Ренé Дяткин и Жанин Симон (1987), интерпретация должна придавать смысл в меньшей мере *содержанию*, «одному или нескольким элементам», чем «*психическим противоречиям*, спровоцированным аналитической ситуацией» (р. 30).

В целом для французского психоанализа характерно пристальное внимание к архаической сексуальности, особенно к архаическому эдипову комплексу, который рассматривается в тесной связи с прездиповыми симбиотическими отношениями мать – ребенок.

Жанин Шассгé-Смиржель⁷ показывает, что есть особенный архаичный эдипов комплекс, в котором принцип реальности вступает в борьбу с принципом удовольствия, представленным материнской маткой, в которую ребенок мечтает вернуться. Принцип реальности, в свою очередь, характеризуется всеми препятствиями, с которыми ребенок сталкивается в его желании вернуться в материнское тело: отец, пенис, родной брат или сестра. Все эти препятствия к возврату в материнское тело являются частью отцовской сущности и связаны с реальностью с тех пор, как эта реальность мешает ребенку вернуться в материнскую вагину. Все это – путь вступления реальности в мир принципа удовольствия. Не стоит думать, что есть кто-то, кто не имеет препятствий. Отец тесно связан с архаической матерью эдипова комплекса. Он весь в оппозиции к этому мягкому миру удовольствия, растворенному *беспрепятственно* в материнском теле. Отец не может существовать в нем (*Chasseguet-Smirgel*, 1986).

Акцент французского психоанализа на тесной взаимосвязи между прездиповыми и эдиповыми конфликтами и структурами, по свидетельству О. Кернберга (1993), приводит ко все более возрастающим сомнениям в ценности линейной концепции развития от оральной к анальной и далее к генитальной и эдиповой стадии.

Подлинно эдипово структурирование реальности, архаическая эдипова ситуация, указывает на *исходную функцию отца как третьей стороны*, – «отцовской надписи» в доэдипальных стадиях развития (Ю. Кристевá), – служащей препятствием для симбиотических отношений между матерью и младенцем, так что продвижение вперед от архаических эдиповых к продвинутым эдиповым психическим структурам совершается *одновременно* с развитием оральных и анальных конфликтов.

Крайнюю позицию здесь занимает Мишель де М'Юзан, который придерживается взгляда, что психические изменения возможны в классическом психоанализе без интерпретации прегенитальных конфликтов. Он считает, что многие аналитики говорят о «нарциссической слабости» пациентов, но этого не следует преждевременно опасаться. Для каждого типа пациентов М'Юзан ставит перед аналитиком задачу проработки

⁷ См. также ее статью в книге: А. Жибо, А. В. Россохин. Французская психоаналитическая школа. М.: Питер, 2004.

кастрационного комплекса и выхода на эдипов уровень – преодоление прегенитальной фиксации и освоение нового уровня развития либидо. В конечном счете он уверен, что, следуя его методическим рекомендациям, можно осуществить подлинный психоанализ продолжительностью не более трех лет, однако не рекомендует свою методику «обоснованных рисков» начинающим аналитикам.

Не в такой радикальной форме, но в том же духе французские психоаналитики рассматривают интерпретативный процесс как прогрессивный вектор, *указывающий основное направление* – от архаичных к более зрелым аспектам эдипова комплекса.

Для аналитика иногда бывает важно признать, что необходимо приводить анализ к завершению – даже в том случае, если у него есть чувство, что он не проанализировал еще все, что возможно. Потребность проведения *максимально полного анализа* всех аспектов психического функционирования пациента – это проявление *фантазии о всемогуществе*.

Один из научных коллоквиумов, проходивших в Парижском психоаналитическом обществе, был посвящен проблеме завершения анализа. На нем подчеркивалось, что окончание анализа должно оставлять пациенту *психическое пространство*, в котором он будет внутренне работать в постаналитический период. Если допустить, что возможно проанализировать все, то такой анализ не даст пациенту такой перспективы и сделает невозможным его дальнейшее личностное развитие.

В случае когда личная концепция психоаналитического процесса у аналитика (может быть, даже неосознанно для него самого) основана на модели «младенца, находящегося у груди матери», он будет склонен к работе с высокой частотой сессий, например пять сессий в неделю, и проработке всего, что возникает на прегенитальном уровне анализа. Если его пациент имеет прегенитальную фиксацию, то такой анализ рискует стать бесконечным – в реальности, а не в смысле вневременности бессознательного.

Когда внутренняя концепция анализа основана не на контейнировании любой ценой и полной проработке прегенитальной ситуации, а выстроена вокруг главной идеи – *от архаического к зрелому эдипову комплексу*, – аналитик может устанавливать сеттинг с меньшим числом сессий. Его интерпретации в этом случае не блокируют пациента на прегенитальном уровне, но сфокусированы на помощи ему в движении от переживаний преэдипова уровня к эдипову опыту. Такая работа создает возможность более быстрого терапевтического прогресса и может приводить к сокращению времени анализа без потери его эффективности.

Все сказанное не означает, что мы должны игнорировать прегенитальный материал. Психотические пациенты, например, могут предъявлять материал, который производит впечатление эдипова, но в действительности является прегенитальным. Интерпретация его как эдипова будет вызывать ощущение вторжения у пациента, внося дополнительное напряжение и возбуждение. В подобных ситуациях необходима тщательная работа с прегенитальным материалом *при одновременном постоянном*

размышлении о возможности пусть даже самого незначительного продвижения к эдипову уровню.

В своем вступительном докладе к 42-му конгрессу Международной психоаналитической ассоциации (Ницца, 2001) Жан-Люк Доннэ различал две полярные модели аналитического процесса: (1) отказ от чрезмерных интерпретаций в пользу «молчаливого слушания» аналитиком пациента – широко распространенный во Франции, и (2) интенсивную и систематическую объяснительную активность, выявляющую внутреннюю *обязанность* интерпретировать. Соглашаясь, что молчание аналитика способствует получению пациентом важного опыта одиночества в присутствии объекта, Доннэ тем не менее замечает, что оно – в зависимости от пациента и хода психоаналитического процесса, может приводить к разным, часто очень противоположным результатам.

Интерпретативная концепция Андре Грина, сформулированная им еще в 1974 году, представляет из себя динамический баланс между этими двумя крайними моделями, описанными Доннэ. Анализ, согласно Грину, «определяется не столько самой регрессией, сколько процессом регрессии – прогрессии, движениями вперед и назад, вызванными сопротивлением пациента. Этот процесс нужно поддерживать, чтобы помочь пациенту найти оптимальный для него ритм. Это подразумевает не только молчание со стороны аналитика (разрешающее молчание), но и прогрессирующий интерпретативный подход в отношении регрессии пациента» (Green, 1974, p. 416). По его мнению, *цель анализа состоит в том, чтобы подготовить пациента к самоанализу*, что согласуется с Винникоттом (2000), утверждавшим, что способность использовать объект тесно связана с его выживанием после разрушения. «Пациент должен быть способен использовать аналитика и его интерпретации как объекты, которые помогут ему в достижении способности быть в одиночестве (без аналитика) – сначала в присутствии аналитика, а позднее и без него, как будто бы он *потенциально* присутствует, в то время как фактически его нет. Таким образом молчание может сначала восприниматься как пустое пространство, которое по мере продвижения анализа становится заполненным – пространством, полным фантазийных объектов: анализ не заинтересован в его разрушении, но скорее в его преобразовании таким образом, чтобы это приносило пользу пациенту» (там же, p. 416).

Грин подчеркивает, что *молчание в психоанализе* – не просто отсутствие речи, как в повседневной жизни, – оно *наделяется аффектом*. Эти аффекты могут быть проявлениями слияния или разрушения, и поэтому *дозирование молчания* очень важно. «Иногда молчание может репрезентировать общение, присутствие аналитика. В других случаях – отсутствие, смерть или пустоту. Важно не столько «количество» молчания, сколько его «качество» – свойство, определяемое исключительно аналитиком. Нет жестких правил относительно молчания: каждый конкретный случай требует соответствующего отношения. Здесь уместна идея Винникотта о «способствующей атмосфере». Молчание должно оцениваться с точки зрения помощи, которая в нем предлагается пациенту, и от него не обязательно отказываться в попытке избежать фрустрации. Язык, в противоположность

молчанию, играет посредническую роль между удовольствием и недовольством, а не только между слиянием и разрушением (*там же*, р. 418).

В соответствии со своей концепцией химеры, Мишэль де М'Юзэн предлагает рассматривать молчание аналитика как *способ создания химеры*. С его точки зрения, если аналитик много говорит, он будет говорить вдоль линии вторичного процесса и использовать соответствующие интерпретации. Молчание становится необходимо для создания пространства, в котором могут рождаться аллюзивные интерпретации, способные приносить динамический мутационный эффект. С другой стороны, *слишком много молчания* может провоцировать чрезмерно сильную регрессию. Концепция молчания прямо связана с идеей об аналитике, который *не слишком присутствует и не слишком отсутствует*. Мы снова возвращаемся к модели отношений между матерью и ребенком. Согласно Фрейду, Винникотту и Биону, если мать слишком присутствует, то для ребенка нет пространства для развития, все его желания удовлетворяются, и он не имеет возможности думать самостоятельно. Но если мать чрезмерно отсутствует, он может сначала пребывать в галлюцинаторном удовлетворении, которое постепенно будет приводить к росту недовольствия и порождать различные травматические переживания. Аналогично этой модели, аналитик должен находить для каждого пациента достаточно хорошую дистанцию между своим присутствием и отсутствием. Если он слишком отсутствует с пациентом, который сам склонен к этому, они не смогут найти контакт друг с другом. Если же аналитик чрезмерно присутствует со слишком присутствующим пациентом, анализ может превратиться в *арену для нарциссической борьбы*.

В терапии аналитики часто сталкиваются с пациентами, которые не выдерживают малейшего молчания, потому что боятся появления какой-либо пустоты. Когда такой пациент становится более молчаливым, это может иногда свидетельствовать о значительном прогрессе в анализе и дать аналитику возможность быть более восприимчивым к тому, что происходит во внутреннем мире пациента.

В аналитической работе, как и в отношениях мать – ребенок, важно сохранять хороший баланс между отсутствием и присутствием, между пассивностью и активностью. Для матери, как мы уже описывали это выше, достижение такого баланса становится возможным, если она сохраняет связь с *третьей стороной* – отцом ребенка; для аналитика такая *третья сторона* – *постэдиново Сверх-Я*.

Время и *apres-coup*

Проблема времени лежит в самом сердце психоаналитической теории и практики. Понимание времени и отношение к нему в терапии является, возможно, наибольшим различием французского и англосаксонского психоанализа. В то время как последний опирается на линейную, эволюционную модель: прошлое – настоящее – будущее, первый акцентирует нелинейность времени и диахронную гетерогенность психического аппарата.

Грин (2000) ясно показывает существование «расколовшегося времени», приводя в качестве примера собственные ассоциации по поводу сновидения, увиденного им накануне. Он описывает это особое время, которое имеет мало общего с непрерывной временной последовательностью: прошлое – настоящее – будущее. Все в его сне происходит в настоящее время, явное содержание сновидения, кажется, подчинено определенной линейности. Однако это только поверхностное впечатление, сразу же исчезающее при незначительной ассоциативной работе. Грин обнаруживает сложные временные комбинации, состоящие из воспоминаний, принадлежащих самым разным периодам его прошлого – от относительно недавних событий до других, уходящих в его раннее детство.

Этот простой опыт свободных ассоциаций ставит главный вопрос о *связи времени и бессознательного*. Ответ на него заставляет психоаналитиков пересмотреть *старые концепции времени*, построенные на основе связи времени и сознания.

Грин демонстрирует, как распространенное в некоторых психоаналитических направлениях желание «отменить Оно» забирает у времени *самую мощную диалектическую силу*, порождая в лучшем случае «наивный генетический подход» с потерей самой сути психоанализа. Последователи различных школ, ориентированные на анализ «объектных отношений», имплицитно (а иногда и явно) устанавливают символическое равенство: *аналитик = объект* (или другой субъект). Подобный подход, направленный на исследование взаимодействия *аналитической двоицы*, кажется им совершенно достаточным для осуществления психоанализа, и нет необходимости обращаться к *интрапсихическим измерениям* обоих участников терапии. Отношения здесь лишены влечений, и, следовательно, влечений нет ни у субъекта, ни у объекта. За идеей субъекта (интерсубъективность) или личности (интерперсональность) скрывается идея *партнеров*, чья *психическая структура никак не связана с Оно и, конечно, с инфантильной сексуальностью*.

Грин продолжает: «Как бы они ни различались, все подобные подходы – от объектных отношений до психологии Самости или интерперсональности, ставящие акцент на объекте или на его комплементарной паре, как бы последнюю ни называли – Я, Самость, субъект, – все они основаны на общем для них постулате, следствием которого является не только отказ от теории влечений, но и нечто гораздо более серьезное. Все они предполагают возврат к концепции времени, порожденной генетической психологией, и порывают с основными элементами теории, содержащейся в работах Фрейда, возвращаясь ко времени, которое развертывается в традиционных координатах: прошлое – настоящее – будущее» (Green, 2000, p. 143).

Причиной подобного отказа от влечений, как полагает Грин, стал возврат к «научно ориентированной» идее о необходимости проведения наблюдений. Именно она и заменила подлинную психоаналитическую мысль, согласно которой *полиморфизм* психоаналитического отношения, основанного на слушании, рассматривается в связи с медиатизацией раздробленного времени.

Сознание подразумевает причинность. Время в мире сознания является основой этой причинности – основой связи между причиной и следствием. Безвременность бессознательного портит всю картину. Влечения начинают играть важнейшую роль в организации времени – выполнять функцию, полностью противоположную той, которая связывала время и сознание.

Все эти размышления приводят Грина и многих других французских аналитиков к отказу от старой концепции времени, в пользу новой, основанной на феномене *après-coup*.

В своей недавней статье «Time and the *après-coup*» британский аналитик Дана Биркстед-Брин предпочитает использовать французский термин *après-coup*⁸, а не его немецкий оригинал – фрейдовское понятие *Nachtraglichkeit*, «для того чтобы подчеркнуть именно третье значение *Nachtraglichkeit* – ретроспективное приписывание смысла, фокусирование на котором основывается на целом корпусе французских психоаналитических работ» (*Birksted-Breen*, 2003, p. 1502). Она ссылается на особенный интерес некоторых британских психоаналитиков к французским концепциям. Это очень известные имена – Кохон (Kohon), Митчел (Mitchell), Перелберг (Perelberg), Парсонс (Parsons), Боллас (Bollas), Кеннеди (Kennedy).

Вместе с тем серьезные теоретические и технические различия между двумя школами сохраняются. Критикуя психоаналитическую концепцию развития и ссылаясь с иронией на «знаменитое здесь и сейчас», Андре Грин признает, что оригинальность французская позиция обрела во многом под влиянием Жака Лакана. Последний всячески противостоял любой форме генетического подхода, считая его несовместимым с диалектическими идеями. Грин полагает, что необходимо поблагодарить Лакана за то, что «ценность фрейдовской концепции *Nachtraglichkeit* снова была выдвинута и стала фундаментальным теоретическим стержнем для французского психоанализа. Потребовалось много времени для того, чтобы зарубежные коллеги признали наш интерес, но кажется, совсем недавно они стали особенно успешны в этом. Без преувеличения можно рассматривать эту концепцию как подрывающую классическую временную модель и в то же время обеспечивающую основу – по крайней мере частично – для специфики психической нелинейности в психоанализе» (*Green*, 2000).

Наше интуитивное понимание настоящего как процесса между прошлым и будущим, согласно Грину, является *иллюзорным*. Различные стороны предшествующего опыта связаны вместе во времени. В отличие от линейной концепции времени, *настоящее может влиять на прошлое*. Это означает, что с человеком может произойти некоторое событие, которое не будет иметь для него серьезного смысла и последствий в тот момент – только «оставит свои отметки на психике» (Грин).

⁸ По тем же самым причинам, что и Дана Биркстед-Брин, мы используем французский термин *après-coup* вместо русского перевода немецкого *Nachtraglichkeit* (отсроченное действие).

Эта «психическая матрица» получит повторное пробуждение и новое значение позже – *ретроспективно*, когда спустя определенное время другое более или менее случайное событие внезапно придаст новый смысл прошлому событию. Это модель *après-coup*.

Таким образом, ретроспективно второе событие придает первому значение, которое существовало до этого лишь в состоянии *виртуальности*, наряду с целым рядом других возможностей. Это фиксирует только одну из различных возможностей развития психической матрицы первого события. Этот новый смысл первого события прогрессивно влияет уже на потенциальные значения второго события (третьего, четвертого...), снова выбирая и пробуждая одно из них. Так создается *ретроспективное эхо*.

В анализе при регрессии пациент не возвращается в исторически реальное состояние прошлого, он развивает в определенной степени новый опыт. В этом смысле перенос является чем-то новым, приносящим *нечто иное*, путем механизма *après-coup*, в прошлый опыт и придавая ему тем самым новый смысл. Таким образом, *après-coup* – это подлинное переживание, придающее прошлому ретроспективный смысл. Что-то из того, что уже было сказано в анализе, может изменить свое значение в свете более нового движения. Как говорит Жан-Люк Доннэ (2001), «фактически, интерпретация, когда она мутационная – происходит ли она от пациента или от аналитика, – приходит, когда хочет: это дело *après-coup*, и ее появление неочевидно и непредсказуемо».

Как следствие нового понимания времени, Грин (2000) предлагает свой взгляд на происхождение психической травмы. Он предполагает, что серьезные расстройства возникают в ситуациях, когда психические травмы из различных временных периодов жизни сталкиваются, придавая новый смысл друг другу. В нелинейной модели психического развития Грина эти травмы не существуют в последовательном временном континууме. Время взрывается и раскалывается на осколки, которые продолжают оставаться в состоянии напряжения по отношению друг к другу.

Психическая организация не перестает менять себя с течением времени. Травма происходит не только в прошлом, она может случиться во взаимодействии настоящего момента с прошлым. Таким образом, психическая причинность не является регрессивной – проблемы человека не обязательно заложены в прошлом, и концепция времени является прогрессивной в той же степени, насколько и регрессивной, и представляет собой древовидную структуру, которая постоянно пробуждает не выраженные ранее потенции, производящие ретроспективное эхо.

«Кто сможет сказать, сколько времени будет продолжаться анализ? С начала этой конкретной практики длительность терапии заметно возросла. Таким образом, увеличивающийся опыт не влияет на сокращение времени лечения. Требуемое время – которое стало неопределенной протяженности – для анализа с финалом, не поддающимся предвидению, стало разубеждающей причиной для того, чтобы не подвергаться

анализу. На вопрос "Как много времени это займет?", часто задаваемый людьми, думающими подвергнуться анализу, психоаналитик ответить не может – не потому, что он желает усилить ощущение мистики, но потому, что правда заключается в том, что он просто не в состоянии на него ответить. Это происходит именно потому, что пациент еще не находится в аналитической ситуации (Жан-Люк Доннэ), но еще и потому, что аналитик не может контролировать время и не может знать, в каком ритме бессознательное будет раскрываться в истинном свете, а также какие препятствия могут возникнуть. Более того, постоянно наблюдается, что этот вопрос теряет свою актуальность и для анализируемого с момента начала анализа... Когда аналитический процесс уже начался, он сопровождает жизнь человека определенное количество лет. Его окончание – болезненная тоска, по сравнению с которой мировая скорбь почти ничто» (Green, 2000, p. 45).

Завершение – важнейшая часть аналитического процесса, в ходе которого аналитик является *хранителем времени* – знания, что анализ имеет как *вневременную* природу, так и *начало и конец*, так же как и каждая сессия. Хранитель времени, хранитель *границ* внешних и *внутренних* – Третий в лице постэдипова Сверх-Я – останавливает всегда существующий симбиоз, *folie à deux*. Бернар Шерве (1998) так говорит об этом: «Аналитик – страж времени, он все время смотрит на часы, в то время как анализируемый занят тем, чтобы сделать динамичной вечность своего бессознательного. Предполагается, что он забыл о времени».

Всегда присутствующие в психической реальности аналитика внутренние границы и их хранитель, постэдипово Сверх-Я, – одно из его главных приобретений в ходе собственного психоаналитического образования (Green, 2002). Другое приобретение – парадоксальная способность забывать о времени вместе с пациентом, теряя свою идентичность, создавая химеру вдвоем. *Сочетание этих двух подлинно аналитических способностей может принести в анализ время, рожденное двумя для удивления, творчества и жизни.*

Французская психоаналитическая школа – это процесс-ориентированное направление психоанализа, главная цель которого – освобождение ассоциативного процесса с его вневременным характером, что представляется краеугольным камнем аналитического усилия (Доннэ, 2001). Приоритетом при этом является развитие творческих возможностей человека, прямо связанных со способностью психически функционировать без вытеснения и расщепления, способностью принимать различные аспекты своей личности и, что, возможно, самое важное, – *самостоятельно поддерживать и продолжать внутренний аналитический процесс* уже после окончания работы с аналитиком, делая его тем самым для себя *по-настоящему вневременным*.

В области объектных отношений психоанализ направлен на развитие индивидуальной способности получать больше удовольствия во взаимоотношениях с другими людьми, что требует признания Другого в его отличии и принятия амбивалентности, связанной с этим. В соответствии с гипотезой о всемогуществе амбивалентность обусловлена самим фактом

существования *отличного от субъекта Другого*, что на эдиповом уровне означает существование половых различий, различий поколений. «Возвращение к себе происходит окольным путем через Другого» (Грин). Это всегда представляет собой угрозу индивидуальному нарциссизму. Соответственно, развитие личности – это выход за пределы желания быть *Одним* к стремлению стать *больше, чем Одним*. Эвелин Кестембёрг говорила, что *человек всегда или Один, или Три*. В то же время признать, что *Я есть Три*, означает принятие различия полов и поколений, что достигается в ходе непростого психического развития и серьезной внутренней работы.

Ференци говорил, что по-настоящему свободные ассоциации в действительности возможны только в конце анализа, так как только тогда становится возможным достаточно свободное сообщение между различными психическими системами – между сознательным и бессознательным через предсознательное. Учитывая основную роль, которую играет свободная ассоциация, Андре Грин (2002) даже предлагает характеризовать аналитическую ситуацию названием *аналитической ассоциации*.

Развитие внутренней свободы, проявляющей себя через открытость новому опыту, встрече с неопределенным и удивительным в жизни без слишком сильных аффективных переживаний, волнений и тревог, сохранение постоянного контакта с внутренней и внешней реальностью, использование аналитического мышления и аналитической ассоциации для личностного развития – это *важнейшая постаналитическая задача*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бержере Ж. Психоаналитическая психопатология / Пер. А. Ш. Тхостова. Москва, МГУ, 2001.
2. Винникотт Д. В. Использование объекта // Антология современного психоанализа / Под ред. А.В. Россохина. Москва, 2000. С. 447–454.
3. Макдугалл Дж. Театр Души: иллюзия и правда на психоаналитической сцене. С.-П., 2002.
4. Макдугалл Дж. Тысячеликий Эрос. С.-П., 1999.
5. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. Санкт-Петербург, 1999.
6. Стрэчи Дж. Характер терапевтической работы в психоанализе // Антология современного психоанализа / Под ред. А.В. Россохина. Москва, 2000. С. 81–106.
7. Bayle G. Les clivages. In Revue Française de Psychanalyse. Tome LX. № Spécial Congrès.
8. Birksted-Breen D. (2003) Time and the après-coup. International Journal of Psychoanalysis. 84: 1501–1515.
9. Boschan P. (1987) Dependence and Narcissistic Resistances in the Psychoanalytic Process. International Journal of Psychoanalysis. 68:109–118.
10. Braunschweig D. et Fain M. (1975) La nuit, le jour. Paris. Presses Universitaire France.
11. Chasseguet-Smirgel J. 1986 Sexuality and Mind New York: New York Univ. Press.

12. *Chervet B.* (1998) De la chimère à l'interprétation. In *L'art du psychanalyste. Autour de l'œuvre de Michel de M'Uzan.* Paris. Delachaux et Niestlé.
13. *Donnet J-L.* (2001) From the fundamental rule to the analyzing situation. *International Journal of Psychoanalysis.* 82: 129–140.
14. *Duncan D.* (1989) The flow of interpretation. The collateral interpretation, forces and flow. *International Journal of Psychoanalysis,* 70: 693–700.
15. *Duparc F.* (2001) The countertransference scene in France. *International Journal of Psychoanalysis.* 82: 151–169.
16. *Green A.* (1973) *Le discours vivant : la conception psychanalytique de l'affect.* Paris. Presses Universitaire France.
17. *Green A.* (1974) *Surface Analysis, Deep Analysis. The Role of the Preconscious in Psychoanalytical Technique.* *International Journal of Psychoanalysis.,* 1: 415–423.
18. *Green A.* (1988) La pratique fondamentale de la psychanalyse. *Revue Française de Psychanalyse,* 52: 569–595.
19. *Green A.* (2000) *Le temps éclaté.* Paris, Ed. de Minuit; *Time in psychoanalysis: Some contradictory aspects.* London: Free Association Books.
20. *Green A.* (2002) *Idées directrices.* Paris. Presses Universitaire France.
21. *Guillaumin J.* (1998). *Transfert, contre-transfert.* Bordeaux-Paris. *L'esprit du temps.*
22. *Kernberg O.* (1993) Convergences and Divergences in Contemporary Psychoanalytic Technique. *International Journal of Psychoanalysis,* 74: 659–673.
23. *Kernberg O.* (1999) Psychoanalysis, psychoanalytic psychotherapy and supportive psychotherapy: contemporary controversies. *International Journal of Psychoanalysis,* 80: 1075–1091.
24. *King P.* (1996) What has happened to psychoanalysis in the British Society? (Unpublished).
25. *Lussier A.* (1991) The search for common ground: a critique. *International Journal of Psychoanalysis.* 72: 57–62.
26. *McDougall J.* (1978) Le contre-transfert et la communication primitive. In *Plaidoyer pour une certaine anormalité.* Paris. Gallimard.
27. *M'Uzan M. de* (1994) *La bouche de l'inconscient.* Paris. Gallimard.
28. *M'Uzan M. de* (1988) Stratégique et tactique a propos des interprétations freudiennes et kleiniennes. *Revue Française de Psychanalyse,* 57: 657–663.
29. *Quartier-Frings F.* (1995) Langage et interprétation. In *Une théorie vivante l'œuvre d'André Green.* Paris. Delachaux et Niestlé.
30. *Urtubey L. de* (2002) *Du côté de chez l'analyste.* Paris. Presses Universitaire France.

Psychoanalysis in France. A time born for astonishment

Alain Gibeault, A. Rossokhin

Alain Gibeault, Titular member of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), training analyst of SPP, Paste President of the European Federation of Psychoanalysis, Paste Secretary-General of the International Psychoanalytic Association, Honorary Director of the E. and J. Kestembergs Center for Psychoanalysis and Psychotherapy in Paris.

Rossokhin Andrey, Titular member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), Doctor of Science in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), Editor-in-Chief of the Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).*

The article describes the key concepts of French psychoanalysis. Various theoretical and technical facets of transference, countertransference, interpretation, chimera of the unconscious, après-coup, etc. are examined.

Keywords: French psychoanalysis, interpretation, transference, countertransference, chimera of the unconscious, après-coup.

* Doctor of Sciences. A post-doctoral degree called Doctor of Sciences is given to reflect second advanced research qualifications or higher doctorates in ISCED 2011.

Психоанализ женского¹

Жаклин Шаффер

(Перевод с французского: О. В. Чекунова)

Жаклин Шаффер – психоаналитик, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), тренинг-аналитик (SPP), лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987).

Фрейд говорил об «отказе от женского» как о «скеле биологического», «загадочной» части сексуальности. Загадка в данном случае – это не только отказ от разных аспектов женского, в большей степени речь идет об отказе и неприятии сексуальных и генитальных аспектов, и особенно сексуального наслаждения. Потребность в признании равенства полов определяется на социальном, политическом и экономическом уровнях, но создание пары «мужское – женское» возможно только в результате психической работы, через признание инаковости другого и принятие разницы полов. В этом и состоит основной конфликт женщины – ее сексуальность требует подчинения, а ее Я подчиняться отказывается. Мужское мужчины, которое является антагонистом фаллического, участвует в создании женского женщины, признавая различия и открывая женщине путь к наслаждению. Качество сексуальных, эмоциональных и социальных отношений зависит от способности мужчины и женщины совместно проделать «работу цивилизации».

Ключевые слова: «отказ от женского» у обоих полов, «работа женского», женская сексуальность, конструирование женского.

¹ В статью вошли материалы семинаров, проведенных Ж. Шаффер на Магистерской программе «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» в НИУ ВШЭ, 2021 г. Темы семинаров: «Женское и отказ от женского», «Выстраивание женского», «Женское в сексуальных отношениях», «Женское: по ту сторону фаллического».

Женское и отказ от женского

В 1937 году Фрейд вывел на орбиту новое определение препятствия, которое он назвал «скалой», о которую разбиваются все усилия психоанализа. Он его назвал «отказом от женского у обоих полов... частью великой тайны сексуальности». Эта тайна до сих пор не раскрыта, вопросы, касающиеся различия между полами, продолжают волновать как психоаналитиков, так и всех остальных людей. Если бы нас посетили инопланетяне, то самым большим удивлением для них было бы обнаружение этого различия, предполагал Фрейд.

Это различие является одновременно обычным и неустранимым. Но это различие накладывает на нас обязательства – «потребность в психической работе» (выражение Фрейда), которую старается проделать каждый человек, будь то ребенок или взрослый, мужчина или женщина, философ или ученый, живущий в семье или в обществе, используя всевозможные хитрости и уловки, направленные на то, чтобы смягчить или стереть последствия этого различия.

Психосексуальная идентичность

Ребенок должен пережить шок, связанный с открытием анатомического различия двух полов и половых органов. Он должен теперь психически выстраивать свою психосексуальную идентичность. Эта идентичность является результатом либидинального развития, связанного с инвестированием различий между полами и с идентификациями с родителями обоих полов. Предварительным условием для формирования этой идентичности является половая идентичность, которая базируется на биологически и анатомически обоснованной уверенности в своей принадлежности к определенному полу, совпадающей с присвоением себе гендера, мужского или женского, которое зависит от родительского окружения.

При этом термин «гендер» не является психоаналитическим понятием, поскольку задачей анализа является не признание факта как такового, а исследование вопросов инвестирования – нарциссического или объектного, или идентификаций. Социальные споры затрагивают вопросы многочисленных гендерных различий, но не разницы полов.

Выстраивание и поддержание своей половой идентичности – постоянный процесс, обусловленный постоянством потока и напора влечений и конфликтом, связанным с различием полов. «Какой бы ни была наша сексуальность, она в любом случае вписана в разницу полов и связана с ней, даже если есть цель разрушить эти различия. Не существует ни асексуации, ни асексуальности. Человечество делится на мужчин и женщин, а не на гомосексуалов и гетеросексуалов. Невозможно быть человеком, не будучи при этом мужчиной или женщиной».

На самом деле насилием для Я в любом возрасте и в любое время является внутриспсихический конфликт, связанный с разницей полов.

Психосексуальные пары, Или оппозиции по Фрейду

Я вкратце напомню, что Фрейд описывает развитие психосексуальности на уровне выстраивания Я через использование трех пар, или оппозиций:

Первая пара: «активное – пассивное» в анальной фазе психосексуального развития, в это время ребенок осваивает новые навыки, овладевает сфинктерной и двигательной активностью. На этой фазе выстраивается Я ребенка, теперь он может сказать «нет» как своим влечениям, так и своему объекту. В этот период ребенок может провести основные границы между Я и не-Я, внутренним и внешним, хорошим и плохим, чистым и грязным и прочее. Это платформа, сортировочная станция, первое высвобождение и отсоединение от материнского объекта.

На предыдущей, оральной стадии еще не существует настоящей пары влечений. Оральное влечение является прежде всего плотским, телесным, внутриспсихическим, Я в этот период еще недостаточно отделено от первичного материнского объекта. Оральное влечение – горнило или место, принимающее наслаждение, еще Фрейд в свое время рассматривал сытого ребенка как образец опыта наслаждения в сексуальных отношениях.

Затем Фрейд описывает вторую пару: «универсальный пенис – кастрированный пенис» фаллической фазы, во время которой ребенок испытывает шок от открытия различий между половыми органами, при этом ребенок признает наличие только одного полового органа – пениса. Эта пара приведет в дальнейшем к выстраиванию эдипова комплекса, главного организатора психосексуальности и идентификаций с двумя объектами разных полов.

И, наконец, Фрейд вводит пару «мужское – женское», которая появляется начиная с пубертата, на так называемой генитальной стадии, когда становится возможной встреча мужского и женского и половой акт.

Я подчеркиваю тот факт, что «активное – пассивное» описывает оппозицию, или пару противоположностей, «фаллическое – кастрированное» представляет собой функционирование в логике все или ничего, и только лишь пара «мужское – женское» описывает истинное различие, разницу между двумя полами.

В 1937 году, после введения пары «мужское – женское» и открытия различий между полами в пубертате, Фрейд теоретически снова ставит этот вопрос под сомнение, пересматривает его.

Появляется четвертая пара: «бисексуальность – отказ от женского» у обоих полов. Интересно отметить, что в этой паре каждый из составляющих ее терминов, взятый отдельно, и бисексуальность, и отказ от женского, отсылают нас к отрицанию разницы полов.

Психическая бисексуальность

Она играет основную роль организатора на уровне идентификаций, особенно если речь идет о перекрестных идентификациях эдипального конфликта. Тем не менее как фантазм о бисексуальности, так и

отреагированная бисексуальность могут представлять собой защиту на уровне инвестирования разницы полов и генитальных сексуальных отношений.

Отказ от женского: почему?

Первая гипотеза: отказ от женского происходит потому, что женское сложно сочетать, вписать в анальную или фаллическую логику. Женский половой орган – иррепрезентабельный, тайный, странный, носитель всех опасных фантазмов. Он вызывает тревогу у всех мужчин, поскольку отсылает их к образу-репрезентации кастрированного пениса, заставляющему их опасаться за сохранность своего собственного полового органа. Кроме того, открытие женского тела, женский поиск наслаждения и способность Я женщины принять в себя огромное количество несвязанного возбуждения являются источником тревоги не только для мужчин, но и для женщин.

Вторая гипотеза: женская сторона неизбежно оказывается в центре противоречивого определения сексуального влечения – быть одновременно тем, что питает и взламывает психику.

Теория Фрейда, на которую я ссылаюсь, является теорией влечений, теорией либидо и конфликта, который влечение навязывает Я, этот конфликт становится организатором различных способов защиты. Для того чтобы возбуждение трансформировалось во влечение, ему необходимо пройти путь психической эволюции: от неизбежного внутреннего возбуждения, имеющего телесный источник, до реализации цели – поиска удовлетворения.

Сексуальное влечение, либидо, включает в себя обязательную составляющую – постоянный напор, силу давления. Эта сила давления, отличающаяся от периодического напора инстинкта, является фундаментальной причиной антропологических изменений в процессе эволюции.

Прочитую здесь Фрейда: напор влечения является «постоянной силой, от которой человек не может освободиться, сбежать, этот напор, поток называется влечением». И Лакан настаивает на этом: «Постоянная сила и напор влечения делают невозможной ассимиляцию влечения, в отличие от биологической функции, у которой всегда есть ритм, периодичность. У влечения нет подъемов и спадов. Это постоянная сила».

Эта постоянная сила необузданна, чрезмерна для Я, которое должно адаптироваться к ритму и времени и которое требует «необходимости проделать работу», как писал Фрейд.

Таким образом, Я отделяется от Оно, когда возбуждение превращается во влечение, когда человеческая генитальность начинает отличаться от животной сексуальности, которая подчиняется поре спаривания, циклу и течке. Человеческая сексуальность является психосексуальностью. Очевидно, во внимание принимается контекст отношений, в которых сила влечений разворачивается, и ответ, который она получает.

Сигналом появления постоянной силы сексуального влечения в Я является в первую очередь тревога. Я «больше не является хозяином в своем доме», пишет Фрейд.

Если возбуждение не психизируется и не превращается во влечение, мы наблюдаем проявления «психосоматических» расстройств, зависимости, отреагирования.

Третья гипотеза: через понятие «скала» Фрейд показывает свой пессимистический взгляд на сексуальность, в данном случае подразумевается также, хотя об этом и не говорится напрямую, сексуальное бессилие, которое аналитику предстоит вылечить.

Фрейд придерживался мнения, что женщина навсегда остается скованной завистью к пенису, а мужчина – гомосексуальной тревогой быть пенетрированным. В обоих случаях речь идет о догенитальной защите против тревоги, связанной с генитальной пенетрацией. Вагина должна позволить в себя войти, отдаться либидинальному пенису, в этом случае речь идет об истинном различии полов на уровне сексуальных отношений.

Открытие разницы полов

Фрейд описывает испытание, через которое проходит ребенок, открывая анатомическую разницу полов, это открытие является травматическим и мобилизует и у мальчика, и у девочки интенсивную энергию инвестирования и контринвестирования. «Трон и алтарь находятся в опасности», – говорит Фрейд, делая аллюзию на власть и религию.

Это испытание структурно прорабатывается через эдипальный конфликт благодаря использованию двух решений: фаллического и идентификационного.

Суть первого решения, фаллического, состоит в отрицании разницы полов. Отрицание появляется в результате кастрационной тревоги и проявляется в виде того, что признается существование только одного видимого полового органа – пениса, вследствие чего люди делятся на тех, у кого он есть, и на тех, у кого его нет.

Второе решение, идентификационное, принимает во внимание разницу полов, то есть разницу полов родителей, и это приводит к отказу от инцестуозных желаний, интериоризации Сверх-Я и вхождению в латентную стадию.

Анальные и фаллические защиты против тревоги потери

В своей работе 1926 года «Торможение, симптом, тревога» Фрейд описывает путь переработки тревоги потери в зависимости от ситуаций опасности. Это путь превращения тревоги потерять все или целое в тревогу потерять часть.

Комплекс кастрации в последствии реорганизует все более ранние архаичные тревоги потери, которые стали причиной появления защитной организации в анальной стадии развития и которые лежат в основе пары «активное – пассивное». Фрейд показал эту анальную логику,

в которой половые органы эквивалентны, а потери частичны, в статье 1917 года «Особенности смещения влечений в анальном эротизме».

Кастрационная тревога фаллической фазы может быть смягчена только за счет уравнивания потери пениса и потери экскрементов, поскольку в данном случае речь идет о процессе, контролируемом анальным сфинктером, экскременты являются частичным объектом, чье возвращение гарантировано. Если только ребенок не является психотиком.

Судьба эдипова комплекса у мальчиков и девочек отличается. Мальчик резко отказывается от своих инцестуозных желаний, он входит в фаллическую стадию и отказывается от всего, чтобы спасти часть, чтобы спасти свой пенис, который находится под угрозой кастрационной тревоги.

У девочки нет кастрационной тревоги, поскольку, согласно Фрейду, «кастрация уже случилась». Конечно же, в данном случае речь идет о фантазме. Девочка обращает к матери упреки, полные ненависти, за то, что она не дала девочке пенис, поэтому потребность в признании будет смещаться на отца. Эти процессы заставляют войти в эдипальный конфликт, чтобы получить пенис с помощью папы, который позднее даст ей ребенка в качестве заместителя пениса. Девочка сложно выходит из эдипа, а иногда она из него никогда не выходит из-за ошибок матери. Конечно же, я даю здесь несколько утрированную схему.

В идеальном случае, согласно Фрейду, и мальчик, и девочка могут освободиться от пары «фаллическое – кастрированное» только в период пубертата, когда они встретятся с парой «мужское – женское», в которой достигается истинная разница полов.

Фрейд противопоставляет кастрационную тревогу мужчин и сепарационную тревогу, тревогу потери объекта и любви у женщин. Он придерживается идеи о том, что отсутствие кастрационной тревоги у девочек служит причиной предрасположенности к тревоге потери всего, угроза отныне относится не к «иметь», а к «быть». Есть риски появления депрессии в случае потери объекта и потери любви.

Отделение от материнского имаго

Имаго является интериоризированной фигурой с тираническими требованиями. Ребенок пытается вырваться из захвата материнского имаго во время фаллической стадии. Прохождение фаллической организации, в которой сверхинвестируется пенис, является необходимым и для мальчика, и для девочки, поскольку представляет собой один из способов отделения от прегенитального имаго и выхода из материнского захвата.

Мальчик, чья сексуальность предназначена для завоевания, то есть для пенетрации, очень часто организуется с опорой на анальность, кастрационную тревогу, активность и контроль над ожиданием и потерей.

Девочка, женщина, напротив, обречена на ожидание: сначала она ждет, что у нее появится пенис, грудь, менструация в первый раз, потом каждый месяц, она ждет пенетрацию, потом беременность, роды, появление молока... Женщина всегда ждет.

Всякое ожидание является болезненным возбуждением. Ожидание в большинстве случаев связано с неконтролируемым опытом потери реальных частей себя или своих объектов. Эти потери женщины не могут символизировать, как мужчины, с помощью тревоги потерять орган, который в реальности не теряется. Женские потери связаны с опытом женского и материнского, которые нарушают равновесие нарциссической экономии. Женщинам необходим якорь в виде надежного первичного мазохизма.

Первичный мазохизм позволяет эротически инвестировать болезненное напряжение, поддерживать состояние неудовлетворения влечений, которые по своей природе являются неудовлетворимыми, выдерживать разрыв между галлюцинаторным удовлетворением желания и ожиданием реального удовлетворения, а потом выдерживать удовольствие-боль сексуального наслаждения.

Внутреннее женское

Близость материнского полового органа, из которого рождаются дети, для обоих полов является источником глубинного ужаса. Жадность напора влечений, которые никогда невозможно удовлетворить, не может не вызывать ужас, поскольку отсылает нас к фантазму пожирания, поглощения, растворения в материнском теле, объекте ужаса и потерянного рая слияния и спутанности.

Мальчик в целом обладает инструментами для отделения от матери, поскольку у него есть пенис, которого у матери нет, поэтому он может использовать для отделения кастрационную тревогу, символизацию части вместо целого и идентификацию с отцом.

Половой орган (этимология слова – латинский глагол *sectus*) – это то, что разделяет. Обладание видимым половым органом – пенисом – позволяет мальчику отделиться и дифференцироваться от матери. Ценность пениса состоит в том, что он ставит границы и позволяет создать репрезентацию полового органа и репрезентацию разницы полов. Таким образом, пенис является опорой для символизации.

Что же такое женское сексуальное? Возможны ли здесь «переговоры»? Вот почему в этом случае помогают анальные репрезентации, организованные вокруг того, что выходит и что может быть потеряно, но потом восстановлено, как экскременты, организованные в цепочку преобразований, а также фаллические репрезентации кастрации, зависти к пенису, могут стать для девочки и женщины хорошими символическими защитами против женских тревог, против страха того, что входит и захватывает.

Смена объекта, поворот к отцу, обладателю пениса, отделяющего от прегенитальной матери, позволяет девочке инвестировать пенис отца и фантазм о получении от него ребенка. Но фантазм о ребенке от отца остается на уровне фаллически-анальной логики, поскольку речь идет о получении подарка, объекта-заместителя, а не о том, что я называю «работой женского».

Необходимо, чтобы внутреннее и то, что в него входит, были символизированы. В этом заключается суть «работы женского», которую

необходимо проделать и которую женщина проделывает на протяжении всей своей жизни, и параллельно этим процессам идет символическая переработка потери частичных объектов, которая осуществляется, как и у мужчин, через символизацию того, что видимо, и через символизацию «тела другого».

В отличие от мальчиков и мужчин, у которых нарциссически сверхинвестируется пенис, девочки и женщины инвестируют все свое тело полностью, и при этом они находятся в зависимости от взгляда другого. В этом я вижу отличия между «женственностью», которая относится к поверхности тела и участвует в соблазнении, и «женским», которое затрагивает все внутреннее.

Женское и женственность

Женственность – это тело. Женское – это плоть. Это внутреннее невидимое и вызывающее тревогу у обоих полов.

Женственность женщины – это внешность, «маскарад», инструменты соблазнения – платья, каблуки, украшения, макияж, все, что хорошо сочетается с фаллической организацией.

У мужчины женственность проявляется через соблазнение своим телом и одеждой. Мужская гомосексуальность – это поле, на котором женственность у мужчин максимально ярко проявляется. Дизайнеры, «артисты моды», знают, как создать для мужчин соблазнительный образ, объект желаний.

Женское у женщины на уровне сексуальности – это то, что позволяет признать женский половой орган, который, пробуждаясь, открывает путь к наслаждению. С метапсихологической точки зрения речь идет о способности Я женщины принять в себе и впустить в себя огромное количество несвязанного возбуждения без риска травматического взлома и с его помощью напиться, усилиться и расшириться.

Эта способность женщин помогает им выдержать как чрезвычайно энергозатратный телесный опыт материнства (беременность, роды), так и психический. Эта материнская способность выдерживать также оказывает положительное влияние на развитие ребенка. Кроме того, возможно, эта женская способность является причиной того, что женская продолжительность жизни превосходит мужскую.

Женское у мужчины проявляется в его способности входить в резонанс с женским женщины. Признание в себе этой женской части вызывает влечение, которое идет навстречу влечению женщины, иногда даже речь идет о том, что мужчина создает женское женщины, чтобы привести ее к наслаждению. И таким образом создать условия для признания себя мужчиной и встречи женского и мужского.

В отношениях с мужчиной женское проявляется как идентификация с женщиной, то есть способность проживать и вмещать в себе огромное количество несвязанного влечения в гомосексуальных отношениях.

Заключение

Различие полов – это первейшее из различий, вписанное в парадигму всех различий. Благодаря сексуальности и существованию различий между полами ребенок появляется на свет. Первый взгляд, направленный на новорожденного, включает вопрос о том, кто родился – мальчик или девочка, это вопрос о разнице полов.

Открытие разницы полов на уровне перцепции, как мы знаем, подталкивает ребенка навстречу развитию мышления, психической активности, благодаря которой появляются и перерабатываются теории инфантильной сексуальности. Открытие разницы полов – болезненный процесс для Я и его нарциссизма, но этот взлом Я питает его и участвует в выстраивании не только психосексуальности, но и мышления. Мышление – это процесс, основанный на восприятии различий.

Выстраивание женского

Как женское появляется у девочек?

Был ли этот ребенок желанным? Был ли этот ребенок желанным как девочка?

Признание пола ребенка начинается сразу после рождения. Ребенок является носителем проекций родительского нарциссизма, родительский нарциссизм питает первичный нарциссизм ребенка, на фундаменте родительского нарциссизма формируется всемогущество «Его Величества ребенка», а затем и его Идеал-Я. Теория Фрейда, согласно которой маленькая девочка до пубертата – это «маленький мужчина», вызывала многочисленные дискуссии, споры, и до сих пор этот вопрос окончательно не разрешен. Фрейд говорит, что для того, чтобы из «маленького мужчины» превратиться в существо женского пола, девочке необходимо сменить объект.

Что может передавать мать своей дочери?

Мать может передавать дочери женственность. Телесную и внешнюю женственность.

В отношениях нежности и соучастия мать может передавать дочери искусство женственности. Если мать предлагает себя дочери как объект для идентификации, она может передать ей свое очарование, соблазняющее мужчин.

В том случае если родительская пара выглядит как любящая пара, мать передает дочери способность влюбляться и любить. Подобная женственность может передаваться как от матери к дочери, так и от дочери к матери. При условии что в идентификации будет сохраняться разница поколений и речь не будет идти об имитации, зеркальных отношениях или отношениях двух сестер. И если это не будут отношения, в которых матери

притворяются дочерьми или в которых маленькие девочки притворяются маленькими женщинами.

Когда девочка вставляет свои маленькие ножки в мамины туфли на каблуках, она знает, что это игра и она вскоре переобуется в свои кроссовки и побежит играть. Девушка-подросток, находясь под воздействием эдипального соперничества, может начать вести себя провокативно, активно выставляя свое тело напоказ или же, напротив, одеваться в мешок из-под картошки. Если же мать завидует дочери, она может носить такие же мини-юбки, украшения и соблазнять друзей своей дочери. Или сделать все возможное для того, чтобы дочь не стала соблазнительной. («Свет мой зеркальце, скажи, кто на свете всех милее, всех румяней и более?» Мы знаем, как на этот вопрос отвечала мачеха Белоснежки).

Но мать не может передать дочери женское, эротическое тела, плоти. И если мать не дала дочери пенис, из-за чего, согласно Фрейду, она превратилась в объект ненависти, то и вагину дочери она тоже не дает. Женское будет освобождено, возбуждено любовником.

Девочка может стать женщиной, только восстав против женского материнского своей матери. Для переработки либидо на разных стадиях либидинального развития девочке необходимо в определенной степени превратиться в антагониста или соперницу своей матери в отношении ее женского материнского и женского эротического. Речь идет о фантазме мадонны и блудницы.

Девочка в какой-то момент может резко запретить матери ласкать ее, к ней прикасаться, в данном случае речь идет об открытии в последствии или *après-coup* инцестуозного смысла материнского соблазнения в первичных отношениях. Отделиться от матери, потерять ее – значит начать думать о ней как о женщине, то есть войти в эдип. Отныне девочка поворачивается к отцу.

Некоторые матери могут передавать дочерям ненависть к мужчинам, обесценивание, ужас и отвращение по отношению к пенису, половому акту и пенетрации. Это может служить причиной того, что дочь отвернется от мужчин и повернется к различным формам гомосексуальности.

Посланица ожидания

Так что же может мать передать дочери? Главным образом ожидание.

В самом начале жизни функция ожидания состоит в том, что младенец ждет от первичной матери ответной реакции на свои ожидания, ответа на эмоциональные реакции, в процессе этого раннего взаимодействия между матерью и младенцем устанавливаются отношения и формируются первые репрезентации того, что сам младенец представляет собой для матери. Это ожидание питает способность младенца принимать силу влечений материнского соблазнения, которое проявляется также в функции «первичного зеркала», когда младенец отражается, согласно Винникотту, в материнских глазах и в материнском лице. Материнское лицо отражает «в зеркале» или отправляет «через двойника» младенцу его собственный

образ, в поисках которого он находится, – его ощущения, чувства, аффекты, все многообразие жизни его либидо.

С самых первых дней жизни мать по-разному нарциссически и эротически инвестирует мальчика и девочку. Мальчик может удовлетворить так называемый «фаллический» нарциссизм матери. В то время как девочка, которая принадлежит к тому же полу, что и мать, и мать матери, может вызвать у матери соперничество или тревогу, связанную с женской «кастрацией», или еще более архаичные тревоги, организованные вокруг женского наслаждения и инцеста. Истинный инцест всегда относится к матери и связан с возвращением внутрь материнского тела. Инцест мать – дочь может рассматриваться как фундаментальный гомосексуальный фантазм.

Для девочки вход в женское и выстраивание женского начинается тогда, когда ночи матери наполняются сексуальностью. Мать возвращается к сексуальной жизни, она укладывает ребенка спать, а сама поворачивается к третьему, объекту своего желания. У нее начинает развиваться и проявляться определенный вид цензуры, которая носит название «цензура любовницы». Эрогенность полового органа маленькой девочки долгое время будет хранить молчание, поскольку устанавливается «первичное вытеснение вагины». Отныне девочка защищена не столько от желания отца, сколько от материнского наслаждения и первосцены.

Благодаря первичному вытеснению вагины все тело девочки становитсяместищем диффузных эрогенных зон, пока любовник не откроет ей ее способности к наслаждению. Сказка «Спящая красавица» показывает нам идущий из веков образ спящей вагины.

Для того чтобы Спящая красавица могла спокойно заснуть под защитой первичного вытеснения, нужно, чтобы она смогла инвестировать ожидание. И если мать, которую Фрейд называет вестницей кастрации, говорит сыну, который, как оснащенный пенисом, рвется вперед: «Будь осторожен, а то наживешь неприятности!», то дочери она передает другое сообщение: «Подожди, увидишь, наступит день, и твой принц появится!» В большинстве случаев мать вводит дочь в подчинение отцовскому закону, вводит ее в рамки символической эдипальной логики.

Тем не менее все это не мешает девочке придумывать и развивать всевозможные инфантильные сексуальные теории и думать, что было бы лучше, если бы у нее был пенис. Фантазм о том, что то, чего ей не хватает, «вырастет» позднее, направляет девочку на путь ожидания, она ждет, что появится ребенок, который заменит ей недостающий пенис. Согласно Фрейду, именно так происходит смена объекта, когда девочка, разочарованная матерью, поворачивается к отцу.

Обещания эдипального отца. Женский эротический мазохизм

Кастрационный комплекс не только обладает структурирующим и символическим значением, он также дает доступ к восприятию отцовского пениса как того, что разделяет мать и дочь, разрывает догенитальную связь с матерью.

Идет ли в данном случае речь только лишь об ожидании ребенка от отца, который залечит нарциссические раны, восстановит ущерб, нанесенный матерью, которая не дала дочери пенис? Не идет ли в данном случае речь еще и об ожидании эротической любви? Согласно Фрейду, желание иметь ребенка предшествует эротическому желанию. Женские эротические желания по отношению к отцу не упоминаются.

Спецификой женского эдипова комплекса является поворот активности в активную пассивность, то есть развитие женского мазохизма, который является характерной чертой женского эдипова комплекса.

В 1922 году Анна, дочь Фрейда, дала ему ключ к открытию эдипального характера мазохистических фантазмов у девочки. Она выделила в материале пациентки эротические по своей природе фантазмы, которые перекликались с ее собственным опытом, с любовью по отношению к отцу, которую она испытывала и против эротической составляющей которой она боролась, лежа в анализе на кушетке своего отца.

Начиная с 1919 года Фрейд исследует эдипальный эротический характер мазохистического желания девочки. В статье «Ребенка бьют» он описывает природу чувства вины, связанного с эдипальным желанием, которое девочка вытесняет и которое при этом в регрессивной форме содержится в фантазме: «Папа, побей меня! Папа, изнасилуй меня!»

Но Фрейд достаточно быстро возвращается к своей фаллической теории. В 1926 году он пишет о том, что девочка стимулирует свой клитор. Фрейду, на кушетке у которого лежала его дочь Анна со всеми своими фантазмами об избиении, было совсем не просто!

Таким образом, через развитие мазохизма все процессы и изменения, которые будут происходить в женском сексуальном теле, должны подождать, ответственность за них возлагается на пенис мужчины.

Женское эротическое

Каким образом, начиная с момента обнаружения анатомической разницы полов, которое Фрейд считал травматическим, девочка может признавать себя существом, имеющим половые признаки, не обладая при этом пенисом, который она наделяет нарциссической ценностью?

Бессознательное использует уловки для того, чтобы стереть это различие, которое является источником проблем, и подстроиться к фаллической логике. Зависть к пенису является нарциссической, а не эротической, поскольку девочка может достаточно хорошо ощущать, что эта нехватка совершенно не мешает ей иметь доступ ко всем ощущениям, доставляющим удовольствие.

Согласно Фрейду, у девочки нет кастрационной тревоги, поскольку ее кастрация «уже свершилась». Но у нее есть кастрационный комплекс в виде зависти к пенису. Девочка находится под воздействием не кастрационной тревоги, а страха потери любви. В отличие от кастрационной тревоги мальчиков, где есть страх потерять часть целого и которая по этой причине является хорошей опорой для развития способности к символизации, в случае девочек речь идет об угрозе потери не части, а целого,

всего своего инвестированного тела и всего инвестированного объекта. Это обуславливает склонность женщин к депрессии.

Можно ли найти решение? Выход из этой ситуации кажется сложным или даже невозможным. Каким образом можно символизировать внутреннее, которое является всем, не частью, а целым, как отделить свое тело от тела матери? Кастрационная тревога дублируется страхом пентрации у обоих полов, но эти процессы у обоих полов неравнозначны, данная асимметрия является знаком отличия. Пара «фаллическое – кастрированное» должна стремиться к переработке, чтобы превратиться в пару «мужское – женское».

Фаллическая организация представляет собой обязательную фазу, которую необходимо пройти и для девочки, и для мальчика, поскольку нарциссическое сверхинвестирование пениса позволяет отделиться от догенитального имаго всемогущей матери и выйти из материнского захвата.

У девочек и женщин влечения остаются очень близкими к телесному, то есть к источнику влечения. Именно поэтому чрево, внутреннее тела, может стать объектом тревоги или угрозы разрушения, согласно теориям Мелани Кляйн. Поскольку тело и его внутреннее может быть объектом захвата, внедрения, вторжения, внутреннее может быть вырвано, отрезано.

Пубертат

Пубертат порождает мощный напор, шквал либидинального потока. Я идентичности и Я защит сталкиваются с трудностями, а порой оказываются в опасности. Внутреннее возбуждение присутствует постоянно.

Кастрационная тревога связана с телесными изменениями. Вторжение генитальности, ощущение нарциссической неполноты и неудовлетворенности, спутанность имаго реактивируют тревоги потери границ между своим телом и телом матери, возможность сексуальных отношений в реальности, а не в фантазиях пробуждает фантазматическую угрозу инцеста.

Фантазм соблазнения может приобрести характер преследования. Эдипальный конфликт вновь разгорается, и женские тревоги должны стремиться к тому, чтобы очиститься от примесей догенитальных тревог. Все тревоги требуют переработки, реорганизации, отделения друг от друга и дифференциации имаго, для того чтобы эти процессы стали возможными, необходимо снова сменить объект.

Подросток должен установить дистанцию с родителями, он больше не выносит родительских ласк и прикосновений, которые до этого ему так нравились, внешний мир становится для подростка источником тревоги. Это может привести к изменениям поведения, подросток может быть упрямым, поступать наперекор родителям, демонстрировать контрфобические тенденции или, напротив, уходить в себя, кроме того, подростки склонны к аддикциям, психопатическому поведению и т. д.

В начале пубертата в первую очередь возникает задача психически переработать способность выдерживать сексуальные отношения. Согласно

Винникотту, сексуальная активность выступает скорее в роли избавления от сексуальности, а не попытки ее сохранять. В самом деле, ни телесные изменения, ни сексуальное возбуждение, которое испытывает подросток, не участвуют в переработке разницы мужского и женского на уровне психического аппарата.

Начиная с подросткового возраста телесное вторгается в психосексуальность, это проявляется одновременно как взлом и как процесс последствий (après-coup). Пубертат – второй этап в двухфазном процессе формирования человеческой психосексуальности, когда происходит пробуждение и реактивация эдипальных конфликтов. Но этот кризис может иметь позитивные эффекты, поскольку речь также идет о переработке и перестройке инвестиций и идентификаций. Благодаря этому возможна реорганизация в последствии всех тех процессов, которые были недостаточно хорошо переработаны из-за неизбежных нарушений, помех и искажений в эдиповом периоде и на более ранних стадиях.

Женский половой орган выходит на сцену

Внезапное появление женского эротического с приходом пубертата взламывает психику подростка. Эти процессы относятся как к девочке, так и к мальчику.

Величайшее открытие подросткового возраста – это открытие вагины. Фрейд говорил, что в детстве ее существование игнорируют и девочки, и мальчики, нарциссически и фаллически сверхинвестируя пенис, единственный половой орган детства. Вагина – половой орган неинфантильного периода. Девочки знают, что у них внутри есть полость. У них есть внутренние ощущения, вызванные эдипальными волнениями и тревогами, кроме того, у них есть следы и более архаичного опыта, когда их тело сливалось с телом первичной матери, которую Фрейд называл первой соблазнительницей.

Тем не менее истинное пробуждение эротической вагины, глубинная эрогенность этого женского полового органа может открыться только в сексуальном акте, благодаря опыту сексуального наслаждения. Страхи внедрения девочки должны переработаться и превратиться в страх пене-трации.

В подростковом возрасте различие полов открывается уже не только на уровне перцепции, как на более ранней фаллической стадии инфантильной сексуальности. Тайна первосцены и сексуальных отношений родителей оказывают травматическое воздействие на психику, травматическим также оказывается выход на сцену женского полового органа, который больше нельзя отрицать. Кроме того, у девочек появляются и другие изменения – растет грудь, появляются месячные... Женское появляется как незнакомец-взломщик, который представляет опасность для «трона и алтаря», как говорил Фрейд.

Это вторжение женского в пубертате меняет исходные данные. Меняется кастрационный комплекс: он выходит за пределы страха потерять пенис или его не иметь. Кастрационная тревога у обоих полов дублируется

страхом пенетрации, но у мальчика и девочки есть асимметрия этих процессов, асимметрия является признаком разницы полов. Пара «фаллическое – кастрированное» фаллической организации должна быть переработана для выстраивания пары «мужское – женское».

Серьезный вопрос, ответ на который должен найти подросток, – как переработать фантазмы, которые появляются вследствие открытия нового полового органа – вагины? Как мальчику использовать пенис для того, чтобы реализовать сексуальный акт? Как встретить женское, если впредь речь идет не об отсутствии пениса, а о другом половом органе? Как справиться с этой тревогой?

Как девочке справиться с изменениями тела, когда речь идет не об отсутствии органа, а, наоборот, о росте, появлении нового – но не пениса, а груди? Телесные изменения опасно приближают к первосцене и реализации инцестуозных желаний. Как вырваться из захвата материнского имago, когда тело девочки становится настолько похожим на тело матери, иногда настолько, что в фантазмах наступает путаница?

Свое изменяющееся тело девочка-подросток может воспринимать как врага, как что-то странное, неизвестное и ненормальное. Сюда же включены идентификационные конфликты. Взгляд другого ей необходим для поиска идентичности, поскольку через этот взгляд ей обратно возвращается ее собственный образ. Девочка-подросток очень сильно ждет, что другой отразит ее образ, и одновременно с этим стремится это отражение максимально далеко от себя отбросить, поскольку она находится в поисках идентификаций, признания, но также испытывает потребность в деидентификации.

Девочки, которые раньше были ласковыми и любящими, могут в этот период начать испытывать отвращение к телу матери, отказываться от любых телесных контактов с ней. Фантазм «ребенка бьют» позволяет поднять на поверхность глубоко вытесненное женское эдипальное желание по отношению к отцу, которое может проявиться только в виде мазохизма. Можно ли приблизиться к реальному отцу другим способом, не провоцируя его на наказание и плохое обращение? Можно ли избежать мазохистического решения?

В подростковом возрасте, когда инвестируются сексуальная пенетрация и вагина как женский половой орган, могут вновь проявиться дефицит интериоризации и угрозы для сохранения нарциссической целостности. Подростковый период обладает травматическим эффектом, поскольку в это время у девочки вновь активизируются тревоги внедрения и тревоги, связанные со сложностью отличить свое тело от тела матери. Преимущественно женские патологии, такие как анорексия и булимия, имеют в своем основании «женские тревоги», относящиеся к открытию и закрытию тела. Появление этих патологий свидетельствует о неудачной переработке «женских тревог». В булимии связь с этими тревогами проявляется в виде действий, направленных на наполнение тела, в анорексии – в виде закрытия всех отверстий. Беременность девочки-подростка может также представлять собой способ наполнить себя и закрыть все отверстия.

Заключение

Парадокс женской судьбы состоит в том, что женщине сложно отделиться от первичного материнского объекта, поскольку с ним необходимо одновременно идентифицироваться и дезидентифицироваться. Сепарация несет в себе риск потери части себя и, следовательно, риск оказаться в состоянии депрессии.

Женское в сексуальных отношениях

Женская сексуальность

Во времена Фрейда в Вене женщины подчинялись закону «трех К»: «Kinder, Küche, Kirche» (дети, кухня, церковь). Сейчас это вызывает лишь улыбку.

В наше время неизбежный конфликт, с которым сталкиваются женщины, — это конфликт между тремя полюсами женского: эротического, материнского и профессионального — речь идет о социальной реализации, можно сказать, «фалличной» по своей природе.

Конфликт, который решают мужчины, отличается от женского, речь идет о расщеплении между мадонной и блудницей, описанном в свое время Фрейдом. Этот конфликт в большей степени относится к отношениям с объектом, нежели к отношениям со своим телом.

Таким образом, тело и отношения с телом находятся в самом центре женской сексуальности и женского нарциссизма.

Сексуальные отношения

Невозможно спорить с тем, что постоянно ведущаяся борьба за равноправие между двумя полами на социальной, политической и экономической аренах является необходимой, однако же эта борьба может оказать пагубное воздействие на сексуальную сферу, если присутствуют тенденции к устранению разницы полов, которая здесь, напротив, должна быть усилена. Это связано с конфликтом между либидо и защитами Я.

Действительно, все, что является невыносимым для Я и Сверх-Я, может быть именно тем, что способствует усилению сексуального наслаждения, а именно: взлом Я, потеря контроля, стирание границ, овладение, власть, «проигрыш». Суть женского женщины состоит в том, что она постоянно сталкивается с ведущим конфликтом, который ей нужно разрешать, речь идет об отрицании или принятии женской сексуальности. Женщина хочет получить две противоположности. Ее Я ненавидит подчинение, поражение, но ее пол, ее сексуальность его просит и даже требует. Женское женщины хочет падения, хочет мужское мужчины, противоположность фаллического, в инфантильной сексуальной теории девочка старается избежать столкновения с травматической разницей полов, со своим женским. Женское хочет получить большое количество либидо и эрогенный мазохизм. В этом состоит суть греха (скандала) женского.

Любовник, при условии если его Я также способно подчиниться присутствию постоянного напора либидо, пробудит либидо в теле женщины для того, чтобы открыть или даже иногда создать ее женское. Для того чтобы это произошло, женщине необходимо столкнуться со своим внутренним конфликтом между либидо и сопротивлением Я.

Асимметрия разницы полов обогащается за счет идентификаций. Мужчина также может почувствовать себя во власти женской способности к подчинению, принятию и пенетрации. Чем больше мужчине удается победить женщину, тем более сильным он является. Чем больше покорности женщина проявляет по отношению к мужчине в сексуальной области, тем большей властью она начинает обладать по отношению к своему любовнику. Женское поражение является женской силой и властью. В сексуальных отношениях, в наслаждении создается женское сексуальное генитальное, наиболее завершенное женское женщины, равно как и мужское мужчины.

Антагонизм фаллической логики, который создается за счет кастрационной тревоги, использует такие решения, как отрицание разницы полов, доминирование, уничтожение или избегание женского. Пара «мужское – женское» выстраивается благодаря совместному творчеству и благодаря открытию женского пола и женского полового органа.

Двойная смена объекта

Доминирование мужчины – неоспоримый факт в организации любого общества – отсылает нас, с психоаналитической точки зрения, к символической отцовской фаллической функции, которая необходима, поскольку она устанавливает закон, помогающий отцу отделить ребенка от матери и ввести его в социум, мир людей.

Я же говорю о любовнике, дающем наслаждение, который также занимает позицию разделяющего третьего, вырывающего женщину из архаических отношений со своей матерью. Он пробуждает вагину женщины и благодаря этому отрывает женщину от ее аутоэротизма и от ее прегенитальной матери. Смена объекта – это смена подчинения: анальное подчинение матери, от которого девочка пытается защититься завистью к пенису, заменяется на либидинальное подчинение любовнику. На протяжении веков мужчина должен прийти, чтобы оторвать девочку от матери, вырвать ее из захвата «королевы ночи».

Обещание эдипального отца, о котором фантазировала девочка, может быть реализовано, только когда она станет взрослой, это обещание будет исполнено любовником, дарящим наслаждение. Превращая своего партнера в хорошего отца, который у нее был или которого у нее не было, женщина часто лишает мужчину его способностей и качеств любовника ради отцовских качеств.

Работа женского женщины

Таким образом, женщине нужно подождать, пока появится «любовник наслаждения», для того чтобы пробудить ее женское генитальное.

Именно здесь мы можем увидеть истинный опыт открытия разницы полов, совместное созидание женского и мужского.

Эта «работа женского» обеспечивает доступ к принятию и поддержанию разницы полов, которая всегда ощущается как конфликтная и которая участвует в выстраивании психосексуальной идентичности. Психосексуальная идентичность человека продолжает, однако, оставаться нестабильной конструкцией, речь идет о необходимости постоянно проделывать внутреннюю работу, она постоянно находится под угрозой регрессии в сторону оппозиции «пассивное – активное» или пары «фаллическое – кастрированное», которые облегчают необходимость проделывать психическую работу для двух Я перед лицом постоянного потока сексуальных влечений.

Любовник совершает по отношению к сексуальности женщины то же, что и совершает влечение по отношению к Я: необходимость принять неизвестное, одновременно тревожащее и известное. Таким образом, женщина вынуждена, даже против своего желания, проделывать работу женского, суть которой состоит в том, чтобы проработать догенитальные страхи внедрения и генитальные страхи пенетрации. Фантазм изнасилования, крайне эротизированный, часто появляется, чтобы обозначить переход от одного вида тревоги к другому.

Несмотря на сопротивление, взлом Я постоянным напором либидинального потока гораздо проще переносят женщины, поскольку их судьба – стать открытой. Поэтому доступ женщины к генитальности, с одной стороны, более легкий, поскольку ей в этом помогает мужчина, с другой стороны, более сложный, чем у мужчины, поскольку для открытия генитальности ей необходимо встретить любовника, дарящего наслаждение.

Ожидание может не привести к встрече, принести разочарование. Винникотт утверждает, что худшее, что может произойти с ребенком, – это не столько дефицитарность окружения, сколько надежда, которая появляется, а потом приносит только разочарование. Достаточно часто существует связь между ожиданием, которое закончилось разочарованием, и депрессией, а также женской гомосексуальностью.

Любовная зависимость приводит женщину к тому, что она гораздо больше, чем мужчина, находится под воздействием постоянной угрозы потери сексуального объекта, а не сексуального органа, из-за наличия этой тревоги (кастрационной) эдипальная сексуальность мальчика и сексуальность взрослого мужчины выстраиваются гораздо легче.

Женщина подчиняется любви. Она не может полноценно отдаться без любви. Поэтому она более подвержена опасности, как говорил Фрейд, потерять любовь.

«Работа женского» у мужчины

«Работа женского» у мужчины состоит в том, что мужчина отдается во власть напора постоянного потока либидо. Это значит, он может постоянно желать женщину, признавать наличие внутри себя этого иного

женского, которое может наделить его желанием завоевывать женское женщины и привести его к открытию женского.

Это значит, что он также может на какое-то время отказаться от контроля своего Я, отказаться от анальных и фаллических защит. Это значит, что он может преодолеть фантазмы о пенисе, который всегда стремится к проверке своей твердости, прочности в сексуальных отношениях, и станет способным справиться со страхом, связанным с фантазмами об опасности тела женщины-матери. Это значит, что его страх своей собственной архаичной матери и ее наслаждения и женского наслаждения вообще не будут приводить только к разрядке и возвращению в Я.

Такое удовольствие, как оргазм, стоит на службе связывания, возвращения в Я, в то время как наслаждение стоит на службе развязывания, выхода из Я, потери границ, находится по ту сторону принципа удовольствия Я.

Женский эрогенный мазохизм

Речь идет об эротическом психическом мазохизме, не о первертном и не об отреагированном. Это способность открываться и отдаваться большому количеству либидо и отдаться во власть сексуального объекта. В развязывании он обеспечивает дельнейшее связывание, необходимое для связности Я, поскольку для того, чтобы Я могло развязываться, необходимо наличие надежного объекта.

Из-за наличия эротического мазохизма влюбленная женщина говорит своему любовнику: «Возьми меня с собой туда, куда ты хочешь пойти, я принадлежу тебе, обладай мною, победи меня!» Истинная цель мазохизма – наслаждение.

И хотя Фрейд упрекал женское женщины в инфантилизме, сравнивая зависимость ребенка от матери с зависимостью женщины от мужчины, эта зависимость необходима для пробуждения либидо и наслаждения. Сексуальное наслаждение вписано в обнаружение момента «разрушения» инфантильного нарциссизма из-за резкого появления сексуального влечения, это момент, когда появляется сексуальное желание, созданное благодаря первичной идентификации с матерью, которая снова стала любовницей, момент, когда у нее устанавливается «цензура любовницы». И здесь вновь воспроизводится неизбежная связь между эротизмом и мазохизмом.

Чего хочет женщина? *Che vuoi?* Чтобы ее желали. Быть желанной, быть любимой. Причем эти два желания не всегда разделяются.

Если женщина чувствует, что мужчина перестал испытывать к ней желание, это возвращает ее к травматичному опыту, который она получила, обнаружив у себя отсутствие пениса или отрицаемый женский половой орган, отвергнутая мужчиной женщина вновь испытывает боль от нарциссической раны, которая появилась из-за обнаружения анатомической разницы полов, после чего девочке пришлось организовать у себя ряд фаллических защит. В этом проявляется женская «кастрационная тревога».

Очень часто потеря любви может обозначать потерю всего, возвращение в небытие, превращение в ничто. Таким образом, потеря объекта путается с нарциссической потерей всего. В операх мы можем увидеть проявление этой несимметричности.

«Если ты меня покинешь, я тебя убью!» – говорит Дон Хосе Кармен.

«Если ты меня покинешь, я убью себя!» – говорит Мадам Баттерфляй.

Согласно Фрейду, «женский мазохизм» у мужчин проявляется как эротизация боли и унижений, которые испытывает женщина. Это мастурбационная фантазия фетишистского характера. Женский эротический мазохизм другой по своей природе, он является основным элементом в выстраивании женского, которое находится по ту сторону фаллического, и вносит свой вклад в сексуальные отношения между мужским и женским.

Мазохизм, «хранитель секрета», как называл его Карл Абрахам, участвует в формировании представления о внутреннем, интериоризации, возвращении в Я. Именно поэтому мазохизм – необходимое и дополнительное условие для успешности терапии. Мазохизм – «автор» чувства вины, которое появляется из-за огромного удовольствия, которое испытывает женщина, удовольствия, которое хранится в секрете. Фаллическое инвестирует видимое и внешнее, мазохизм инвестирует внутреннее и интериоризацию.

Этот мазохизм, «хранитель жизни», как его называет Бенно Розенберг, является гарантом сексуального наслаждения. Можно ли сказать, что он также является хранителем женского нарциссизма?

Половой орган матери

Половой орган матери, непостижимый и невообразимый, подавляется и вытесняется больше всего. Это объект-табу, самый вытесненный среди вытесненного. Женщина является одновременно святой и нечистой: она святая, пока остается девственницей, мадонной, матерью, а нечистой она становится, когда занимается сексом, и остается такой на всем протяжении своей сексуальной жизни. Это расщепление между мадонной и блудницей. Таким образом, половой орган матери является вдвойне табуированным и неприкасаемым.

Мужчины создают мифы и обряды, направленные на то, чтобы изгнать пугающее женское или контролировать его. Социальные ритуалы изолирования, медицинские ритуалы «изгнания», религиозные ритуалы «очищения»...

И все это делается для того, чтобы победить страх, который вызывает сексуальное наслаждение женщины.

Фрейд обладал достаточной смелостью, чтобы предложить рецепт, который поможет преодолеть этот страх: «Для того чтобы быть по-настоящему свободным, а следовательно, счастливым в любовной жизни, нужно преодолеть уважение к женщине и свыкнуться с репрезентацией инцеста с матерью или сестрой». Женщины и мужчины постоянно испытывают страх по отношению к архаичной матери, используют фаллические защиты

и завидуют друг другу. Гомосексуальные догенитальные фиксации сложно преодолеть.

Сексуальное освобождение

Между мадонной и блудницей, двумя полярностями, располагается женщина, о которой всегда забывают: сексуальная женщина, которая осознает и принимает свое сексуальное желание.

В наше время «сексуальная цивилизованная мораль», описанная Фрейдом, изменилась. Наслаждение превратилось в обязанность и даже требование. Это приводит к усилению кастрационной тревоги у мужчин, что в свою очередь усиливает их фаллическое инвестирование, их женские идентификации и отцовские опоры не очень надежны.

Импотенция и фригидность не исчезли в процессе социальной эволюции. Сексуальная свобода и эмансипация, которые дали женщинам право на сознательном уровне отделить их сексуальное желание от репродуктивного, не облегчила при всем этом доступ женщин к женскому и не дала мужчинам гарантий, что они все еще играют важную роль. В социальных изменениях мы можем обнаружить тенденции к увеличению независимости и власти женщин и движение в сторону лишения мужчин принадлежащих им ранее привилегий. Можем ли мы сейчас перестать стигматизировать фригидность и импотенцию у женщин и мужчин и подготовиться к психической работе, которую необходимо проделать для того, чтобы состоялась встреча мужского и женского и чтобы сексуальные отношения сохранялись?

Заключение

Сексуальное наслаждение – результат особой психической совместной работы. Никакое событие в жизни взрослого человека невозможно сравнить с сексуальными отношениями, самым мощным способом напрямую войти в контакт с самыми глубинными пластами психической жизни.

Сексуальный акт представляет собой опыт инициации, как для мужчины, так и для женщины, в процессе которого постоянно действующая сила влечения овладевает Я для того, чтобы извлечь оттуда наслаждение – наслаждение от подчинения влечению и сексуальному объекту и наслаждение от отношений между мужским и женским, которые взаимно «генитализируются» благодаря этой встрече в асимметрии разницы полов.

Именно интроекция влечений и расширения Я является, по моим ощущениям, тем интегративным опытом, который позволяет преодолеть фаллический порядок.

Женское: по ту сторону фаллического

На закате своей жизни, столкнувшись со сложностями и даже провалами в аналитической работе с пациентами, Фрейд в 1937 году почувствовал необходимость теоретизировать «скалу» отказа от женского, описать

и понять эту Сциллу после того, как в 1920 была введена Харибда – теория влечений к смерти. Не были ли эти новые теоретические исследования способом через отказ от женского вновь ввести сексуальные влечения, вернув им ту демоническую способность, которой они были лишены, и вновь наделив их теми же разрывающими, подобно снаряду, полярными свойствами, присущими влечениям к смерти?

Фаллическая организация

Кастрационная тревога является центральным механизмом эдипального конфликта, дирижером оркестра фаллической организации. Исходя из инфантильной сексуальной теории, нарциссическая переоценка пениса, единственного существующего полового органа, представляет собой защиту «все или ничего», которая отрицает различие полов и половых органов и, соответственно, отрицает наличие женского полового органа, приравнивая его к «кастрированному пенису».

Эта защитная организация, которая развивается под воздействием кастрационной тревоги и угрожает всем людям, лишенным пениса, лежит в основе создания инфантильных сексуальных теорий, в том числе теории, в которой речь идет о существовании единственного полового органа, фаллоса, который превозносится, а в некоторых цивилизациях даже обожествляется.

Мужское и фаллическое

Не так давно женщины обрели право голоса, поскольку в прежние времена они были объектами сексуального завоевания, униженными, недооцененными, вынужденными подчиняться. Так что же на самом деле атакует, нападает на женское? На женское нападает не мужское, а фаллическое. Речь идет о нарциссическом, а не эротическом сверхинвестировании мужского полового органа и мужского пола, которое проявляется в необходимости постоянно доказывать свою мужественность и силу.

Мужское образует пару с женским, а фаллическое – с «кастрированным», то есть с отрицаемым, униженным, презируемым женским половым органом.

Сексуальные хищники, преследующие женщин, использующие власть и жестокость, недостойны носить этот знак отличия – мужское. Их сексуальные качества можно лишь поставить под сомнение.

Сексуальные влечения являются дикими, пылкими и неудержимыми. Давайте пожелаем женщинам не лишать себя мужских желаний, если женщины признают свою женственность, они могут надеяться на то, что их женское расцветет. Женское, расцветая в уважении к инаковости другого, приносит самый щедрый дар – сексуальное наслаждение.

Женское не стирает загадку разницы полов, а, напротив, усиливает эти различия. Женское выстраивается на самом глубинном уровне, который есть у человека – его корни находятся в инфантильной сексуальности,

которая питает никогда не ослабевающее любопытство к самому загадочному – к женскому.

Женское и фаллическое

Фаллическое относится не только к мужчинам, у женщин оно также проявляется. Именно фаллическое питает жажду власти, господства, доминирования. Фаллическое является проявлением силы и власти как у мужчин, так и у женщин. Фаллические притязания являются защитой против кастрационной тревоги как у мужчин, так и у женщин.

Фаллическое у женщин может захватить область женственности и бороться против признания мужского мужчин.

Женская сила женщины – это ее желание быть желанной. Отсутствие или исчезновение этого желания может ощущаться как лишение половой принадлежности или женского полового органа.

Таким образом, мы можем поставить вопрос о том, что женская кастрационная тревога соотносится не с частью, а со всем телом, проявляется в способности притягивать внимание мужчин, в этом состоит отличие женской кастрационной тревоги от мужской, которая сцеплена с пенисом и достижениями.

Если говорить о бисексуальности, она обоснована на уровне идентификаций, но ее влияние ослабляется при инвестировании сексуальных отношений, которые связаны напрямую с принятием разницы полов.

Желание

В целом, мужское желание – это желание завоевывать, поскольку пенис видим и способен к эрекции. Пенис может казаться угрозой и вызывать зависть как признак силы, власти и могущества, но при этом его внешний характер обуславливает его хрупкость, поэтому он подвержен риску превратиться в признак бессилия.

Я мужчины не обладает властью восстанавливать силу собственного пениса, командовать и управлять тем, что обладает для мужчины наивысшим значением – эрекцией и мужской силой.

Область бессознательного оказывает сложно поддающееся контролю влияние на все эти процессы. Возможно, с этим связано чрезмерное сверхинвестирование и, можно даже сказать, обожествление фаллоса, восседающего на троне.

Мужское желание, напрямую связанное и укоренившееся в символизации целого через его часть, имеет склонность к фетишизму. Фетишизм проявляется в выделении вызывающих желание частей, которые воспринимаются как целое, как вся женщина: грудь, шея, изгибы тела, ноги. Женщины прекрасно это понимают и используют эти части тела как наживку.

Женское желание более интериоризировано, менее репрезентабельно, так же как и женский половой орган. Женщина обращается к своему внутреннему, она проявляет это обращение в глубь себя через обмен взглядами и в соединении тел.

Нарциссизм

Сексуальная встреча, в которой соединяются два тела, включает в себя, кроме любви и удовольствия, испытания и риски для Я и нарциссизма обоих партнеров. Какова природа связи между телом и нарциссизмом? Что должен нарциссизм телу? Наиболее архаические следы наслаждения вписаны в тело через аутоэротизм и первичный нарциссизм. Во вторичный нарциссизм включены отношения с другим, двойной оборот влечений, возвращение в Я объектных инвестиций, в отличие от первичного нарциссизма, где субъект обращается только к своему телу. Тем не менее первичный нарциссизм напрямую связан и подкрепляется «первичной материнской озабоченностью», в него включены одновременно забота и соблазнение со стороны первичного объекта. Первичный нарциссизм подпитывается также родительскими нарциссическими проекциями, которые превращают младенца в «Его Величество ребенка».

Опыт «стадии зеркала», согласно Лакану, позволяет прояснить моменты выстраивания нарциссизма, как мужского, так и женского. Ребенок смотрит в глаза своей матери, которая смотрит на него, тем самым подтверждая и укрепляя то отражение, которое он видит в зеркале. Это время распознавания и признания объектом зеркального образа, отражения в зеркале.

Потребность в признании фаллического нарциссизма, то есть потребности вызывать восхищение, в женском нарциссизме выражена в потребности быть желанной.

Женский нарциссизм

Если мужской нарциссизм является прежде всего фаллическим, ввиду того что кастрационная тревога угрожает пенису, то женский нарциссизм в первую очередь является телесным, даже если он может быть также инвестирован фаллическим способом. Речь идет о теле женщины, которому необходимо признание через взгляд другого. Поэтому женщины более зависимы от взгляда, желания и любви объекта.

Признание женственности девочки реальным отцом является необходимым. Отцовский взгляд, отличающийся от взгляда-зеркала матери, согласно Винникотту, оставляет отпечаток на судьбе женственности девочки, выделяет направление – желание быть увиденной мужчиной и вызывать его желание. Взгляд отца может сказать: «Ты очень красивая девочка», но он также может выразить антиинцестуозный эдипальный регистр: «Однажды твой принц появится!»

Это отцовское инвестирование может позволить избежать риска депрессии, связанной с ощущением отсутствия полового органа или кастрированного полового органа.

Женщина, чей нарциссизм не может выстраиваться на фундаменте фаллического подкрепления, остается зависимой от объекта, который подкрепляет ее нарциссический образ, и женщина, в свою очередь, выстраивает

свой либидинальный объект через функцию своего желания быть желанной.

Но она будет зависима только от своего отражения в зеркале, если ей не удастся выстроить достаточно хорошие оценивающие ее внутренние объекты и если только блеск взгляда любящего объекта может дать ей другое зеркало, в таком случае при расставании есть серьезные риски падения в пучину депрессии. После разрыва отношений, предательства, смерти объекта, когда женщина внезапно теряет этот взгляд, она может временно потерять все свои символические опоры, как если бы она превратилась в ничто.

Современные эмансипированные женщины, которые обрели свободу, получили доступ к контрацепции и могут контролировать вопросы деторождения, могут также чувствовать, что их реализация фаллического типа не может ни облегчить, ни разрешить достаточно удовлетворяющим их способом тревоги, связанные с женским. В особенности это касается тех моментов, когда женщина не чувствует себя желанной, отсутствие желания мужчины возвращает тот болезненный опыт, когда девочка открыла для себя анатомическую разницу полов, когда она узнала, что лишена полового органа или обладает отрицаемым женским половым органом, — в этот момент женщина вновь испытывает страдания маленькой девочки, открываются ее нарциссические раны, которые девочка в прошлом старалась вылечить, обратившись к помощи фаллических защит. Здесь, в момент открытия анатомической разницы полов, располагается женская «кастрационная тревога».

Женское как трансгрессия или нарушения

Является ли женская эмансипация нарушением фаллических законов?

Мы должны отдавать себе отчет, что в прежние времена было множество запретов и табу по отношению к женскому телу, сексуальности, роли в семье и материнству. До 1975 года во Франции были запрещены аборты и контрацепция.

В других странах женщины подчиняются многочисленным запретам, касающимся их сексуальности, из религиозных соображений женщины подвергаются операциям по женскому обрезанию, у них удаляют внешние половые органы (клитор, малые половые губы), женщин забрасывают камнями. Только бесплодные женщины или женщины в период менопаузы получают определенный общественный авторитет, в то время как мужчины присваивают себе власть в отношении деторождения и контроля рождаемости.

Религиозные табу в трех монотеистических религиях требуют, чтобы женщины были чистыми, существуют различные ритуалы вокруг женской чистоты и нечистоты. Женщинам запрещено проводить богослужение, женская сексуальность вне брака находится под запретом, и ее единственная цель — деторождение, еще существуют полигамия и многоженство, в некоторых религиях развод все еще запрещен... Не следует забывать, что в прошлом женщин преследовала инквизиция и подвергала

их пыткам, как, например, в Испании. И только тантрический буддизм в Тибете, который находится вне рамок этих трех монотеистических религий, дает право на женское наслаждение и признает его.

Но главное женское достижение – это получение права на сознательном уровне разделять сексуальное желание и желание рожать детей, теперь женщина может решать, иметь ей или не иметь детей.

Наслаждение женщины, поскольку оно не подчиняется фаллическому закону, воспринимается как нарушающее правила, ниспровергающее и подрывающее основы, выходящее за рамки. Согласно Лакану, наслаждение – это Другой.

В конце II тысячелетия появились новые конфигурации отношений между полами, изменились роли и репрезентации обоих полов. Кроме того, гомосексуальность, которая была на протяжении многих лет табуирована, получила наконец признание.

Каким образом женское эротическое может не восприниматься как нарушающее закон?

Первое нарушение закона у девочки – это предательство первичной матери. Девочка отворачивается от той, которая не дала или была неспособна дать ей пенис для того, чтобы добраться до отца. Речь идет о кастрации материнского фаллического имаго. Лакан говорит о «разрушении» матери. Связь любви и ненависти является признаком того, что освобождение от материнского захвата происходит непросто.

Второе нарушение закона происходит по отношению к эдипальной матери, в отношениях конкуренции, соблазнении отца и в фантазматическом ожидании получить от него ребенка или обещание наслаждения.

В качестве заключения

Доминирование мужчины, неоспоримое с точки зрения организации любого общества, с психоаналитической точки зрения отсылает нас к символической отцовской фаллической функции, которая устанавливает закон и которая необходима для того, чтобы ребенок отделился от матери и вошел в большой мир, в социум.

Эта фаллическая организация, поддерживающая инфантильную сексуальную теорию, с точки зрения Фрейда, является основополагающей, поскольку на этом фундаменте он выстраивает фаллоцентрическую теорию психосексуального развития, Лакан также считает фаллос центральным означающим сексуации и желания. Можно ли предположить, что здесь речь идет о формуле, описывающей защитную господствующую тактику по отношению к травматическому опыту при открытии разницы полов? Но, как было отмечено выше, общество придает большое значение поддержанию этой функции.

Самое сложное, резкое, необузданное в области генитального либидо взрослого человека, максимально мобилизующее анальные фаллические защиты, – это то, что мы можем назвать «отказом от женского». Это связано с тем, что Я необходимо тратить усилия и проделывать серьезную работу из-за постоянного напора либидо в сексуальности. Напряжения Я

и сложность психической работы по принятию разницы полов могут вступить в конфликт с регрессивным захватом архаичной матери, с регрессией, ведущей в сторону слияния, потери границ и влечения к смерти.

Как понять, почему «отказ от женского» является настолько сильным и устойчивым? Можем ли мы сделать вывод о том, что нападки совершаются на то, что несет в себе постоянную угрозу фаллическому социальному и религиозному порядку – это женская способность давать жизнь детям и особенно женское сексуальное желание? Идет ли речь об опасности, когда материнское проникает в женское, а женское – в материнское?

Статус женщины – это зеркало структуры и истории цивилизации, рычаг, запускающий изменения в обществе, симптом кризисов и главная цель в борьбе между полами, эмблема равенства.

В отличие от пары «фаллическое – кастрированное», которая поддерживает сохранение социальной организации и отношений с властью, выстраивание пары «мужское – женское» является результатом и производением психической работы.

Фрейд называл «отказ от женского» «скалой биологического» для того, чтобы подчеркнуть инаковость женского. Цель встречи с другим полом состоит в открытии инаковости другого, которую и мужчина, и женщина должны приручить и в себе, и в другом. Если же этого не случится, есть риск повернуться в сторону обесценивания, презрения, страха и ненависти по отношению к женскому с возможностью перехода к деструктивному насилию. Могут ли мужчины избежать расщепления между мадонной и блудницей, по какой причине мужчины и женщины могут пойти в сторону гомосексуальности?

Признание инаковости другого и способы поведения при столкновении с разницей полов определяют качество сексуальных, любовных и социальных отношений, которые выстраиваются между мужчиной и женщиной. Признание инаковости женского пола свидетельствует о том, что проделана «работа культуры».

Другой пол (и половой орган) – это всегда женский пол, как для мужчины, так и для женщины. Поскольку фаллическое для всех примерно одинаково.

Смещение фаллического и мужского необходимо мальчику для первичного инвестирования своего пениса, но во взрослых сексуальных отношениях фаллическое и мужское становятся антагонистами.

Итак, по ту сторону фаллического находится женское.

Psychoanalysis of Feminine

Jacqueline Schaffer

(Translation from French: O. V. Chekunkova)

Jacqueline Schaffer, psychoanalyst, full-time member of the International Psychoanalytic Association (IPA), titular member of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), training analyst of SPP, winner of the Maurice Bouve Psychoanalytic Prize (1987).

Freud spoke of the "repudiation of femininity" as being an "underlying bedrock", part of the "enigma" of sexuality. The enigma is not so much the refusal of the feminine dimension as such; it has more to do with rejecting its erotic and genital aspects, as well as its creation through sexual ecstatic pleasure. Equality between the sexes is a legitimate demand in the political, social, and economic spheres, but forming a masculine–feminine relationship as a couple is a creation of the mind, exalting the acknowledgement of the otherness which is part of the difference between the sexes. There is a conflict in woman – and the feminine dimension itself is rooted in it – between a sexuality that demands "defeat" and an ego that abhors this. It is the man's masculine dimension – the antagonist of the phallic one – which creates the feminine dimension in women, by tearing away their defences and generating sexual ecstasy. The quality of the sexual, emotional, and social relationship that is set up between a man and a woman bears witness to the "work of civilization".

Keywords: feminin refusal, work of feminin, feminin sexuality, construction of feminin.

Зеркала нарциссизма: клинические проявления психоза¹

Анн Брюн

(Пер. с фр: Л. В. Захарова)

Анн Брюн – психоаналитик, профессор клинической психологии и психопатологии, директор центра исследований психопатологии и клинической психологии Лионского университета (Université Lyon 2). Член Парижского психоаналитического общества (SPP).

Растущий интерес Фрейда к лечению психозов отчасти мотивировал введение в 1914 году концепции нарциссизма. В этой статье предлагается прояснить проблемы нарциссизма в клинике психоза с двойной точки зрения – метапсихологической и терапевтической. Эволюция концепции первичного нарциссизма в истории психоанализа рассмотрена в свете трудов Винникотта и вкладов современных психоаналитиков в изучение первичных форм символизации. Фрейд подчеркнул, что важность концепции нарциссизма представляет собой препятствие для терапевтического измерения психоанализа, и объявил о модификации обычных методов для лечения патологий нарциссизма и, в частности, о модификации психоанализа. Ведущим в клинических исследованиях становится упор на сенсомоторный и телесный подход, основанный на психотерапевтической медиации.

Ключевые слова: терапевтическая медиация, первичный нарциссизм, психоз, сенсорность, первичная символизация.

¹ Оригинал статьи: Университетское издательство Франции, Журнал детского психоанализа, 2014/1, выпуск 4, с. 185–207 (Presses Universitaires de France | Journal de la psychanalyse de l'enfant, 2014/1. Vol. 4 | pages 185 à 207).

Растущий интерес Фрейда к лечению психозов отчасти мотивировал введение в 1914 году концепции нарциссизма, которая перестраивает всю психоаналитическую теорию и позволяет открывать новые метапсихологические точки зрения. В поддержку концепции нарциссизма в данной статье предлагается начать с фрейдистских представлений о влиянии психоза на зарождение концепции нарциссизма. Это даст возможность определить, какую роль играет нарциссизм в клинических проявлениях психозов, согласно двойной перспективе, метапсихологической и терапевтической. На метапсихологическом уровне в истории психоанализа, в частности вокруг вопроса о первичном нарциссизме, в статье будут выявлены некоторые эвристические моменты для теоретизирования проблемы нарциссизма: в то время как Фрейд продвигал концепцию первичного нарциссизма с солипсистской точки зрения, Винникотт совершил настоящую метапсихологическую революцию, подчеркнув зеркальную роль, которую играет объект в структурировании первичного нарциссизма, и таким образом открыл понимание психотической проблемы. Современные психоаналитики столкнулись в клинике психоза с необходимостью формирования конкретных концепций. Опираясь на работы этих психоаналитиков и учитывая взаимосвязь психотической проблематики с первыми сенсомоторно-аффективными переживаниями по отношению к объекту, далее мы выделим роль примитивных ощущений в контексте первичного нарциссизма, который нельзя мыслить независимо от объекта. Такие примитивные ощущения, являющиеся эхом окружающей среды, позволяют постепенно установить различие между Я и не-Я и получить доступ к первичным формам символизации.

Ведущим в клинических исследованиях будет упор на сенсомоторный и телесный подход, основанный на психотерапевтической медиации. Также будет описана реактуализация примитивных сенсорных ощущений в психоаналитической психотерапии психозов.

Фрейдовские перспективы: влияние психоза на зарождение концепции нарциссизма

Во «Введении в психоанализ» (1915–1917) Фрейд ссылается на первые концепции (психосексуального развития. – *Прим. пер.*) Абрахама, высказанные им в 1908 году после их обмена идеями, и уточняет гипотезу о том, что преждевременное слабоумие характеризуется отсутствием фиксации либидо на объектах, потому что оно (либидо) возвращается в Я. Этот рефлексивный поворот является источником бреда величия при преждевременной деменции. Фрейд подчеркивает, что эти тезисы Абрахама, изложенные им в работе «Психосексуальные различия между истерией и преждевременным слабоумием» (1908), о роли нарциссизма стали основой психоаналитической позиции в отношении к психозам. Во втором разделе текста о нарциссизме (1914) Фрейд снова подчеркнет, что анализ психозов – это привилегированный способ доступа к нарциссизму.

Напомним, что нарциссизм соответствует либидинозному инвестированию Я и что Фрейд в 1914 году предложил идею противопоставления и

баланса между нарциссическим либидо и объектным либидо: эта передовая инновационная теория, которая делает второй шаг в создании теории влечений в 1914 году, вводит новый взгляд на теорию либидо, которая отныне больше не сосредоточена исключительно на объектности, но также открывает и инвестирование себя; Фрейд установил своего рода баланс между либидо Я и объектным либидо. Фрейд постулирует инвестирование, происходящее из Я, первичный нарциссизм, первую стадию нарциссической завершенности, предшествующую любой дифференциации от объекта, и поэтому рассматривает Я как большой резервуар либидо, который частично направляется к объектам.

Введение концепции нарциссизма поднимает вопрос о его разделении с аутоэротизмом, ранее описанным Фрейдом как состояние либидо в его начале. В 1911 году он описал нарциссизм как промежуточную фазу между аутоэротизмом и выбором объекта:

«<...> Развивающийся индивидуум собирает в единое целое свои сексуальные влечения, которые до этого действовали в аутоэротическом режиме, чтобы завоевать объект любви, и сначала он берется за себя, *он берется за свое собственное тело как объект любви*, прежде чем перейти к выбору в качестве объекта другого человека» (*Freud, 1911, p. 306*).

Это первое определение нарциссизма как промежуточной стадии между аутоэротизмом и любовью к объекту сопровождается идеей возможного регресса либидо в этой нарциссической фазе и подчеркивает роль, которую играет инвестирование собственного тела в определенном смысле: это необходимая предварительная подготовка к выбору объекта.

Хотя аутоэротические влечения существовали с самого начала, Я не присутствует с самого начала в индивиде, но оно должно претерпевать развитие, как указывает эта знаменитая формулировка основателя психоанализа: «<...> Следовательно, какое-то новое психическое действие должно быть добавлено к аутоэротизму, чтобы придать форму нарциссизму» (*Freud, 1914, p. 221*).

Это новое психическое движение, соответствующее появлению Я, инициирует серьезную модификацию в *метапсихологии*, которая отныне будет обыгрывать идею взаимодополняемости и противопоставления двух либидо: объектного, где сексуальное направлено на объект, и либидо Я, где сексуальное обращено к Я.

Фрейд предлагает представить нарциссизм в виде амебы, которая протягивает свои ложноножки к объектам и может возвращать их обратно; этот сильный образ обозначает репрезентацию либидинозного инвестирования, исходящего из Я, из которого «часть позже уступается объектам», но которое в основном сохраняется. Затем Фрейд подчеркивает взаимодействие между либидо Я и объектным либидо: «Чем больше одно разворачивается, тем больше другое обедняется». Различие между сексуальной энергией, либидо и энергией влечений Я поначалу неразлично в состоянии нарциссизма и проявляется только при инвестировании объекта. Процесс, с помощью которого Я трансформирует либидо, которое вкладывается в объектное либидо, кажется обратимым, потому что объектное либидо может снова стать либидо Я (или нарциссическим либидо).

Это различие между либидо Я и объектным либидо кажется Фрейд продолжением его гипотезы о разделении сексуальных влечений и влечений Я: даже если эта гипотеза в значительной степени основана на биологии и мало – на психологических фактах, она вытекает из клиники психологии невротизации переноса и парафрении (преждевременной деменции и паранойи). В этом он решительно поддерживает Юнга, который защищает концепцию либидинозного монизма, другими словами, уникального типа психической энергии. Поэтому Фрейд обсуждает, вводя анализ Я² (*Ichpsychologie*), тезис Юнга о том, что концепция либидо не может применяться к шизофрении, так же как утрата либидо не может быть причиной потери реальности при психозе.

Основатель психоанализа в дальнейшем разработает концепцию нарциссической абстиненции и отказа от объектов при шизофрении в 1915 г. в своей работе «Бессознательное». Таким образом, изучение шизофрении, при которой либидо отвлекается от объектов внешнего мира, является, согласно Фрейду, одним из истоков его размышлений в отношении нарциссизма.

В связи с темой первичного нарциссизма появляются такие понятия, как «нарциссическое всемогущество», чувство всемогущества и самодостаточной завершенности, типичные для психотических патологий. Фрейд постулирует первичный нарциссизм, который трудно понять при непосредственном наблюдении, как обоснование того факта, что родители вынуждены приписывать своему ребенку все совершенства: Его Величество ребенок исполнит мечты родителей о неудовлетворенном желании, поскольку «Любовь родителей есть не что иное, как их только что возродившийся нарциссизм». Нарциссизм, возродившийся в форме объектной любви.

Этот первичный нарциссизм относится (как Фрейд определит в 1915 году в статье «Влечения и их судьбы») к первичной иллюзии безразличия между младенцем и внешним миром – другими словами, к раннему безобъектному, недифференцированному субъективному состоянию, в такой степени, в какой ребенок еще не построил субъективную связь с другим человеком, который воспринимается как отличный от него.

Мы могли бы подчеркнуть, что эта теория первичного нарциссизма, задуманная солипсистским образом, проистекает из «действующего проникновения» (*Donnet*, 2007) нарциссической проблематики в теорию, которая имеет тенденцию связывать все с собой, стирать то, что исходит из вторичного нарциссизма, а также стремится стереть тот факт, что нарциссический процесс состоит именно в стирании: это наблюдение Руссийона (2011), который исследует вклад Винникотта в анализ нарциссизма и форм самопораждения.

² Использование термина «анализ Я» кажется предпочтительным по сравнению с термином «психология Я», который относится к исторической полемике с американскими сторонниками «бесконфликтной сферы».

Винникотт, или Метапсихологическая революция: объектный первичный нарциссизм

Для Винникотта первичный нарциссизм нельзя помыслить независимо от объекта, другими словами – от другого субъекта: один из фундаментальных вкладов его теории состоит, по сути, в выделении части объекта в структуре первичного нарциссизма. Вводя функцию материнской заботы и присутствие окружающей среды в конструкцию первичного нарциссизма, Винникотт «денарциссирует теорию нарциссизма», согласно формулировке Р. Руссийона (2011), и наделяет его ролью «двойника», «зеркала» самого себя, которое опосредует построение идентичности. Таким образом, Винникотт повторно вводит историческое измерение первичного зеркального объекта и реконструирует архаическую связь между объектом и субъектом, чтобы описать текущую нарциссическую конфигурацию субъекта. Другими словами, следы воздействия на субъект первичных реакций объектов, проявляющиеся в клинике *après coup*.

Таким образом, Винникотт произвел значительную метапсихологическую революцию: функция объекта в конструировании самости и настойчивость в ответе объекта на либидинозные движения субъекта приводят к идее о том, что влечение является носителем адресованного объекту сообщения, которое ожидает ответа от объекта: Р. Руссийон (2010, с. 97–102) предлагает таким образом придать влечению смысловое измерение, подчеркивающее важность контакта с объектом. Такова объективизирующая задача влечений, эта ценность посланника в направлении объекта будет диалектизована с более классической задачей разрядки и снижения напряженности, нарциссическим вкладом в жизнь влечений.

Согласно Винникотту, ответы, которые первичный объект принесет деструктивности субъекта, позволят осуществить процесс объективизации или уйти в нарциссическую проблематику. Если на самом деле объект мстит или уходит в ответ на инстинктивные движения ребенка, связь будет разрушена и нарциссизм ребенка останется заблокированным в солипсизме. И наоборот, если объект переживает движения деструктивности, если он показывает себя затронутым ими, не выходя из отношения, связь с объектом будет поддерживаться: начнет проявляться психическая тема. Организация происходит вокруг дифференциации внутреннего объекта, разрушенного фантазией, и внешнего объекта, переживающего деструктивность субъекта. Таким образом, мы оставляем первичный нарциссический солипсизм, первичную нарциссическую иллюзию благодаря реакции объекта, которая играет свою зеркальную функцию и позволяет ее использовать, и направляемся в сторону признания инаковости объекта. Таков парадокс изначальной деструктивности (Winnicott, 1971, р. 120–131). Таким образом, при психозе тенденция к разрушению будет связана с невозможностью отделения от первичного объекта, потому что все происходит так, как если бы психотический субъект «испытал реальность невыживания объекта», что «реализует фантазию о деструктивности в то же время заставляет его терять свою интрапсихическую локализацию, свой потенциальный характер»

(*Roussillon*, 1991, p. 129). Таков парадокс первичной деструктивности (*Winnicott*, 1971, p. 120–131).

Этот процесс проявляется в следующей клинической последовательности, которая объясняет мутационный момент возникновения солипсистского нарциссического бегства, в котором ребенок был заперт.

Девятилетний Пьер, страдающий симбиотическим психозом, с аутистической защитой, находится в дневном стационаре в рамках индивидуальной визуальной медиации с двумя клиницистами. В начале своей терапевтической работы в арт-терапевтической медиации Пьер входит в разговор и начинает организовывать свою деятельность на пространственно-временном уровне. В возрасте семи лет он пережил трудный период жестокости, который характеризовался, в частности, неоднократными физическими нападениями на консультанта. Пьера в четыре месяца поместили в приемную семью из-за психологических проблем его матери, вместе с другим ребенком, у которого не было отца; он по-прежнему живет в той же семье и время от времени навещает свою биологическую мать.

Этот ребенок быстро побуждает руководителей семинара действовать как зеркало, в частности жестовое и звуковое зеркало. Мастер-класс представляет собой настоящую звуковую ванну, которая сопровождает следы, с игрой повторения и ритмическим сканированием различных звукоподражаний, рифм, песен, а также с игрой дублирования жестов и изобразительных следов, раскрашенные формы повторяются, в частности, с психологом-стажером, которому ребенок велел регулярно вставлять рядом с ним перед листом бумаги. Именно в контексте этой хореографии вокруг листа через шесть месяцев появились первые лица; сначала ребенок стирает лица, покрывая их краской, он заставляет эти лица появляться и исчезать, стирая их.

Во время особо важного сеанса Пьер представляет лицо на своем листе бумаги и царапает его руками. Консультант кричит: «Ой!»; Пьер смеется, снова цепляется за лист, смотрит на консультанта, ожидая очередного восклицания, затем нежно гладит лицо на листе, чтобы стереть царапины. Игра повторяется, ребенок очень волнуется, смеется и радуется. На следующем сеансе Пьер начинает смеяться, как только видит консультанта, глядящего на то, что он рисует. Он рисует новое лицо, перечеркивает, снова вскрикивает и охватывает рисунок взглядом, проводя рукой по картине. Затем Пьер продолжает в своей живописной деятельности это изображение лиц, но лица больше не стирает.

Этот этап работы с лицами был изменчивым для ребенка, потому что он смог усвоить разницу между лицом, воспринимаемым в действительности, и лицом, изображенным на листе: его ликование происходит от того факта, что он может царапать и атаковать лицо на лице. Лист, таким образом, обновляет его первоначальную деструктивность по отношению к лицу матери и дает возможность увидеть, что лицо консультанта остается нетронутым в действительности и что последний остается доброжелательным по отношению к нему. Другими словами, он может уничтожить лицо на листе, не разрушая его в действительности, и, таким

образом, дает доступ к измерению своей бессознательной фантазии, описанной Д. Винникоттом (1971, с. 125):

Эй, объект, я тебя уничтожил. Я люблю тебя. Ты важен для меня, потому что пережил мое уничтожение тебя. Поскольку я люблю тебя, я все время тебя уничтожаю в своей фантазии (бессознательной).

Это тем более важно, учитывая, что Пьер внезапно потерял лицо своей матери в пять месяцев – в связи с усыновлением: все произошло таким образом, как если бы в ответ на первоначальную деструктивность ребенка лицо матери фактически исчезло в реальности и разрыв между фантазией и реальностью установить не удалось. Этот ребенок фактически пытался, двумя годами ранее, в институциональных рамках, посредством жестоких физических нападений каким-то образом направить своего референта на смерть. Поэтому мы переходим от «Я убиваю тебя и уничтожаю тебя в реальности» к «Я уничтожаю тебя как изображение, фантазию, но ты остаешься живым в реальности».

Опекун возвращает, театрализуя, его детскую деструктивность: именно эта театрализация позволяет ребенку обратиться к своей деструктивности при передаче опекуну, тем самым возобновив процесс разрушения/создания в связи с исходным объектом. В целом, миметическое преувеличение психотерапевтом поведения ребенка позволяет последнему осознавать свои эмоции, «чувствовать себя прочувствованными». Этот тип взаимодействия выводит на поверхность недавние исследования первичного взаимодействия младенцев с окружающей их средой в нейробиологии развития: таким образом, Гергели и др. (*Gergely et al.*, 1999) показывают, что именно преувеличение выражения эмоций ребенка в родительской имитации позволяет ребенку понять, что это действительно его собственный аффект, который ему возвращают родители. Театрализация терапевта позволяет ребенку осознать свое влияние на окружающую среду: аналогично, склонность ребенка к активному захвату окружающей среды зависит от его способности изменять другого и чувствовать другого, который действует.

Эта клиническая последовательность учитывает терапевтическую работу по конструированию первичного нарциссизма в связи с объектом, что является необходимым шагом в психотерапии детей-психотиков.

Возвращение к мифу: в зеркале нарциссов

Как показывает эта клиническая последовательность, роль зеркала, которую играет объект, существенная для построения первичного нарциссизма, уже присутствовала в мифе о Нарциссе. Поэтому давайте вернемся к мифу, чтобы пролить свет на одну из центральных проблем не только психотических патологий, но, в более общем плане, всех патологий нарциссической идентичности, в соответствии с общим термином, предложенным Р. Руссийоном. В рассказе Овидия Нарцисс обречен на встречу только с призраком своего собственного образа и не может ухватить

никого, кроме себя, – миф, который можно интерпретировать как постановку неуловимого первичного объекта. Двойник его самого заставляет Нарцисса инвестировать себя. Пока нимфа Эхо влюблена в Нарцисса, она повторяет ему: «Давай объединимся». Нарцисс убегает от нее со словами: «Скорее умрешь, чем прикоснешься ко мне», что хорошо свидетельствует об опасности смерти, связанной для него с возможным первичным столкновением с объектом. Скорбь от отвержения истощает жалкое тело Эхо, худоба иссушает ее кожу, остается только ее голос и кости. Ее кости приняли форму камня, она исчезает, но все ее слышат: звук – это все, что в ней сохранилось, – пишет Овидий. Перекрещенные зеркала Нарцисса и Эхо, которые могут относиться к отсутствию встречи с инаковостью, с главным зеркалом лица матери, в котором ребенок отождествляется (Winnicott, 1971): мы испытываем первое разочарование отвергнутого, неслышанного, или плохо отраженного, таково было бы одно из возможных следствий мифа, инсценированного различными формами психопатологии нарциссизма.

Терапевтические последствия теории нарциссизма в психозах

Фрейд так и не последовал своему основополагающему тексту 1914 г. о нарциссизме и не написал работу, посвященную нарциссизму, проект которой у него был. Но, как это ни парадоксально, его небольшой текст 1914 года станет отправной точкой для большинства текущих разработок психоанализа – аналитики постоянно вносят свой вклад в расширение и обновление фрейдистских интуиций в контексте новых форм психоанализа. Современная теория этой психопатологии собрана под общим термином «страдания нарциссической идентичности».

В 1915 году Фрейд поднял вопрос о нарциссизме во «Введении в психоанализ», в главе «Теория либидо и нарциссизма». Основатель психоанализа переформулировал в ней тезисы своего текста 1914 года, но по-новому указал на терапевтические последствия: в нарциссических неврозах, которые для него включают психозы, сопротивление непреодолимо – в отличие от переносных неврозов. Либидо пытается вернуться к своим объектам, но поражает только тени, представления слов. Фрейд подчеркивает необходимость замены обычных технических методов психоанализа другими и утверждает, что еще не знает, удастся ли психоанализу произвести эту замену. Следовательно, степень нарциссизма составляет предел терапевтического успеха, особенно в области психозов.

Со времен Фрейда было подчеркнуто, что замена, согласно фрейдистской формулировке, обычных технических методов психоанализа другими для лечения серьезных патологий нарциссизма и, в частности, психоза, отчасти получила распространение. Они развивались благодаря значительному развитию терапевтических опосредствований, которые уходят корнями именно в историю психоаналитической психотерапии психозов (Brun, 2007; Brun, 2007; Brun, 2013). Вопрос в том, как эти опосредованные терапии, относящиеся к психоаналитической психотерапии,

позволяют психотикам выйти из нарциссической абстиненции и снова инвестировать в объекты. Сначала я выдвину гипотезу о том, что для выхода из нарциссического всемогущества необходимо задействовать модальности первых взаимодействий с окружающей средой и начать терапевтическую работу, основанную на обращении к сенсомоторным навыкам, чтобы повторно инициировать связь с объектом и процессами дифференциации Я/не-Я. Другими словами, речь идет о задействовании процессов символизации, основанных именно на этом сенсомоторном регистре.

«Классические» теории психоза настаивают на невозможности или затруднении доступа к символическому для этих пациентов, которые кажутся погруженными в сенсомоторный регистр, что частично объясняет тупики психотерапии, основанной на словесном языке. Но можно начать терапевтическую работу, основываясь на призыве к сенсомоторному, чтобы задействовать процессы символизации, основанные именно на сенсорных и моторных переживаниях. С этой точки зрения психоаналитическая психотерапия, считающаяся эффективной в институциональной практике, связана с терапевтической медиацией, основанной именно на использовании сенсорной среды, такой как живопись, музыка, моделирование, коллаж. Моя цель теперь заключается в том, чтобы показать, как терапевтическая медиация позволяет мобилизовать первичные формы символизации, чтобы инициировать терапевтический процесс (Brun, 2007, p. 124).

Тело и нарциссизм в психотической проблематике

Работа над первичными формами символизации особенно развита среди современных психоаналитиков, что объясняет и тот факт, почему большинство теоретиков-аналитиков XX века пытались разработать определенные концепции, чтобы иметь возможность думать о первых сенсорно-аффективно-двигательных переживаниях в отношении к объекту, например протоменталу (Бийон), агглютинированному объекту (Блежер), пиктограмме (Касториadis-Оланье), проторепрезентации (Пиноль-Дурье), формальному означающему (Д. Анзье) и многим другим. Мы определенно можем отметить, что большинство этих психоаналитиков имели клинический опыт, связанный с психозами, и поэтому терапевтический подход в клинике требует концептуализации, которая позволяет нам учитывать важность сенсорных, телесных и моторных навыков. Это модальности эволюции современной психопатологии, в частности клиники пограничных и психотических функций.

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к детской клинике, потому что она может показать, как взаимодействуют примитивные сенсорные ощущения ребенка с окружающей его средой. Текущая работа показывает, что это отражение ребенка в его окружении – то, что Стерн (1985) называет настройками окружающей среды, которые позволяют ребенку получить доступ к первым формам символизации. Фактически вся клиника раннего возраста показывает, что это происходит из обмена телесными ощущениями, из того, что Стерн называет первичной

хореографией: регулировка жестов, мимики и поз между ребенком и основным объектом, которые составляют фон, на котором устанавливается возможность эмоциональной настройки. Стерн настаивает на феномене сенсорной транспозиции, лежащем в основе настроек (мать переводит действия своего ребенка в другую сенсорную модальность: например, ребенок пытается поймать мяч, ползая, а мать сопровождает его, не имитируя его движение, а голосом, интонациями, звуковым регистром).

Таким образом, в детской клинике примитивная чувственность становится посланником в связи с реакцией окружающей среды. Сенсорность, отражаемая окружающей средой, дает первичные формы символизации, в противном случае она вырождается и теряет свою символизирующую виртуальность. Эти процессы, касающиеся детской сексуальности, имеют серьезные последствия для психопатологии как детей, так и взрослых. Именно соединение чувственности ребенка и потенциальной виртуальности появления первичных форм символизации в ответах окружающей среды лежит в основе процессов символизации. Это появление первых форм символизации связано с первыми формами языка, которые имеют место в отношениях ребенка с окружающей его средой. В конечном счете «первичные формы символизации» относятся как к раннему опыту, так и к структурному процессу символизации, действующему на протяжении всей психической жизни. В этом контексте мы увидим на клинических примерах, как терапевтическое опосредование позволяет, в частности, возобновить символизирующую виртуальность этих первичных форм символизации.

Терапевтическая медиация и возникновение первичных форм символизации: на пути конструкции первичного нарциссизма

Предыдущая работа (*Brun*, 2007, 2013) показала, что встреча с гибкой средой (*Milner*, 1955) в кадре-диспозитиве терапевтических опосредований, таких как живопись, земля, лепка, коллаж, активирует у детей галлюцинации; ощущения, порождаемые материальностью медиума, фактически актуализируют психотические переживания, которые при психозах часто относятся к первоначальным переживаниям, невыносимым, как примитивные тревоги, отмеченные М. Кляйн, безымянный ужас Биона или переживания примитивной агонии, описанной Винникоттом в 1974 году, например, когда субъект отказывается от переживания психической смерти, чтобы иметь возможность выжить. Эти катастрофические первичные переживания никогда не могли быть представлены, потому что они в некотором смысле не были пережиты субъектом. Тем не менее они могут быть реактуализированы и изображены посредством того или иного материала, той или иной техники, единственного или различных способов.

Эти галлюцинации возникают из-за зеркального эффекта между медиумом и ребенком. Фактически при психозе между ребенком и медиумом устанавливаются зеркальные отношения, между телом ребенка и медиумом существует непрерывность, которая может быть недифференцированной.

Такая терапевтическая медиация позволяет обновлять примитивные переживания сенсорного, аффективного и моторного порядка, которые субъект испытывал до появления вербального языка и которые, следовательно, были не символизированы, не вписаны в языковой аппарат, а записаны в соответствии с модальностями, отличными от языка (такие как язык тела, язык аффекта и использование сенсомоторной техники). Сенсорная среда мобилизует перцептивную память, которую вывел на поверхность Фрейд и которая состоит из сенсорно-аффективно-моторных следов архаических переживаний.

Таким образом, восприятие в действительности ощущений, вызываемых материальностью медиума, текучестью, перфорацией или разрывом материала, активизирует галлюцинаторный процесс у ребенка, и, соответственно, ребенок формирует свои собственные галлюцинации, ощущения в материале, связанные с предыдущими переживаниями, которые он связывает с ощущениями, данными медиумом. Галлюцинированное ощущение обретет форму в объекте-медиуме и, таким образом, станет изобразимым и трансформируемым: такова первичная символизация, концептуализированная Р. Руссийоном (2010) как отрыв от восприятия к представлению сенсорной вещи. Работа гибкого медиума в рамках психоаналитической психотерапии, опосредованной для психотических пациентов, позволит обновлять и развивать в динамике переноса³, на материале, на кадре, а также и на терапевтах, связь с первичным объектом и (повторно) создавать первичный нарциссизм в связи с объектом.

Реактуализация первичных связей с объектом в отношениях с гибким медиумом: от солипсистского нарциссизма к нарциссизму, связанному с объектом

В связи с реактуализацией галлюцинированных ощущений работа гибкого медиума с пациентами, взрослыми или детьми, способствует возникновению и формированию проторепрезентаций (*Pinol-Douriez*, 1984), которые относятся к следам первого переживания отношения к объекту, переживания чувственного и аффективного характера. Исследование первичных форм символизации позволяет принимать во внимание наиболее примитивные аспекты субъективного опыта при любом клиническом столкновении, но терапевтические медиации предлагают привилегированные рамки, способствующие возникновению этих первичных форм символизации, поскольку они смогут обрести форму в материале.

Таким образом, в устройствах терапевтического опосредствования в виде дофигуративных следов эти матричные элементы деятельности символизации, проторепрезентации (*Pinol-Douriez*, 1984), характеризуют терапевтические возможности, неразделимость тела, психики и мира или телесного пространства, психического пространства и внешнего

³ О трансферентном созвездии, действующем в системе терапевтических медиумов, см. Brun A. et al., 2013, p. 159–187.

пространства. Именно так П. Касториадис-Оланье (1975) определяет пиктограммы, также близкие к аутистическим формам, описанным Ф. Тастин (1984). Появление первичных форм символизации относится не только к регистру пиктограмм, но также часто и к формальным обозначениям, которые, согласно Д. Анзье (1987), составляют первый этап символизации пиктограмм. Это перечисление первичных форм символизации не является исчерпывающим, но настоящее размышление будет ограничено этими основными концепциями.

Анзье определяет формальное означающее как конфигурацию тела в муках трансформации, навязанной в форме галлюцинаторного опыта. Он настаивает на том, что формальное означающее – это не фантазия, а телесное впечатление, ощущение движения и трансформации, которое не предполагает различия между субъектом и внешним пространством и которое субъект ощущает как чуждое самому себе. Формальные означающие состоят из проприоцептивных, тактильных, синестетических, кинестетических, уравнивающих позу образов и не имеют отношения к органам чувств на расстоянии, зрению и слуху. Короче говоря, они относятся к проторепрезентациям пространства и состояний тела; они представляют собой конфигурации тела и объектов в пространстве, а также их движения. В конечном счете они представляют собой конверты и психические контейнеры. Проблема формальных означающих для Д. Анзье – это борьба за психическое выживание.

Например, в контексте графической медиации с психотическими или аутичными детьми это может быть чувство разрыва общей кожи в связи с отслаиванием пластифицированной краски или даже живое бесконечное скольжение по листу. Мы часто находим следующие формальные обозначения, которые соответствуют различным конфигурациям работы рисования с опорой на лист, выполняемой ребенком: «Он деформируется и разрушается / он разбавляется и стирается / поверхность плоских волн / он складывается и разворачивается / тело разжижается».

Как подчеркивает Д. Анзье, в то время как сценарий фантазии строится на модели предложения с подлежащим, глаголом, дополнением объекта, представляющим действие, происходящее в трехмерном пространстве, формальное означающее выражается словесной фразой, ограниченной субъектом и глаголом, причем действие происходит в двумерном пространстве, без зрителя. В формальном означающем, напротив, форма ощущается как чуждая, что подразумевает формулировку без человеческого субъекта. Работа клиницистов будет осуществляться именно с учетом появления этих первичных форм символизации, которые станут источником всей динамики символизации.

Я предлагаю показать, исходя из своего опыта графической медиации с детьми-психотиками, что последовательность формальных означающих в ходе терапевтической работы соответствует процессу структурирования первичного нарциссизма ребенка в связи с его воздействием на материю (подразумевается образная материя) и терапевтов: помните, что концепция гибкой среды означает для М. Милнера (1955) как материал,

так и терапевта, представляющих и репрезентирующих среду в ее материальности.

В начале создания диспозитива, опосредованного рисованием, с детьми, страдающими серьезными патологиями, изобразительный материал часто возникает из некоей каши – формы, кажется, не могут быть начерчены на вспомогательном листе, а действия детей могут уступать место следующим формальным обозначениям: «лист пересекается», или «жидкое тело течет», или «течет бесконечно», «тело разжижается» или «разжижается без конца», «жидкое тело взволновано» или «оно взволновано», «тело взрывается» или «взрывается», «деформируется и разрушается». Кроме того, вот несколько фигур «необратимости и разрушения формы». «Лижет, глотает», «рассеивается», «растворяется и исчезает», «растворяется», «тонет», «исчезает», «уходит и не возвращается». Также мы часто отмечаем следующие формальные означающие, которые соответствуют разным конфигурациям работы рисования с опорой на лист, выполняемой ребенком: «опора рушится», «дыра засасывает», «отрывается», «оторвано», «я / лист с дырками, оторван», «протыкает / жалит / нагнаивается». Некоторые из этих действующих формальных означающих могут подпадать под парадигму, предложенную Д. Анзье (1987): «Общая кожа сорвана». Все эти формальные означающие относятся к патологической адгезивной позиции, которая определяется в изобразительной медиации не-конструкцией фона в том смысле, что дети не представляют какой-либо дифференцированной формы на фоне. Для них действительно невозможно изобразить формы на нижней части листа, они могут порвать, перфорировать лист или бросить следы без возврата, согласно формулировке Ж. Хааг (1995). Что касается психической оболочки, то она не конституирована, ребенок не интегрировал чувство оболочки и в особенности первичную оболочку ритмической природы. Таким образом, обращение детей с листами краски свидетельствует о состояниях индивидуальной и групповой психических оболочек (Brun, 2014в).

Эта первая фаза, часто встречающаяся в терапевтической работе детей-психотиков с помощью иллюстрированной медиации, свидетельствует о солипсистском нарциссизме без референции или обратной связи, по выражению Ж. Хааг, с объектом. Мы увидим, что эволюция формальных означающих в ходе терапевтической работы будет соответствовать процессу создания фона в живописи психотических детей.

Для выявления логики возникновения и трансформации первичных форм символизации, другими словами, логики первичной символизации, я предложила (Brun, 2014б) гипотезу о формальной ассоциативной цепочке, действующей в рамках терапевтических опосредований, по существу состоящей из формальных означающих (Д. Анзье). Эта формальная ассоциативная цепочка действует для любого субъекта в рамках терапевтических медиаций, при индивидуальном или групповом управлении: это вопрос определения последовательности форм как в самих постановках, так и в формировании изобразительного материала, но также во всем сенсомоторном языке пациентов, сталкивающихся со средой.

Из эволюции сенсомоторной ассоциативности в индивидуальных или групповых устройствах изобразительной медиации с психотическими и аутичными детьми, относящейся к психоаналитической психотерапии, на самом деле представляется возможным идентифицировать некоторые характерные элементы формальных ассоциативных цепочек, в основном составленных психоаналитической психотерапией. В динамике мастерских индивидуальной или групповой терапии детей-психотиков и аутистов, находящихся в *патологической адгезивной позиции*, некоторые из действующих формальных означающих подпадают под парадигму «содрана общая кожа». Часто встречаются следующие формальные обозначения: «дыра засасывает» / «оторвана, оторвана» / «лист – это кожа с дырками, оторвана» и пиктограмма захвата.

Затем «основные состояния материи», которые часто подпадают под определение магмы, могут дать начало следующим формальным признакам: «она деформируется и разрушается» / «тело разжижается» или «оно бесконечно разжижается» / «деформируется и уничтожается», а также «тело взрывается».

Наконец, патологическая адгезивная позиция обычно соответствует необратимости и разрушению формы. Вот несколько примеров: «рассеивается» / «растворяется и исчезает» / «исчезает» / «уходит и не возвращается» или «безвозвратные следы» (Haag, 1995).

Таким образом, в патологической адгезивной позиции фон не создается в том смысле, что дети не представляют какой-либо дифференцированной формы на фоне. Им невозможно изобразить фигуры на нижней части листа, они могут порвать, проколоть лист без возможности восстановления. Психическая оболочка не образована, ребенок не интегрировал чувство оболочки, в особенности первую оболочку ритмической природы.

В позиции отрыва от основы формируется первичный фон с возможностью на этот раз игры между фигурой и фоном. Это сенсорно-аффективно-моторные формы, а не образные или репрезентативные формы. В этой позиции отделения от фона возникает фантазм телесной кожи, характеризующийся следующими формальными обозначениями: «дыра заблокирована» / «склеивается» / «плоская поверхность волн» / «опора сопротивляется».

Затем мы весьма заметно видим возможную трансформацию состояний материи, которая может быть выражена, например, следующим образом: «разница в цвете и текстуре» / «затвердевает» / «слипается», «слипается» / «соскальзывает».

Наконец, обратимость трансформации проявляется в различных формах: «прилипает и отрывается» / «складывается и разворачивается» / «появляется, исчезает и появляется снова». В игру вступает ритмический жест, например в форме ритмического удара или ритмической проекции, часто сопровождаемый формальным означающим «след, который уходит и возвращается».

В позиции фигуративности или рефлексивности появляются новые фигуры, которые часто больше не соответствуют формальным означающим, потому что мы больше не находимся в двухмерном пространстве

без субъекта, и появляются фантастические сценарии. Это фаза, которая определяется построением дифференцированной оболочки, формально означающей «выставленный предел» или «появление обрамляющей структуры», согласно формулировке А. Грина (1993, с. 282).

«Я» становится действующим лицом и субъектом трансформаций, и наконец появляются фантастические сценарии, изображаемые на листе и/или вербализованные. Отсюда появление репрезентативных форм с образным содержанием.

В общем смысле, в рамках терапевтических медиаций, относящихся к психоаналитической психотерапии, терапевтическая работа осуществляется не только из материальности медиатора, но и из динамики переноса. Форматирование медиума действительно вызовет телесные, визуальные, кинестетические, mimo-жесто-постуральные сообщения. Мы отмечаем, что если терапевты примут во внимание в качестве сообщений эти пиктограммы или формальные обозначения, воспринимаемые субъектом как чужеродные и неподходящие, их можно будет преобразовать в ходе терапевтической работы в реальные сообщения, субъектами которых будут дети. Такие сообщения могут быть адресованы другим, группе и терапевтам в процессе лечения, а также, при необходимости, и группе детей вне терапии.

Цель состоит в том, чтобы придать значимость сообщению переживания ребенка-психотика, в частности через разделение аффектов и наделение их общим смыслом, – процесс, который делает возможным преобразование ощущений в эмоции. Через сенсорность, моторику, движение терапевтический процесс состоит в формировании фигуры, ритма, сенсорных впечатлений, которые могут стать репрезентациями вещей, которые ребенок может усвоить в процессе рефлексии.

В конечном итоге терапевтическая работа, основанная на сенсорной медиации в рамках психоаналитической психотерапии, направлена на то, чтобы помочь ребенку эволюционировать от психотической проблематики солипсистского тела, со всемогущим нарциссизмом и инцестированием в теле сенсорных стереотипов, к телу, посылающему сообщения, с реляционным нарциссизмом, который был бы встроен в интересубъективность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Abraham K.* (1908), «Les différences psychosexuelles entre l'hystérie et la démence précoce», in *Œuvres complètes*, t. I, Paris, Payot, pp. 36–47
2. *Anzieu D.* (1987), «Les signifiants formels et le moi-peau», in *Anzieu D., Houzel D. et al., Les Enveloppes psychiques*, Paris, Dunod.
3. *Bleger J.* (1967), *Symbiose et Ambiguïté*, trad. fr., Paris, Puf, 1981.
4. *Brun A.* (2007), *Médiations thérapeutiques et psychose infantile*, Paris, Dunod, coll. «Psychismes», 1re éd. 2007, rééd. revue et augmentée 2010.
5. *Brun A., Chouvier B., Roussillon R.* (2013), *Manuel des médiations thérapeutiques*, Paris, Dunod.

6. Brun A. (2014a), «Médiations thérapeutiques et autismes», in Amy D., Autismes et Psychanalyse, Ramonville-Saint-Agne, Érès, pp. 449–476.
7. Brun A. (2014b), «Médiations thérapeutiques et associativité formelle dans les dispositifs pour enfants avec troubles envahissants du développement», La Psychiatrie de l'enfant, vol. 54, à paraître en novembre 2014.
8. Castoriadis-Aulagnier P. (1975), La Violence de l'interprétation, Paris, Puf.
9. Donnet J.-L. (2007), «Entre l'agir et la parole», in Revue française de psychanalyse, vol. 71, 5, pp. 1567–1577.
10. Freud S. (1911), «Psychoanalytische Bemerkungen über einen Autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia», GW, vol. 13, pp. 239–316; trad. fr. «Remarques psychanalytiques sur l'autobiographie d'un cas de paranoïa. Le Président Schreber», in Cinq psychanalyses, Paris, Puf, 1954.
11. Freud S. (1914), «Zur Einführung des Narzissmus», GW, vol. X, pp. 137–170; trad. fr. «Pour introduire le narcissisme», in La Vie sexuelle, Paris, Puf, 1985, pp. 81–105.
12. Freud S. (1915a). «Triebe und Tribschicksale», GW, vol. X, pp. 210–232; trad. fr., «Pulsions et destins des pulsions», OCFP, vol. 13, pp. 163–187, Paris, Puf, 1988
13. Freud S. (1915b). «Das Unbewusste», GW, vol. X, pp. 263–303; trad. fr., J. Altounian, A. Bourguignon, P. Cotet, A. Rauzy, «L'inconscient», in OCFP, vol. 13, pp. 205–244, Paris, Puf, 1988.
14. Freud S. (1915–1917), «Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse», GW, vol. 11; trad. fr., «Leçons d'introduction à la psychanalyse», in OCFP, vol. 14, Paris, Puf, 2000.
15. Gergely G., Koofs O., Watson J. S. (1999), «Perception causale et rôle des comportements imitatifs des parents dans le développement socio-émotionnel précoce», in Nadel J. & Decety J. (dir.), Imiter pour découvrir l'humain, Paris, Puf.
16. Green A. (1993), Le Travail du négatif, Paris, Éditions de Minuit.
17. Haag G. (1995), «La constitution du fond dans l'expression plastique en psychanalyse de l'enfant. Sa signification dans la constitution de la psyché», in De Cobert S., Sacco F. et coll., Le Dessin dans le travail psychanalytique avec l'enfant, Ramonville-Saint-Agne, Érès, pp. 63–87.
18. Milner M. (1955). «Le rôle de l'illusion dans la formation du symbole», tr. fr., Revue française de psychanalyse, 1979, nos 5–6, repris in Chouvier B. (dir.), Matière à symbolisation, art, création et psychanalyse, Paris, Delachaux et Niestlé, 1998, pp. 28–59.
19. Ovide, Métamorphoses, Livre troisième.
20. Pinol-Douriez M. (1984), Bébé agi, bébé actif, Paris, Puf.
21. Roussillon R. (1991), Paradoxes et situations limites de la psychanalyse, Paris, Puf.
22. Roussillon R. (2010), «La pulsion et l'intersubjectivité. Vers l'entre-je(u)», in Golse B. & Roussillon R., La Naissance de l'objet, Paris, Puf, pp. 93–116.
23. Roussillon R. (2011), «Déconstruction du narcissisme primaire», Année psychanalytique internationale, n° 9.
24. Stern D. (1985), Le Monde interpersonnel du nourrisson, trad. fr., Paris, Puf, 1989.

25. Tustin F. (1984), Les états autistiques chez l'enfant, trad. fr., Paris, Le Seuil, 1986.
26. Winnicott D. W. (1971), Jeu et Réalité, L'espace potentiel, trad. fr. C. Monod & J.-B. Pontalis, Paris, Gallimard, coll. «Connaissance de l'inconscient», 1975.

Mirrors of Narcissism: Clinical Manifestations of Psychosis

Anne Brun

(Translated from French by Larisa Zakharova)

Anne Brun, psychoanalyst, professor of clinical psychology and psychopathology, director of the Center for Research in Psychopathology and Clinical Psychology at the University of Lyon (Université Lyon 2). Member of the Paris Psychoanalytic Society (SPP).

Freud's growing interest to the treatment of psychosis partly motivated the introduction in 1914 of the concept of narcissism. This article proposes to define the contribution of this question of narcissism in the clinic of psychosis from a dual point of view, metapsychological and therapeutic. The evolution of the concept of primary narcissism in the history of psychoanalysis will be considered in the light of Winnicott and the contributions of modern psychoanalysts to the study of primary forms of symbolization. Freud emphasized that the importance of narcissism constituted an obstacle to the therapeutic dimension of psychoanalysis and announced the modification of conventional treatments for these pathologies of narcissism and psychoanalysis in particular. From this point of view, the main thread of clinical research will be the role played by the call to the sensorimotor and body registers in the psychoanalytic psychotherapy of psychoses based on therapeutic mediation.

Keywords: therapeutic mediation, primary narcissism, psychosis, sensory, primary symbolization.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Нейтральность в психоанализе

Г. С. Минаева

Минаева Галина Сергеевна – нейропсихиатр, психотерапевт, психосоматик, кандидат Международной психоаналитической ассоциации (IPA), кандидат Парижской психоаналитической ассоциации (SPP), преподаватель и супервизор кафедры психоанализа НИУ ВШЭ.

Если открыть любое учебное пособие по психоанализу, будь оно на французском или на других иностранных языках, то в разделе «психоаналитическая техника» обязательно будут следующие моменты.

Основное правило психоанализа – говорить все, что приходит на ум, ничего не сортируя и не отвергая по какой бы то ни было причине. В него включены основные следующие принципы, лежащие в основе психических изменений: а) восстановление связи между двумя отделенными друг от друга элементами; б) обнаружение ранее не осознаваемых причинно-следственных связей.

Другие элементы психоаналитической техники, параллельно реализуемые с основным правилом, включают следующие принципы:

- нейтральность психоаналитика, речь о которой пойдет в данной статье;*
- оплата за сеансы – возвращает психоаналитическому лечению смысл «услуги», в современном смысле этого слова. Такой необходимый противовес, как символический, так и реальный, возвращает все предметы и элементы на свои места, которые были бы связаны по самому своему качеству и интенсивности;*
- всегда одинаковая продолжительность сеансов – помогает избежать каких-либо предложений со стороны пациента, чтобы ограничить его от каких-либо положительных или отрицательных преднамеренностей: продление, сокращение или аннулирование сеансов. Когда же мы читаем главы о контрпереносе и о переносе, то обязательно встретим ссылку на нейтральность аналитика.*

Так что же такое нейтралитет? Какая разница между понятиями «нейтральность», «нейтральный», «нейтралитет»? Какие характеристики?

Ключевые слова: психоанализ, психоаналитически ориентированная психотерапия, психотерапия, техника психоанализа, перенос, контрперенос, кадр, трансфер, нейтралитет, нейтральность.

Определение

В первую очередь Жан Лапланш и Жан-Бертран Понталис выделяют, что нейтральность касается религиозных, моральных и социальных ценностей. То есть на первом месте в процессе психоаналитического лечения должен быть постулат: «аналитик не руководит лечением на основе каких-либо идеалов и воздерживается от каких-либо советов». Когда мы говорим о психоанализе, то речь идет о разворачивании психоаналитического спонтанного дискурса под знаком свободных ассоциаций и высвобождении бессознательных психических процессов как анализанта, так и аналитика. Психоаналитик нейтрален в том смысле, что он здесь не для того, чтобы заниматься коучингом, гипнозом или любым другим видом терапии, что его молчание и возможные интерпретации предназначены для облегчения и продолжения аналитической ситуации. Иногда пациенты сопротивляются предложению основного правила свободных ассоциаций, ища советов или инструкции по его использованию, но большинство из них ощущают это отстраненное присутствие психоаналитика как прием, который удивительно и приятно контрастирует с обычным стремлением близких дать совет, дать рекомендации и т. д.

Аналитик нейтрален в том смысле, что «не пытается войти в игру пациента». Он наблюдает за процессами переноса и контрпереноса и работает согласно психоаналитической технике в этих вопросах.

Аналитик нейтрален к речи анализируемого, то есть «не отдает априорного предпочтения, в силу тех или иных теоретических предрассудков, тому или иному фрагменту или типу значений». Таким образом психоаналитик не предлагает свои слова, метафоры в ответ на ассоциации анализанта.

Безразличие и нейтральность

Фрейд в работе «Замечания о любви в ситуации переноса» (*Freud, 1915*) впервые использует слово *d'Indifferenz*, чтобы охарактеризовать то, что должно происходить в размышлениях аналитика в ответ на эротический перенос: «Отвергая свой контрперенос, психоаналитик не должен отказываться от безразличия, которое он приобрел».

В переводе с немецкого на русский язык *d'Indifferenz* означает: 1) безразличие; 2) индифферентность; 3) нейтральность.

Джеймс Стрэчи перевел *d'Indifferenz* (нем.) как *neutrality* (англ.). В дальнейшем в психоаналитическом сообществе мнение аналитиков остановилось на термине «нейтральность». Почему?

Существуют различия между нейтральностью и безразличием.

3. Фрейд понимает *d'Indifferenz* в смысле «невозмутимый» или, как говорится в физике, – вещь, над которой в том или ином смысле не действует никакая сила, способная изменить ее состояние. У аналитика этой вещью является его интрасубъективность.

3. Фрейд говорит об искушении проявить к увлеченной пациентке определенную нежность – привязанность, сострадание, сочувствие.

Так аналитик выражает свое желание смягчить разочарование анализантки и утешить ее. Чрезмерная человечность этого искушения проливает свет на то, что относится к *d'Indifferenz*. Фрейд мог бы сослаться на вину психоаналитика, но он только подчеркивает, что «никогда не знаешь, как далеко может завести тебя нежность». 3. Фрейд утверждает, что существует прямая связь между неуязвимостью аналитика и его способностью «передавать свое аналитическое содержимое процессу». Кроме того, следует отметить, что *d'Indifferenz* преподносится как приобретенная целостность и результат мастерства аналитика. *D'Indifferenz* сдерживает противоположный взгляду анализанта взгляд психоаналитика в ответ на рассказы анализанта.

Фрейд пишет: «Мы остерегаемся уклоняться от эротического переноса, пугаться его или вызвать отвращение у пациентки; мы с таким же постоянством воздерживаемся от любых ответов на него. Мы поддерживаем перенос любви, но относимся к нему как к чему-то нереальному, как к ситуации, через которую нужно пройти в ходе лечения, которую нужно вернуть к ее бессознательному происхождению и которая обязательно поможет тому, что наиболее скрыто в любовной жизни больного, получить доступ к сознанию и, таким образом, овладеть им. Пациентка, чье сексуальное подавление все же не подавляется, а лишь отодвигается на задний план, тогда почувствует себя в достаточной безопасности, чтобы выявить все условия любви, все фантазии ее сексуального желания, все особые черты ее состояния любви, из чего она сама откроет путь к детским основам своей любви».

Вот это то, что Фрейд описывал термином *d'Indifferenz*.

Если обратиться к разъяснению терминов «нейтральный» и «безразличный» в толковом русском словаре С. И. Ожегова, то мы найдем следующие определения:

НЕЙТРАЛЬНЫЙ, -ая, -ое; -лен, -льна. 1. Не примыкающий ни к одной из борющихся сторон, стоящий в стороне. Нейтральные государства. Нейтральная позиция. 2. Одинаково относящийся ко всем, никого не затрагивающий. Нейтральный наблюдатель. Нейтральная тема. 3. Не дающий ни щелочной, ни кислотной реакции (спец.). Н. раствор. 4. Не оказывающий ни вредного, ни полезного действия. Нейтральные вещества. 5. В некоторых сочетаниях: такой, где по соглашению не должны вестись военные действия, располагаться военные силы. Нейтральная зона, полоса. Нейтральные воды*. Нейтральная частица (спец.) – не имеющая электрического заряда, II сущ. нейтральность, -и, ж.

БЕЗРАЗЛИЧНЫЙ, -ая, -ое; -чен, -чна. 1. Равнодушный, безучастный. Б. взгляд. 2. Не имеющий существенного значения, не представляющий интереса. Все стало безразличным кому-н. Безразлично (в знач. сказ.), придет он или нет. Безразлично кто (все равно кто). Безразлично где (все равно где). II сущ. безразличность, -и, ж. (ко 2 знач.).

Очевидно, что термин «нейтральный» лучше соответствует фрейдовской описанной выше позиции аналитика, чем термин «безразличие».

Здесь еще отметим, что в толковом словаре Даля можно найти следующее: «нейтралитет, нейтральность – см. нейтральный». Из этого

следует что нейтралитет, нейтральность и нейтральный – это синонимы, которые на французский язык переводятся как *neutralité*, на английский язык – *neutrality*, на немецкий язык – *neutralität*.

В психоаналитической динамике, как только принцип переноса полностью реализуется, становится ясно, что возвращение переноса каким-то образом зависит от программы, что ненависть сменяет любовь, а любовь сменяет ненависть. Контрперенос при эротическом переносе может ощущаться анализантами как приятный, так и неприятный: таким образом, то описанное Фрейдом «искушение» аналитика может заключаться в том, чтобы поддаться или оттолкнуть его. Жан-Люк Доне отмечает: «Поскольку аналитический процесс включает в себя эти изменения в переносе и субъективный регистр встречных запросов на перенос, "нейтральный" как термин, благодаря двусмысленности его смысла, лучше подходит для его использования. Он (нейтральный) означает отказ от обязательств, который предусматривает неизбежные повороты переносного процесса, но сам по себе он признает невозможность его отказа от обязательств и неизбежность участия аналитика в сценарии переноса» (*Donnet*, 2007, 2018). Таким образом, можно сделать вывод, что термин «нейтралитет» легче вписывается в длительную колеблющуюся психоаналитическую динамику. Термин «безразличие» в основном относится к такому процессу как сопротивление, а термин «нейтралитет» лучше всего относится к необходимой реактуализации пережитого опыта. В конечном счете термин «нейтральный» не обходится без упоминания «нейтрального пола», обозначающего психоаналитика как несексуального, бесполого, тем более поддерживающего гендерную идентичность различных имаго, опорой которых он становится.

Характеристики нейтральности

1. Нейтральность как фасад.

Это качество профессионального подхода, которое состоит из мимического, жестового, словесного поведения, а также сдержанного поведения, включающего контроль и постоянство во время сеанса. Этот внешний вид защищает психическую жизнь аналитика. Фасад косвенно указывает пациенту на то, что практикующий врач придерживается профессионального отношения. То, как пациент это воспринимает и инвестирует, обуславливает анализируемость переноса. Это служит основой для продолжения процесса в те моменты, когда пограничные ситуации (*Roussillon*, 2005) ставят под сомнение кадр и целостность системы. Нейтральность скромно понимается как простая позиция ожидания, незнания, предлагаемая пациенту в том же качестве, что и основное правило, правило свободных ассоциаций.

2. Нейтральность как кадр.

Нейтральность цвета стен кабинета аналитика, один и тот же час, равная продолжительность сеансов усиливают стирание восприятия анализанта, потерю из виду устройства «диван-кресло»; отсюда и идея,

что кадр может таким образом совпадать с чистой проекцией воображаемого переноса и аналитик достигнет своего рода обезличивания.

3. Нейтральность как экран.

В рамках этой функции нейтралитет проявляется как экран. Действительно, нейтральность встает между пациентом и аналитиком: с одной стороны, она защищает конфиденциальность аналитика; с другой стороны, она защищает пациента от некоторых рисков, которым он подвергается в соответствии с основополагающими правилами. Эта функция полупроницаемой перегородки вписывается в важную асимметрию психоаналитической ситуации.

Вопреки тому, что можно было бы подумать, она совсем не противоречит таким интрапсихическим феноменам осмоса, как химера де М'Юзана. Особенно не следует путать ее с разрушением перегородки, которая представляет собой профессиональное отношение, описанное Винникоттом, что она повторяет слабость первичной среды и в конечном итоге может оказаться интегрируемой.

Особенность нейтралитета проявляется в игре между своим внешним и внутренним, между тем, чтобы казаться и быть. Во время «хорошо темперированного дивана» между двумя полюсами нет напряжения. Разница между двумя полюсами становится заметной в трудные переносные моменты, особенно когда возникает проблема с кадром. Аналитик, балансируя между «плохим» и «хорошим», становится хорошей фигурой, и таким образом его нейтралитет становится маской.

Именно в регистре контрпереноса наиболее интересна напряженность между двумя сторонами нейтралитета. Контрпереносное движение не возникает мгновенно, а требует времени; это время соответствует временному пространству, разделяющему внутреннюю «нарушенную» сторону и «сохраненную» внешнюю сторону. Но, помимо определенного предела, когда контрпереносное движение не могло привести к выполнению этой функции, оно по-разному влияет на фасадный нейтралитет: либо аналитик переходит к режиму, который не всегда является неприятным, либо даже в лоне одной из интервенций его высказывание выдает влияние контрпереноса. Таким образом, именно контрперенос является решающей задачей нейтралитета.

4. Нейтральность как интимный мир аналитика, его интрасубъективность.

Нейтралитет возникает между пациентом и аналитиком, но, можно сказать, он возникает между аналитиком и самим собой. Исходя из этого, нейтралитет проявляется как внутреннее расположение аналитика: он априори позволяет ему беспристрастно воспринимать сообщения, исходящие от пациента, независимо от того, были ли они для него намеком на удовольствие или недовольство в ответ на сообщения, исходящие из его собственной психики. Итак, нейтралитет дополняет принцип слушания аналитика.

Таким образом, нейтральность представляется частью внутренней структуры психоаналитика: она подразумевает, что принимающая поверхность сообщений, поступающих как извне, так и изнутри, присоединяется

к защитному психическому слою, приобретенному в результате обучения и поддерживающему преобразования в процессе совершенствования техники. Именно в этом месте может произойти конкретный патологический побочный шаг, с помощью которого аналитик отрывается от объекта переноса, не отвергая его; можно вызвать движение упрощения, ведущее к повторному упрощению на другом уровне на сцене переноса и контрпереноса. Его обучение и, в частности, его личный анализ, в принципе, позволяют аналитику не только идентифицировать себя с перенесенными переживаниями пациента и остро воспринимать свой собственный контрпереносный опыт, включая отклонения от его бессознательно-го, но приобрести (Фрейд) некоторую иммунизацию против «различных соблазнов», которые вызывает ситуация. Нейтралитет, по-видимому, подразумевает определенную способность к безразличию. Его реализация основана на методологической убежденности аналитика, которая связывает его с другими аналитиками, институтом, аналитическим идеалом, Фрейдом. Во многих случаях идентификация психоаналитика с его функцией может временно повлиять на сверхспособность.

Пренебрежительное отношение может вызвать поднятие щитов. Если смотреть снаружи, фасад нейтралитета, по-видимому, относится к проблематике кадра; если смотреть изнутри, близость нейтралитета относится к субъективной проблематике контрпереноса. Нейтралитет соединяет и разъединяет эти два неразрывных полюса, запускающих и поддерживающий аналитический процесс.

Если необходимо сохранить более или менее виртуальный разрыв между двумя сторонами нейтралитета, то его так же невозможно свести к одному отношению, как и растворить в проблеме контрпереноса. Фактически обе стороны нейтралитета отражают неоднозначность статуса психоаналитика: аналитическая функция не может не включать субъекта, поддерживающего его, но эта импликация должна ограничиваться тем, чего требует функция.

Клинический пример нейтральности в психоанализе

Вашему вниманию представляется случай доктора М. Гента, который был им озвучен на симпозиуме по вопросам нейтралитета в Лозанне в мае 2006 года.

«Во время анализа Люси смогла позволить своему истинному Я вырасти, отказавшись от оборонительного щита сильной женщины, которую она когда-то демонстрировала, отождествляя себя со своим братом-близнецом, которым так восхищались в семье за успехи в учебе и спортивные достижения.

Однажды она очень расстроилась за то, что я опоздал на сеанс; она яростно напала на меня и указала на то, насколько я ничтожный, и подчеркнула, что как только она начинает поправляться, я снова начинаю разыгрывать ее! После недолгого молчания она добавила, что, безусловно, аналитик ее друга, аналитик, с которым она до лечения со мной проходила несколько встреч, намного лучше меня: "Он никогда не заставляет

своих пациентов ждать, он очень точен в расписании. Мы звоним ему домой и заходим прямо в его кабинет!" Я удивился, узнав, что друг моей пациентки только что провел анализ с коллегой, которого я лично знаю и уважаю.

Я уже извинился за свою задержку в начале сессии и предложил продлить ее на время, необходимое для ее восстановления. Потом я снова вмешался, говоря, что, безусловно, должен сам соблюдать рамки и приходить вовремя и что в то же время мы можем задаться вопросом: почему эта задержка с моей стороны так сильно влияет на вас и с чем в вашем прошлом мы могли бы связать то, что влияет на вас в настоящем? Люси остается злой и даже оставляет меня в ярости.

На следующем сеансе я чувствую, что она очень обеспокоена. Она сухо говорит: "Я вспоминала ваши высказывания в прошлый раз и заметила, что между строк вы недвусмысленно повторяли, что вы хороший аналитик, по крайней мере дважды, после того как я рассказала вам об аналитике моего друга... это заставило меня подумать, что у вас есть проблема". Я воспринимаю это замечание от нее как психоаналитическую интерпретацию, с чувством, аналогичным тому, которое я мог испытывать во время своего индивидуального анализа. У меня на мгновение возникает недоумение, а затем я просто говорю: "Вы правы, вы затронули мою проблему..."

Мы какое-то время молчим, она внезапно кажется расслабленной и сосредоточенной на отношениях со своей матерью, способ работы которой в ее повествовании может напомнить о "нарциссическом извращении", описанном Полем-Клодом Ракамье. Объект нарциссически инвестируется субъектом и в то же время получает сообщение о том, что это для его же блага.

Она говорит о том, что именно ее мать никогда не допускала, что проблема может быть в ней. Особенно ее мать не могла признать, что удушающее внимание, с которым она ухаживала за ней, было связано с ее собственным беспокойством о том, чтобы позволить ей расти, а не ради ее блага, как она ей утверждала.

Люси, воспринимая бессознательное защитное движение с моей стороны, дает мне интерпретацию, актуальность которой я подтверждаю, что успокаивает ее и позволяет ей одновременно дать себе интерпретацию ее повторяющихся поисков надежного объекта, который, признавая также ее собственные недостатки, помогает ей подчиниться».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лаплани Ж., Понталис Ж. Б.* (2010). Словарь по психоанализу / Пер. с фр. и предисл. Н. С. Автономовой. 2-е изд., доп.
2. *Ожегов С. И.* (1990). Словарь русского языка / С. И. Ожегов. М.: Русский язык.
3. *Angelergues J.* (1999). Neutralité bienveillante» et passivité, RFP, t. LXIII, numéro spécial Congrès.
4. *Chabert C.* (1999). Les voies intérieures, RFP, t.

5. *Dispaux M. F.* (2007). La neutralité à l'épreuve de la clinique au quotidien. *Revue française de psychanalyse*, 71(3), 669–685.
6. *Donnet J. L.* (2007). La neutralité et l'écart sujet-fonction. *Revue française de psychanalyse*, 71(3), 747–762.
7. *Donnet J. L.* (2018). *La situation analysante*. Presses universitaires de France.
8. *Fain M.* (1971). Prélude à la vie fantasmatique. *Revue française de psychanalyse*, 35(2–3), 291–364.
9. *Freud S.* (1912). Conseils aux médecins dans le traitement psychanalytique, OCF
10. *Freud S.* (2013). Remarques sur l'amour de transfert. *Quadrige*, 129–141.
11. *Freud S.* (1915). Observations sur l'amour de transfert. *La technique psychanalytique*, 116–130.
12. *Godfrind J.* (1992). La neutralité, de l'illusion à la nécessité, RFP, t.
13. *Green A.* (1979). Le silence du psychanalyste [The analyst's silence]. *La folie privée: psychanalyse des cas-limites*, 365–400.
14. *Green A.* (1999). Passivité-passivation: jouissance et détresse, RFP, t.
15. *Israël P.* (1999). L'identité brouillée du psychanalyste, RFP, t.
16. *Jung-Rozenfarb M.* (2007). L'état d'indifférence: un pis-aller de la neutralité?. *Revue française de psychanalyse*, 71(3), 687–700.
17. *Jung-Rozenfarb M.* (2009). Entre neutralité et abstinence: l'objection faite par le cadre. *Bulletin de la Société Psychanalytique de Paris*, 135–150.
18. *Landa E.* (2013). La neutralité de l'analyste à l'épreuve de la différence. *Le Coq-heron*, (3), 79–90.
19. *Pasche F.* (1983). L'imgo zéro, une relation de non-dialogue, RFP, t.
20. *Pasche F.* (1999). Du Surmoi ambivalent au Surmoi impersonnel. *Le passé recompos*, 59–76.
21. *Roussillon R.* (2005). La conversation psychanalytique: un divan en latence, RFP, t.

Neutrality in psychoanalysis

G. S. Minaeva

Minaeva Galina Sergeevna, neuropsychiatrist, psychotherapist, psychosomatic, candidate of the International Psychoanalytic Association (IPA), candidate of the Paris Psychoanalytic Association (SPP), lecturer and supervisor of the Department of Psychoanalysis of the HSE.

If you open any textbook on psychoanalysis, whether in French or in other foreign languages, then the psychoanalytic technique section will necessarily have the following items:

The basic rule of psychoanalysis is to say whatever comes to mind, without sorting or rejecting anything for whatever reason. It includes the following basic principles underlying mental changes:

a) restoration of the connection between two elements separated from each other; b) detection of previously unconscious cause-and-effect relationships.

Other elements of psychoanalytic technique, implemented in parallel with the basic rule, include the following principles:

The neutrality of the psychoanalyst, which will be discussed in this article.

Payment for sessions – returns the meaning of "service" to psychoanalytic treatment, in the modern sense of the word. Such a necessary counterweight, both symbolic and real, returns all objects and elements to their places, which would be connected by their very quality and intensity. Always the same duration of sessions – helps to avoid any pretexts on the part of the patient to limit him from any positive or negative premeditation: prolongation, reduction or cancellation of sessions.

When we read the chapters on countertransference and on transference, we will definitely find a reference to the analyst's neutrality.

So what is neutrality? What is the difference between neutrality, neutral, neutrality? What are the characteristics?

Keywords: psychoanalysis, psychoanalytically oriented psychotherapy, psychotherapy, psychoanalysis technique, transference, countertransference, setting, transfer, neutrality.

Загадка сублимации (Часть 1)

М. А. Чершинцева

Чершинцева Мария Александровна – кандидат культурологии, магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психотерапевт, ассоциированный член Московской психоаналитической ассоциации (МПА), заместитель главного редактора Журнала клинического и прикладного психоанализа, супервизор магистерской программы «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» (НИУ ВШЭ).

Сублимация, одна из четырех судеб влечений (по З. Фрейду), представляет собой, как известно, процесс трансформации либидо и перенаправления его на новую, не сексуальную, а социально приемлемую, социально значимую цель. В этом смысле сублимация функционирует и как психологическая защита. Описывая сублимацию сначала в контексте примыкания частичных влечений, а затем – в контексте нарциссической проблематики («случай» Леонардо), З. Фрейд оставляет возможность для дальнейшего исследования превращения либидо, отмечая, что однажды психоанализ, вероятно, сможет объяснить этот процесс так же подробно, как было изучено вытеснение. До той же поры особая предрасположенность к художественному творчеству, страсть к научному исследованию и плодотворное стремление к высоким этическим идеалам остается загадкой с парадоксальным свойством: ясности психической механики, экономики сублимации и туманности ее причин и целей. В этой статье, не претендуя на нахождение всех ответов, мы попытаемся разыскать «корневую систему» сублимации не как термина, но как «флюида», кочующего из одной среды в другую и приживающегося в самых различных областях человеческого знания и делания. Может быть, загадка просто необходима сублимации, как сну – «пупок» (центр, «пуповина»)? В первой части статьи речь пойдет о генезисе понятия «сублимация» в психоанализе и о формах сублимации в иных средах: мифологической, философской, культуральной. Таким образом мы проследим витиеватую филогенетическую линию происхождения сублимации как психического феномена.

Ключевые слова: сублимация, психоанализ, судьба влечений, влечение к жизни, влечение к смерти, частичные влечения, нарциссический разворот, либидо, Эрос, первофантазм, архаическая первосцена, фантазм о самопорождении, З. Фрейд, А. Грин.

I. «Древо» сублимации: происхождение и значения

Sublimo («возношу»)

Большим преувеличением было бы сказать, что, несмотря на частое использование и популярность этого термина, мы точно знаем, что представляет собой сублимация. Обозначаемая как одна из высших психологических защит, она очевидно не вмещается в функцию защиты, становясь одной из судеб влечений (наряду с вытеснением) у Фрейда. Организованную как довольно сложный процесс, ее вполне можно назвать работой – работой сублимации.

История этого слова (точнее, того, что под ним подразумевали в разные времена) долгая и таинственная в самом важном аспекте – в его значении. Существовавшую и существующую в самых разных областях человеческого знания, попытаться понять сублимацию, взглянув на нее объемно, можно с определенной высоты – символической высоты, разрешающей самым отдаленным аналогиям найти связи и их интуитивный смысл; т.е. чтобы понять, нужно на какое-то время оказаться без твердой (рациональной) почвы под ногами и позволить себе свободный полет туда, куда сублимация легко «возносит», ничего не «объясняя».

Происхождение любого слова – «корневая система», объединяющая не только внутри-, но и межкультурные пересечения разнообразных значений (заимствований, трансформаций, ассоциаций), иной раз показывающая особую преемственность – примат «духа над буквой», т. е. смысла над фонемой. Потому помимо лингвистических, можно задуматься и о символических, как будто невидимых корнях слова, обозначающего что-то большее, призванного вывести за пределы своего формального значения. Миграция термина «сублимация» в этом смысле показательна: выйдя из криптологического языка алхимиков (сконструированного скорее, чтобы усложнить, спрятать, а не упростить путь к пониманию), оно легко укореняется в строго научном языке (сублимация – переход из кристаллического состояния вещества в газообразное, минуя стадию плавления) и в психоаналитическом, кочуя дальше – в философский дискурс, общепсихологический и научно-популярный. Глядя на то, как сублимация «приживается» в различных средах, можно сказать, что она поистине «летуча» и необычайно жизнеспособна.

Однако это только видимая часть истории, поскольку алхимики подарили нам лишь «букву» (термин), за которой прячется суть – сам процесс. Древо значений разрастается, а корни остаются не видны. Однако их расположение можно угадать, сместившись от фиксации слова к континуальности процесса. Сублимация – с одной стороны, одна из множества стадий т. н. алхимического «Великого Делания», но с другой – метафора всего «Делания» целиком. Локальный, дискретный процесс, обозначающий процесс как таковой в его обобщающем, символическом смысле. Почему так?

Даже в описательном, естественнонаучном своем значении сублимация содержит в себе маленькое чудо – пропущенный ход, вырезанный

кадр, скачок из начальной фазы (например, кристаллической) в конечную (газообразную), минуя необходимое промежуточное, среднее состояние. Классические примеры сублимации и десублимации весьма поэтичны: это наблюдаемые в ночном небе кометы и ранний зимний иней на листе. В первом случае лед небесного тела при приближении к Солнцу мгновенно обращается в газ – он не тает, а «возгоняется», даря комете тот самый великолепный хвост. Во втором – туман оседает на землю, не конденсируясь, а кристаллизируясь (и лишь после солнца своим теплом может восполнить пропущенную стадию, согревая лед и высвобождая воду, поблескивающие на листе капли). Каждый раз мы представляем себе три фазы, вторая из которых оказывается просто пропущена. Куда она делась и что это значит для нас символически? Процесс скрывает в себе таинственный монтаж.

Можно представить, что именно эта тайна пропущенного хода, этот след необъяснимого, будто волшебного вмешательства (происходящего как в небесах, так и на земле), заморозил алхимиков (а вслед за ними – и психоаналитиков), равно как и людей древности – в частности, египтян. Благодаря подробным антропологическим исследованиям мы можем видеть большое число символических заимствований и связей между культурами древности и европейской (в широком смысле). И если говорить о сублимации, как представляет нам ее алхимическая символика, как части некоего трансформационного процесса, то ритуальный прообраз его мы найдем в египетской традиции посмертного путешествия – «выхода в свет дня», т. е. смерти и возрождения в новом мире. Так каждая из стадий «Делания»¹ окажется ассоциативно соотнесена с этапами мумификации,

¹ Мы можем представить 12 основных алхимических процессов (но не стадий «Делания», их число варьируется от одного текста к другому) как некую метафору «превращения», соотносимую также с 12 часами ночного (загробного) путешествия ночной ладьи в Дуате.

1. Разложение путем окисления/прокаливания.
2. Модификация через застывание/коагуляцию.
3. Модификация через фиксацию.
4. Соединение (союз) через растворение.
5. Разложение путем пищеварения/прогревания.
6. Разделение путем сепарации/дистилляции.
7. Разделение путем сублимации/возгонки.
8. Разделение путем фильтрации.
9. Модификация через размягчение (воскообразное состояние).
10. Разложение путем ферментации/путрефакции.
11. Соединение (союз) через умножение.
12. Соединение (союз) через проекции/проецирование.

К основным алхимическим процессам и понятиям относятся: притяжение, отталкивание, движение, тепло, возгонка, испарение, высушивание, сгущение, осаждение, закрепление. Алхимическая модель мира такова: универсальный огонь (дух) управляет материей и проявляет себя через творение. Человек, способный понять этот принцип и правильно воспользоваться им на практике, становится, в понимании алхимиков, «истинным философом».

чтения священных текстов (помогающих усопшему в сложном и захватывающем путешествии в ночной ладье сквозь Дуат) и высвобождения иного «тела» (сакрального, символического²) для жизни рядом с богами³. Пространством для сублимации в этом случае будет саркофаг, а местом – тело⁴. Сублимации как «превращению» будет равен весь ритуал целиком, а сублимации как наиболее важному этапу этого пути – момент химической и сакральной трансформации мумии (неподвижно лежащей внутри саркофага) и одновременно «тела» (уже стремящегося к благодатным полям Иалу и к «своему месту», дому в мире богов).

Понимая древнюю и более позднюю алхимическую символику как метафору психологических процессов, мы найдем и место сублимации. Она относится к процессу разделения, наряду с дистилляцией (сепарацией) и фильтрацией. Однако это разделение – особенное, как если бы в процессе игры в шахматы одна из фигур могла не только перемещаться по доске (последовательно «сепарируясь») или быть взятой и отставленной в сторону («отфильтрованной»), но вдруг попасть на совершенно другую шахматную доску для продолжения игры там. Именно такого рода «фокус» сублимация делает с либидо. В этом смысле, ассоциативно забегаю немного вперед, дистилляцию (сепарацию) мы можем предварительно связать с превращением агрессии (освобождение влечений смерти ввиду

² То есть «тела Осириса», поскольку символически мумификация синонимична мифу о смерти и возрождении Осириса, убитого и расчлененного Сетхом (его братом), а после собранного из разбросанных по Египту частей тела и воскрешенного (чтобы стать царем Дуата) Исидой (его женой). Собираение, «сращивание» частей тела для воскрешения в новой жизни (и в новом качестве) – магический центр египетского ритуала.

³ Подробнее об этом можно прочесть в трудах египтолога Элисон Робертс (*A. Roberts*, 2000; 2019) – в частности, в главе 5 книги «*My heart, My mother*», посвященной подробному сравнению стадий алхимического «Делания» и египетского ритуала.

⁴ Тело во всех составляющих его частях, а точнее было бы сказать – «инстанциях», поскольку в египетской традиции не было более привычного нам, унаследованного из иудеохристианской символики деления на «тело» и «душу», но само «тело» представляло собой многоуровневый «сплав», трансформирующийся к тому же в процессе мумификации и посмертных превращений, состоящий из: Ка («двойник»), Ба (жизненная сущность), Ах («сияющий» – соединившиеся в посмертии для новой жизни Ка и Ба), Хат (физическое тело, сохраняемое мумификацией до его превращения в Сах), Сах («священные остатки» физического тела после погребальных обрядов, лотос, произрастающий из Хат), Иб (сердце – вместилище разума, судьбы и эмоций), Сехем («сила», «образ», относящиеся к миру вечности, до появления времени), Шуит (тьма), Рем (имя). См. подробнее: «Иероглифический словарь» Уоллиса Баджа (*Wallis Budge*, 2012). Сложно удержаться, чтобы не провести здесь довольно вольную, но важную аналогию к психоаналитическому представлению о влечениях, рождающихся в теле и далее претерпевающих разнообразные трансформации, метапсихологически объяснимые в контексте теории функционирования психического аппарата – также «произрастающего» из тела вместе с развитием мыслительной и эмоциональной жизни. Продолжая фантазировать, можно сказать, что Фрейд подарил нам «прямую перспективу» – перспективу психического роста и развития, тогда как египтяне оставили «обратную перспективу» – жизненного угасания и далее (скачком, в герметичном и темном пространстве саркофага) «сияния» Ах, родившегося для новой жизни.

возврата либидо в Я), собственно сублимацию (возгонку) – с метаморфозой сексуального влечения (и созидания нового объекта, символического), а фильтрацию – с включением «третьего», некой особой «зоны притяжения» (принимая либидинозные инвестиции с обещанием иных «дивидендов»), зоной умозрительной и символической, без очерчивания которой мы как будто видим только часть процесса сублимации (образно говоря, остаемся в пространстве саркофага). Включение третьего не только ведет нас к триангуляции, но и открывает символическое измерение феномена сублимации.

Термин «сублимация» в психоанализе

Эрнест Джонс упоминает, что термин «сублимация», по словам самого Фрейда, был заимствован им у Вильгельма Флисса⁵: «Фрейд много раз упоминает Флисса. Он утверждал, что именно от Флисса узнал термины "сексуальный латентный период" и "сублимация"» (Джонс, 2018). Этот факт вполне вписывается в историю миграции слова «сублимация», каждый раз легко приживающегося в новой среде, но в целом остающегося «приглашенным гостем». Мы также можем задуматься, каково было место сублимации, собственно, в отношениях Фрейда и Флисса – в близкой дружбе, обернувшейся непримиримой враждой?

Давая определение сублимации, Лапланш и Понталис отмечают: «Сублимация – процесс, которым Фрейд объясняет формы человеческой деятельности, не имеющие видимой связи с сексуальностью, но порожденные силой сексуального влечения. <...> Сублимацией называется такое влечение, которое в той или иной степени переключено на новую, не-сексуальную цель и направлено на социально значимые объекты. <...> На протяжении всего своего творчества Фрейд называл сублимацией – в экономическом и динамическом смысле – некоторые виды деятельности, побуждаемые желанием, явно не направленным к сексуальной цели: это, например, художественное творчество, интеллектуальное исследование и вообще ценные с точки зрения общества виды деятельности» (Лапланш, Понталис, 2017, с. 573–574). Здесь же возникает ряд вопросов о том, какова внешняя область и внутриспсихическая специфика функционирования сублимации, отличающая ее от других защит, как определить ее ценность (если именно общественная ценность – критерий) и – главный – почему в одном случае мы можем говорить о сублимации, а в другом – нет?

⁵ В. Флисс – врач-отоларинголог, друг и корреспондент Фрейда – изучал вопросы женской сексуальности, бисексуальности (особенно важной для Флисса теории, которой он посвятил годы исследований), биоритмических циклов (их объяснение порой граничило с нумерологией), предположив наличие у каждого человека «внутренних часов», ведущих отсчет с момента рождения, регулирующих «физический цикл» (23 дня) и «эмоциональный» (28 дней). Фрейд и Флисс познакомились лично в 1887 г., и через более чем десятилетие Флисс обвинил Фрейда в плагиате, а Фрейд в ответ предположил наличие у бывшего друга паранойи.

Размышляя о психической механике сублимации, Фрейд сделал друг за другом два предположения. Первое, как известно, касается примыкания влечений, второе – нарциссического разворота либидо. То есть в каком-то смысле впервые сублимация оказывается вписана в общую экономику «по остаточному принципу»: частичные, не вошедшие в окончательную форму генитальности влечения (оставшиеся за бортом генитальности) должны найти себе место и путь. В случае, когда последний – не перверсивный, он может стать путем притяжения к иным, далеким горизонтам – к несексуальным целям. И если перверсия – защита от психоза, то сублимация – очевидно, от перверсии (или – от большей перверсии, если часть влечений все же свернули в эти «темные аллеи»). Нарциссический разворот описан сложнее, однако и тут имеют место вероятности. В частности, мы можем представить, как в ходе изъятия либидо из объекта и возвращения его в Я происходит десексуализация (оборачивающаяся нарциссической целостностью и самодостаточностью). Также можно предположить, что самопровозглашенное Я, таким образом, в своем превосходстве развязывает агрессивные влечения (оставаясь при этом «непогрешимым»). Однако что именно сподвигает нарциссическое Я к сублимации, даже ради объекта с «тем же качеством прекрасной целостности», остается не вполне ясным. Позже М. Кляйн продолжит эти рассуждения, объяснив тягу к сублимации желанием восстановить, собрать вновь «хороший» объект, разъятый, расчлененный до этого разрушительными влечениями⁶. Еще позже свое объяснение сублимации (в том числе в ее связи с влечением к смерти) даст Андре Грин.

В целом, если рассматривать сублимацию и как защиту, и как судьбу, можно отметить, что все четыре судьбы влечений – это способы защит, «которые воздвигаются против влечений, чтобы противостоять их действию. <...> судьбой влечений может стать: превращение в свою противоположность, обращение на самого субъекта вместо объекта, вытеснение и сублимация. <...> Первый путь относится к цели влечения, которая может смениться на противоположную; второй путь касается объекта влечения, которым может стать либо другое лицо, либо собственная персона» (Кинодо, 2012, с. 207). Третий (вытеснение) разъяснен Фрейдом максимально подробно, а четвертый (сублимация) продолжает исполнять танец «семи покрывал», открываясь в различных своих аспектах, но уклоняясь от мыслительных «объятий» и абсолютного понимания. Интересно, что вытеснение, рассматриваемое Фрейдом в целом в трех стадиях⁷, на второй образует дихотомию отталкивания/притяжения (поскольку вытесняемое

⁶ Однако, как и в случае с Осирисом (собранным вновь и воскресшем, но в ином мире), «хороший» объект возрождается не в поле объектных отношений, а в «символической вселенной».

⁷ Напомню, речь идет о: (1) «первовытеснении» (образовании бессознательного ядра, наполненного «репрезентантами-клише»); (2) «вытеснении впоследствии», т.е. вытеснении как защите, при работе которой новые, отвергнутые сознанием репрезентанты, и/или аффекты вытесняются и притягиваются бессознательным ядром; (3) «возврате вытесненного» в сновидениях, ошибочных действиях или симптомах.

не только изгоняется из сознания, но и притягивается, группируется вокруг бессознательных «клише»). По аналогии с вытеснением мы можем предположить наличие «ядра символического», притягивающего десексуализированные либидинозные инвестиции в ходе работы сублимации как перенаправления (переадресации) влечений. С той лишь разницей, что Я не удаляет (вытесняет), а трансформирует (сублимирует) и вкладывает их в новый, символический объект в процессе его созидания.

Генезис понятия «сублимация» у З. Фрейда

Жан Лапланш и Жан-Бернар Понталис делают важное замечание: «...считая способность к сублимации существенным условием успешного лечения, Фрейд нигде не показал конкретно ее реализацию» (Лапланш, Понталис, 2017, с. 573). И действительно, рассуждая о сублимации теоретически, в клинических примерах Фрейд предпочитал дистанцию (историческую, междисциплинарную) и взгляд со стороны (открыв нам в том числе прикладной психоанализ во всем его многообразии). В этом смысле сублимации в трудах Фрейда «повезло» приблизительно так же, как психозам. Вероятно, исходя из практики, Фрейд мог предположить, что лечить психозы исключительно психоанализом бессмысленно, а сублимацию – просто не нужно. Кроме того, и «провал» в психотическую дезорганизацию, и высшая сублимационная деятельность (приносящая существенную пользу обществу, как ее понимал Фрейд) оказались по двум внешним сторонам границ, очерчивающих главным образом интересное ему поле психоаналитических изысканий и лечения (вытеснение, невроты).

В *«Трех очерках по теории сексуальности»* (1905) Фрейд пишет о перверсиях и сублимации, объясняя их происхождение одним источником, но разводя по реализации и целям. «Нормальной сексуальной целью считается соединение гениталий в акте, называемом совокуплением, ведущем к разрешению сексуального напряжения и к временному угашению сексуального влечения (удовлетворение, аналогичное насыщению при голоде). И все же уже при нормальном сексуальном процессе можно заметить зачатки, развитие которых ведет к отклонениям, которые были описаны как перверсии» (Фрейд, 2020). Речь идет о промежуточной сексуальной цели (из которой может возникнуть в дальнейшем перверсивный путь), предварительном процессе «разглядывания» и «ощупывания». Поцелуй, как «контакт слизистой оболочки губ», имеет отношение не к половому аппарату, а к пищеварительному каналу, однако обладает высокой сексуальной ценностью. То же относится к ощущениям кожи (прикосновения) и оптическим впечатлениям. Последние, как отмечает Фрейд, «осуществляются тем путем, по которому чаще всего пробуждается либидинозное возбуждение <...> направляя развитие сексуального объекта в сторону красоты». И далее, в сноске: «Как мне кажется, не подлежит никакому сомнению, что понятие *"красивого"* коренится в сексуальном возбуждении (*курсив мой.* – М. Ч.) и первоначально означает возбуждающие сексуально

"прелести". В связи с этим находится тот факт, что сами гениталии, вид которых вызывает самое сильное сексуальное возбуждение, мы никогда собственно не находим "красивыми"» (Фрейд, 2020). Мы сталкиваемся здесь с парадоксом (деликатно оставленным в сноске): наибольшее сексуальное возбуждение вызывают гениталии, но мы не можем назвать их красивыми, поскольку красивым уже на предварительном этапе стал их фантазийный «двойник» – «прелести». То есть часть либидо уже отошла на второй путь, оставив возбуждение в теле и инвестировав фантазматическую (галлюцинаторную) активность⁸. На максимально отдаленных друг от друга позициях гениталии без «прелестей» обретают анатомическое измерение (они совершенно точно относятся к половому аппарату), а «прелести» без гениталий могут либо фетишизироваться (перверсироваться), либо трансформироваться и притянуться к категории красоты в ее эротическом⁹, но не сексуальном значении (сублимироваться).

Сублимация в ее генезисе описана Фрейдом двуэтапно: как отвлечение сексуального интереса от гениталий на тело в целом и далее – на высшие художественные цели¹⁰. Перверсия же возникает в том случае, если этот процесс вместо подготовки к сексуальной цели в итоге просто вытесняет эту цель. «...В основе перверсий лежит нечто врожденное, <...> [оно] колеблется в своей интенсивности и ждет того, чтобы его пробудили влияния жизни. Дело идет о врожденных, данных в конституции, корнях сексуального влечения, развившихся в одном ряде случаев до настоящих носителей сексуальной деятельности (перверсий), в других случаях испытывающих недостаточное подавление (вытеснение), так что обходным путем они могут, как симптомы болезни, привлечь к себе значительную часть сексуальной энергии; между тем как в самых благоприятных случаях, минуя обе крайности, благодаря влиянию ограничения и *прочей переработки* (курсив мой. – М. Ч.), эти корни развиваются в так называемую нормальную сексуальную жизнь» (Фрейд, 2020). К «прочей переработке» мы, очевидно, можем отнести здесь и сублимацию.

В статье «*"Культурная" сексуальная мораль и современная нервозность*» (1908) Фрейд пишет о культурной морали, ее пагубном влиянии и сублимации: «Сексуальный инстинкт, <...> состоит из множества

⁸ И это – «питательная среда» для формирования фантазмов, прежде всего – о «соблазнении» и, конечно, «первосцене».

⁹ Уместно будет здесь, чуть забегаая вперед, напомнить об Эросе в его философском понимании, который есть «рождение в красоте и рождение для бессмертия» (Лосев, 1916).

¹⁰ «Прогрессирующее вместе с культурой прикрывание тела будит сексуальное любопытство, стремящееся к тому, чтобы обнажением запрещенных частей дополнить для себя сексуальный объект; но это любопытство может быть отвлечено на художественные цели ("сублимировано"), если удастся отвлечь его интерес от гениталий и направить его на тело в целом. Задержка на этой промежуточной сексуальной цели подчеркнутого сексуального разглядывания свойственна в известной степени большинству нормальных людей, она дает им возможность направить известную часть своего либидо на высшие художественные цели» (Фрейд, 2020).

компонентов, парциальных инстинктов <...> Он отдает в распоряжение культурной работы необыкновенно большую силу, вследствие особенной своеобразной способности его замещать свою непосредственную цель без существенной потери в интенсивности. Эта способность замещать первоначально сексуальную цель другой, несексуальной, но родственной психической, называется способностью к сублимированию. В противовес этой способности к замещению, в которой состоит культурная ценность этого инстинкта, в нем бывает и особенно упорная фиксация, благодаря которой он теряет способность замещения и при случае вырождается в так называемые ненормальности (Abnormitäten)» (Фрейд, 2001, с. 33–34). Здесь же Фрейд касается индивидуальных аспектов выбора той или иной судьбы влечения, вводя два важных понятия: «прирожденной организации» (ее «предрешенности») и исчерпаемости сублимации (наподобие исчерпаемости ресурса тепла в работе машин)¹¹. Это соседство интересно, поскольку кажется, что невозможность однозначно объяснить выбор сублимации как судьбы влечения (что-то природное, предрешенное) компенсируется здесь механистическим представлением о ее работе.

Далее Фрейд разъясняет путь сексуального влечения от аутоэротизма к объекту любви и к подчинению эрогенных зон примату половых органов. Излишние же для полового размножения части сексуального возбуждения подавляются и либо подвергаются сублимации («в благоприятном случае»), либо уклоняются от нормальной (по требованиям культуры) сексуальности. Речь идет об индивидуумах с инфантильной фиксацией («подверженных извращению») и гомосексуальных. В обоих случаях Фрейд отмечает, что довольно часто их «конституция» отличается особенно выраженной способностью к сублимации. Ниже Фрейд упоминает, насколько редкой на самом деле сублимация может быть: «Нужно сказать, что покорить такой могучий инстинкт, как половой, не путем удовлетворения – это такая задача, которая требует от человека напряжения всех его сил. Сублимировать его, отвлечь силы сексуального инстинкта от его цели в сторону высшей культурной цели возможно для ничтожного меньшинства, и то временно, меньше всего в пору пламенной юности. Большинство же большей частью делается неврастениками или вообще платятся здоровьем» (Фрейд, 2001, с. 37). И тут же – о женщинах: «...опыт показывает также, что женщинам, которые являются действительными носительницами сексуальных интересов

¹¹ «Первоначальная сила сексуального инстинкта у различных индивидуумов, вероятно, различна; несомненно, подвержена колебаниям и часть, способная к сублимированию. Мы представляем себе, что природной организацией предрешено, какая часть сексуального инстинкта у отдельных индивидуумов способна к сублимированию и замещению. Кроме того, жизненным влияниям и интеллектуальному воздействию душевного аппарата удастся сублимировать дальнейшую часть. Но безгранично продолжать этот процесс замещения, несомненно, нельзя, точно так же как предельно превращение тепла в механическую работу в наших машинах» (Фрейд, 2001, с. 34).

человечества, способность сублимирования инстинкта дана только в слабой степени и что заместителем сексуального объекта является только грудной младенец» (Фрейд, 2001, с. 38)¹².

Серьезный поворот во взгляде на сублимацию, связанную теперь с нарциссизмом, произошел в период работы Фрейда над «случаем» Леонардо да Винчи. В увидевшей свет работе «Леонардо да Винчи. Воспоминание детства» (1910) он пишет: «Когда в складе характера личности мы видим одно-единственное сильно выраженное влечение, как у Леонардо любознательность, то для объяснения этого мы ссылаемся на особую склонность, об органической природе которой в большинстве случаев ничего более точно не известно. <...> Мы считаем вероятным, что эта слишком сильная склонность возникает уже в раннем детстве человека и что ее господство укрепляется впечатлениями детской жизни, и далее мы принимаем, что для своего усиления она сначала пользуется сексуальными влечениями, так что впоследствии она в состоянии бывает заменить собою часть сексуальной жизни. Такой человек, следовательно, будет, например, исследовать с тем страстным увлечением, с каким другой отдастся своей любви, и он мог бы исследовать, вместо того чтобы любить» (Фрейд, 1912). Когда именно эта любознательность, сексуальный интерес, прерывается в детстве резким вытеснением, для него остаются три возможности: (1) «исследование разделяет судьбу сексуальности; любознательность остается с того времени парализованной, и свобода умственной деятельности может быть ограниченной на всю жизнь»; (2) если «интеллектуальное развитие достаточно сильно, чтобы противостоять мешающему ему сексуальному вытеснению <...> [то] после прекращения инфантильного сексуального исследования, когда интеллект окреп, он, помня старую связь, помогает обойти сексуальное вытеснение, и тогда подавленное сексуальное исследование возвращается из бессознательного в виде склонности к навязчивому анализируванию <...> изуродованное и несвободное, но достаточно сильное, чтобы сделать само мышление

¹² Вообще, женская доля с точки зрения современной Фрейду культурной морали не только не находит места для интеллектуальной и/или художественной сублимации, а выглядит просто-напросто печальной: «Брак при теперешних культурных условиях давно перестал служить для женщин всеисцеляющим средством от нервных страданий; и если мы, врачи, все еще в таких случаях советуем это средство, то ведь мы, напротив, хорошо знаем, что девушка, наоборот, должна быть очень здоровой, чтобы "переносить" брак, и настойчиво советуем нашим мужчинам-пациентам не жениться на девушке, которая была нервна до брака. Целебным средством от истекающей от брака нервности была бы скорее супружеская неверность. Но чем строже воспитана женщина, тем серьезнее она относится к культурным требованиям, тем более она боится этого исхода. И в борьбе между потребностью плоти и чувством долга она ищет убежища в неврозе. Ничто не защищает так ее добродетели, как болезнь» (Фрейд, 2001, с. 38). Здесь можно заметить, что умалять способность женщин к сублимации, поставив их при этом в ряд индивидов, избравших судьбу отведения и перенаправления сексуального влечения, было несколько преждевременным.

сексуальным и окрасить умственные операции наслаждением и страхом, присущими сексуальным процессам»; (3) «третий тип, самый редкий и самый совершенный <...> Сексуальное вытеснение и здесь тоже наступает, но ему не удается подавить часть сексуального наслаждения в бессознательное, напротив, либидо избегает вытеснения, сублимируясь с самого начала в любознательность и усиливая стремление к исследованию. И в этом случае исследование тоже превращается в известной степени в страсть и заменяет собой половую деятельность, но вследствие полного различия лежащих в основе психических процессов (сублимирование вместо прерывания из бессознательного) не получается характера невроза, выпадает связь с первоначальным детским сексуальным исследованием, и страсть может свободно служить интеллектуальным интересам» (Фрейд, 1912). Говоря о Леонардо, Фрейд резюмирует: «То, что после напряжения детской любознательности в направлении сексуальных интересов ему удалось большую долю своего либидо сублимировать в страсть к исследованию, это и есть ядро и тайна его существа» (Фрейд, 1912).

Интересно, что именно в этой работе Фрейд рассматривает сублимацию не только в двух традиционных сферах (*художественного* и *интеллектуального* творчества), но и включает не менее важную третью – *идеологическую* (которую можно понимать довольно широко, от мифотворчества до высокого этического и философского труда). Он отмечает: «Бесчисленные образы богов рождались посредством сублимирования половой сущности, и ко времени, когда связь официальной религии с половой деятельностью исчезла из общего сознания, тайные культы старались сохранить ее в кругу известного числа посвященных. Наконец в ходе развития культуры произошло так, что из сексуальности извлечено было так много божественного и священного, что истощенный остаток подпал презрению» (Фрейд, 1912).

Рассматривая жизнь Леонардо поэтапно (насколько это было возможно по доступным источникам), Фрейд обращает внимание на его незаконное рождение, отсутствие до пятого года жизни влияния отца и особую любовь матери, которой он был «заласкан», что могло спровоцировать раннее развитие сексуального интереса, а после – разлуку с матерью, интенсивное подавление влечения и сублимацию: «...большая доля сексуального влечения благодаря раннему появлению сексуальной любознательности смогла быть сублимирована в стремление к познанию вообще и таким образом избежала вытеснения. Много меньшая часть либидо осталась для сексуальных целей и представляет собой у взрослого Леонардо атрофированную сексуальную жизнь. Вследствие вытеснения либидо к матери эта маленькая часть превращается в гомосексуальность и выражается в идеальной любви к мальчикам» (Фрейд, 1912).

Ценнейшим предположением, которое Фрейд делает дальше, является размежевание трех путей отведения и трансформации сексуальности у Леонардо, где наряду с вытеснением и сублимированием находится таинственная «фиксация» в бессознательном образа матери: «В бессознательном остается фиксированность к матери и к блаженным воспоминаниям их отношений; но это застывает в пассивном состоянии. Таким образом,

распределяется между вытеснением, фиксированием и сублимированием «сумма полового влечения в душе Леонардо» (Фрейд, 1912)¹³. Очевидно, «фиксация» образуется на месте потери, когда Леонардо был разлучен с матерью своим биологическим отцом.

Связывая юношеское увлечение Леонардо художественным творчеством и скульптурой с «влечением смотреть» (вспомним здесь об «осматривании» как подготовительном этапе перед сексуальной целью), Фрейд пишет о первом кризисе Леонардо во взрослом возрасте¹⁴, сравнивая его с регрессированием у невротиков: «...почти полное подавление реальной половой жизни не представляет наиболее благоприятных условий для деятельности сублимированного сексуального стремления <...> Развившийся при половом созревании художник пересиливается определенным в детстве исследователем; второе сублимирование его эротических стремлений отступает перед образовавшимся раньше, при первом вытеснении. Он становится исследователем». Регрессивное движение продолжается, и можно представить, что благодаря ему сублимация (как «теряющая тепло машина») находит новый, т. е. еще более ранний источник – образ матери¹⁵.

Несмотря на то что Фрейду удалось поэтапно показать работу сублимации, связав ее с биографическими фактами и тенденциями жизни Леонардо, он отмечает, что так и не добрался до абсолютного понимания источника происхождения всех этих процессов, и сущность художественной деятельности (как, можно добавить, и иных видов сублимации) остается для психоанализа недоступной¹⁶.

¹³ Это догадку Фрейда о трех путях распределения общей суммы полового влечения мы можем экстраполировать на общую картину, общий контекст работы сублимации, касающейся влечения к жизни, агрессивного влечения и влечения к смерти.

¹⁴ Подавление сексуальной жизни, как представляет его в случае Леонардо Фрейд, дополняется и потерей покровительства герцога Лодовико Моро – замещающей фигуры отца.

¹⁵ «На высоте зрелого возраста, после пятидесяти лет, в том периоде жизни, когда у женщины половая жизнь только что замерла, а у мужчины либидо делает нередко еще один энергичный прыжок, в Леонардо происходит новая перемена. Еще более глубоко лежащие слои его души вновь становятся активны, и эта новая регрессия благоприятна для его готового угаснуть искусства. Он встречает женщину, которая будит в нем воспоминание о счастливой, блаженно-восторженной улыбке его матери, и под влиянием этого в нем вновь просыпается желание, которое привело его к началу его художественных опытов, к вылепливанию улыбающихся женщин. Он рисует "Мону Лизу", "Святую Анну втроем" и ряд полных таинственности, отличающихся загадочной улыбкой картин. Так, благодаря самым ранним эротическим душевным переживаниям празднует он триумф, еще раз преодолевая задержку в своем искусстве» (Фрейд, 1912).

¹⁶ «Две особенности Леонардо остаются не объяснимыми психоаналитической работой: это его исключительная склонность к вытеснениям и его выдающаяся способность к сублимированию примитивных влечений.

Влечения и их превращения – это самое большее, что доступно психоанализу. Но дальше он уступает место биологическому исследованию. Склонность к вытеснению, так же как способность сублимировать, мы принуждены отнести к органическим основам характера, и уже на них воздвигается психическая надстройка. Так как художественное дарование и работоспособность тесно связаны с сублимированием, то мы должны прибавить, что и сущность художественной деятельности также недоступна для психоанализа» (Фрейд, 1912).

Поворот 1920-х годов ознаменован в трудах Фрейда открытием более глубокого, фундаментального конфликта между влечением к жизни и влечением к смерти. Интересным при этом становится положение деструктивного (агрессивного) влечения: «Фрейд показал: когда в этом конфликте преобладает влечение к смерти, то деструктивная составляющая психической жизни берет верх, как при садизме и мазохизме; и, напротив, когда преобладает влечение к жизни, деструктивная составляющая частично нейтрализуется и агрессия используется в интересах жизни и Я» (Кинодо, 2012, с. 275). Этот же конфликт жизни и смерти Фрейд рассматривает в контексте второй топографической модели психики (Я, Оно, Сверх-Я).

В «Я и Оно» (1923) мы погружаемся в самую сердцевину внутриспсихических процессов, описание которых выглядит все более и более сложным, главным образом ввиду того, что Я – главный оператор психических трансформаций, главный «герой» психоаналитической рефлексии – перестает быть лишь участником/жертвой предлагаемых обстоятельств, обретает «дугу характера» и метафорически представляется Фрейдом в виде «угодливого, оппортунистического и лживого» государственного деятеля, «который при прекрасном понимании всего все же хочет остаться в милости у общественного мнения» (Фрейд, 1991). Сублимация становится лишь одним из инструментов в его руках, применить который он может, исходя из разнообразных мотивов. Она не теряет свои особые свойства, поскольку, наподобие волшебной палочки, помогает Я превращаться в кого-то другого (в объект любви для Оно, в частности). Но также из «орудия» чудесного превращения может превратиться в смертельное «оружие», уничтожающее того, кто решил воспользоваться им в эгоистических целях¹⁷. Интересный «герой» (в целом обозначим его характер как амбивалентный) предполагает не менее интересное развитие сюжета. Эта «пьеса» разыгрывается в трех актах.

На первом этапе объектное либидо превращается в нарциссическое (изымается из объекта и возвращается в Я), что помогает Я принять черты объекта (здесь сублимация наиболее близка с процессом идентификации) и вывести на новый уровень отношения с Оно, компенсируя отсутствующий теперь объект своей собственной «персоной»¹⁸. Фрейд отмечает:

¹⁷ Символично, что сам нарциссический разворот, нарциссическое превращение, предполагает, что «герой», направивший оружие на своего «оппонента», в итоге стреляет в себя.

¹⁸ Нарциссический разворот описан Фрейдом в духе сцены соблазнения злой колдуньей короля в волшебной сказке: «Если Я принимает черты объекта, то оно само, так сказать, напрашивается в объект любви для Оно; оно стремится возместить ему эту потерю и говорит: "Посмотри-ка, ты можешь полюбить и меня, ведь я так похож на объект"» (Фрейд, 1991). Самым, пожалуй, ранним прообразом сюжета этой сказки является египетский миф о «темной» сестре-близнеце Исида – Нефтиде, обманом и благодаря абсолютному внешнему сходству заставляющей Осириса. Психоаналитически кажется очень важным, что Исида и Нефтида, хоть и были в египетском пантеоне сестрами, но их абсолютное сходство символически выражало две стороны, два проявления (две судьбы) одной личности. Здесь можно фантазировать, что, столкнувшись с проблемой «оппортунизма и лживости» человеческой природы, египтяне предпочли сделать из одной «героини» двух, Фрейд же был вынужден двух (как минимум) свести в одно Я.

«Происходящее здесь превращение либидо объекта в нарциссическое либидо очевидно приводит к отходу от сексуальных целей – к десексуализации, т. е. к своего рода сублимации. Да, возникает вопрос, достойный более подробного рассмотрения, а именно: не является ли это общим путем к сублимации; не происходит ли всякая сублимация при посредстве Я, которое сначала превращает сексуальное либидо объекта в нарциссическое, чтобы затем, может быть, поставить ему другую цель» (Фрейд, 1991). Вопрос действительно интересный, поскольку от идеи спонтанного, по остаточному принципу «примыкания» частичных влечений Фрейд предлагает нам «мотив» как движущую сублимационную силу. И здесь возникает следующая проблема: если Я, обращаясь к «темной магии» (вот этой еще не сублимации, но уже «своего рода сублимации»¹⁹), достигает-таки своих целей, то что заставляет его продолжать сублимационную активность, почему эта «пьеса» не заканчивается в «первом акте» счастливым «бракосочетанием» Я и Оно?

Может быть, «злая колдунья» (наш «герой» – Я) была вынуждена кого-то «удалить с глаз долой», уничтожить, чтобы занять его/ее место? Или дело в том, что в этом «союзе» она оказывается «бездетна» (ведь либидо десексуализировано)²⁰? Сюжет развивается. Фрейд размышляет о первичном сексуальном позыве, сублимации, инстинкте самосохранения и садизме: «Следует различать два вида первичных позывов, из которых один – сексуальные инстинкты, или Эрос, – гораздо более заметен и более доступен для изучения. Этот вид охватывает не только непосредственный безудержный сексуальный первичный позыв и исходящие от него цельпрегражденные и сублимированные движения первичного позыва, но и инстинкт самосохранения <...> Гораздо труднее было для нас определение второго вида первичных позывов – мы пришли к убеждению, что представителем его является садизм» (Фрейд, 1991). Садизм как производное агрессивного влечения, действие ненависти (в отличие от Эросова действия любви), открывает «второй акт» и ретроспективно возвращает нас куда-то к самому началу. Оказывается, что он всегда был там, «злой умысел», но связанный и смягченный жаждой любви, как «дурные» черты характера, отражающиеся в любящих глазах лишь как «особенные» черты. В тот же момент, когда субъект и объект любви нарциссически сводятся в Я²¹, наш герой «преступает закон» объектной любви, агрессивные влечения больше ничего не связывает и не смягчает. Они выходят из-под контроля, как и нелицеприятные факты, всплывающие один за другим, случайные «свидетели», которым незачем молчать, – те самые

¹⁹ Здесь нужно отметить интересную параллель со статусом «прелестей», которые еще не сублимация, а лишь фантазия, но уже не гениталии.

²⁰ Как мы помним из сказок, такие авантюры, как магические превращения, всегда имеют и свои ограничения, и свою плату.

²¹ В этом парадоксальном предложении: «Посмотри-ка, ты можешь полюбить и меня», – «ты» легко заменимо на «я» («я могу полюбить и себя»). Для этого требуются только волшебное «нарциссическое зеркало» и стабильно утвердительный ответ на вопрос: «Я ль на свете всех милее?»

«портные», на которых перекладывается вина «кузнеца»²². Агрессия смещается, обнажая при этом суть происходящего: неспособность Я справиться с ситуацией иначе, чем импульсивным, абсурдным (анекдотичным) и неэффективным в итоге решением. С этого первого, казалось бы, почти невинного переступления черты открывается садистический путь, потому что если дозволено малое, то дозволено и куда большее: «Тем, что таким способом Я овладевает либидо объектных загрузок, объявляя себя объектом любви, десексуализирует или сублимирует либидо Оно, Я работает против целей Эроса, начинает служить вражеским первичным позывам» (Фрейд, 1991).

«Третий акт» начинается с появления нового «действующего лица» – неумолимо карающего «высшего существа», Сверх-Я – еще одного, но более древнего (захватывающий сюжетный поворот!) результата сублимации²³. Строго говоря, именно в Сверх-Я происходит высвобождение агрессивных первичных позывов (как следствие работы сублимации – отступления объектного либидо в Я и его десексуализации). Но теперь за свою борьбу против Эроса (связывания) Я рискует быть наказанным. Именно так «оружие» уничтожает того, кто им воспользовался: «С точки зрения обуздания первичных позывов – морали – можно сказать: Оно совершенно аморально, Я старается быть моральным, Сверх-Я может стать гиперморальным и тогда столь жестоким, каким может только быть Оно. Примечательно, что чем больше человек ограничивает свою агрессию во вне, тем строже, т. е. агрессивнее, он становится в своем Идеале Я. <...> чем больше человек овладевает своей агрессией, тем больше возрастает склонность его идеала к агрессии против его Я. Это как бы смещение, поворот против собственного Я» (Фрейд, 1991).

Финал «пьесы» печален, но предсказуем: «Если Я страдает от агрессии Сверх-Я или даже погибает, то его судьба подобна судьбе одноклеточных, погибающих от продуктов разложения, которые они сами создали. Действующая в Сверх-Я мораль кажется нам в экономическом смысле таким продуктом разложения» (Фрейд, 1991). Последняя фаза – отравления, застывания – уже не относится непосредственно к действию агрессивного влечения, представляя собой нечто третье, последствия распада, «вечную смерть». Это, своего рода, «бенефис» влечения к смерти, триумфирующий на противоположной Эросу собственной территории.

Интересно, что, описывая все перипетии Я, Фрейд ограничивает нас в основном рассмотрением «своего рода сублимации», т. е. первого ее этапа (изъятия либидо из объекта и десексуализации), который, очевидно,

²² От одной работы к другой Фрейд повторяет эту историю: «невротические реакции мести направляются на неправильное лицо. При этом проявлении бессознательного вспоминается ставший комичным анекдот, как один из трех деревенских портных должен был быть повешен, потому что единственный в деревне кузнец совершил преступление, караемое смертью. Наказание должно иметь место, даже если наказан будет невиновный» (Фрейд, 1991).

²³ «Сверх-Я возникло из идентификации с образом отца. Каждая такая идентификация носит характер десексуализации или даже сублимации» (Фрейд, 1991).

может оказаться последним, если развязанные агрессивные влечения будут массивно аккумулированы в Сверх-Я и отравят Я «продуктами разложения». Однако второй этап, на котором Я сублимирует, «чтобы затем, может быть, поставить [либидо] другую цель», остается иной перспективной и вопросом: почему же все-таки, исходя из каких мотивов стремление к другой цели возможно?

В *«Недовольстве культурой»* (1930) Фрейд рассуждает о двух возможных формах защиты от страданий, которые может принести неудовлетворение влечений (запрет культуры на их удовлетворение). Первая (крайняя форма защиты) описана им как «умерщвление» влечений²⁴. Вторая состоит в смещении либидо, т. е. в сублимации: «Задача состоит в такого рода смещении целей влечений, чтобы они не сталкивались с отказом со стороны внешнего мира, чему способствует сублимация влечений. Человек достигает больше всего, повысив уровень наслаждения от психической и интеллектуальной работы. Тогда судьба мало чем может ему повредить. Такое удовлетворение, как, например, радость творчества художника при воплощении образов своей фантазии или радость ученого при решении проблем и познании истины, обладают особым качеством, которое нам, наверное, удастся когда-нибудь охарактеризовать с точки зрения метапсихологии. Сейчас мы можем лишь образно сказать, что они кажутся нам самыми утонченными и возвышенными» (Фрейд, 2013). О слабости этого метода защиты от страданий Фрейд говорит, вновь напоминая о неуниверсальности сублимации и доступности ее лишь немногим «избранным», имеющим особые способности и дарования. Кроме того, «этим немногим избранным он [метод сублимации] не обеспечивает совершенной защиты от страданий: он не одевает их в латы, непроницаемые для стрел судьбы, и отказывает, как только источником страданий оказывается собственная плоть» (Фрейд, 2013). Нельзя не заметить в этом утверждении и чего-то глубоко личного, что читается между строк.

Здесь Фрейд обращается к категории «прекрасного», польза которого, как и художественная ценность, для него неочевидна. И говоря об эстетике, «прикрывающей» отсутствие результатов исследований о природе и происхождении прекрасного «высокопарной и бессодержательной болтовней», он констатирует, что «к сожалению, и психоанализ может немногое уяснить в природе прекрасного. Только производность прекрасного от области сексуальных ощущений кажется установленной: она могла бы

²² От одной работы к другой Фрейд повторяет эту историю: «...невротические реакции мести направляются на неправильное лицо. При этом проявлении бессознательного вспоминается ставший комичным анекдот, как один из трех деревенских портных должен был быть повешен, потому что единственный в деревне кузнец совершил преступление, караемое смертью. Наказание должно иметь место, даже если наказан будет невиновный» (Фрейд, 1991).

²³ «Сверх-Я возникло из идентификации с образом отца. Каждая такая идентификация носит характер десексуализации или даже сублимации» (Фрейд, 1991).

²⁴ Фрейд апеллирует к восточным учениям и практике йоги.

считаться превосходным примером заторможенного по цели влечения» (Фрейд, 2013). Но здесь же сублимация оказывается рядом с его великолепной максимой о человеческом счастье: «Счастье – в том умеренном смысле, в каком мы можем признать его возможным, – есть проблема индивидуальной экономии либидо» (Фрейд, 2013). И в этом смысле вложение либидо в сублимацию как будто выводит нас за рамки психоанализа, предлагая такое ее определение: «Сублимация влечений представляет собой выдающуюся черту культурного развития, это она делает возможными высшие формы психической деятельности – научной, художественной, идеологической, – играя тем самым важную роль в культурной жизни. Поддавшись первому впечатлению, хочется даже сказать, что сублимация – это судьба, навязанная влечениям культурой. Но здесь лучше не торопиться» (Фрейд, 2013). Последнее замечание особенно ценно, поскольку, «поторопившись», мы легко окажемся вне психоанализа – в общекультурном, философско-эстетическом, религиозно-мистическом поле. И лишь задержавшись в этой «переходной зоне», в том моменте, где должен быть «пропущенный ход» (стадия плавления/конденсации, которую сублимация минует, переводя из точки А в точку С), остается шанс заглянуть за «ширму волшебника» и подсмотреть, в чем состоит «фокус» (если только мы действительно не имеем дело с «чистой магией»).

Эрнест Джонс приводит любопытное в отношении сублимации влечений *письмо Фрейда от 1915 г.* неврологу Джеймсу Дж. Патнему – эпистолярный отзыв на книгу последнего «О человеческих мотивах», где Патнемом излагалась идеалистическая точка зрения на человеческую одаренность, одной из главных составляющих которой он видел стремление к духовному совершенствованию. Некоторые отрывки письма звучат очень лично и в то же время показательны точно: «Я не могу найти какого-либо перехода от того факта, что наши идеалы совершенства обладают психической реальностью, к вере в их объективное существование <...> Когда я спрашиваю себя, почему я всегда с достоинством вел себя, был готов щадить других и быть добрым, когда только возможно, и почему я не прекратил так поступать, когда заметил, что таким образом наносишь себе вред и становишься наковальней, по которой бьют, так как другие люди грубы и не заслуживают доверия, <...> у меня нет ответа. Так как это явно не было разумным. <...> В глубине души я уверен, что если бы кто-либо обладал средствами такого же тщательного изучения сублимаций влечений, как и их вытеснений, то такой человек смог бы натолкнуться на абсолютно естественные психологические объяснения морали, которые сделали бы Ваше человеколюбивое предположение ненужным. Но, как я уже сказал, я абсолютно ничего об этом не знаю. Почему мне и также моим шестерым взрослым детям приходится быть абсо-

лютно порядочными людьми, всегда оставалось для меня абсолютно непостижимым» (Джонс, 2018, с. 275).

«Сублимация» по Андре Грину

Как кажется, «пропущенный ход» – то, что особенно могло привлечь внимание Андре Грина к сублимации. Но прежде всего он опирается на дихотомию «невроза как негатива перверсии» и «культуры как негатива природы». Обращаясь к текстам Фрейда, Грин определяет сублимацию как «негатив сексуального желания» и делает вывод: «сублимация – десексуализация является деятельностью влечения, враждебной сексуальности» (Грин, 2020, с. 365). Однако ее происхождение из сексуальности столь же очевидно. Так сублимация оказывается двуликой – «очищенной формой» сексуальности, т. е. частью наследия Эроса, и его «враждебным двойником», размещенным в лагере противника. Говоря о сублимации как «возвышении», но не транссе, не катарсисе, Грин обозначает роль Сверх-Я в этом процессе – прогресс, развитие жизни разума, «с помощью которого – а это обязанность отца, интеллекта, – достигается ее верховенство» (Грин, 2020, с. 371), но то же Сверх-Я может открыть представительство влечения к смерти.

Сублимация, связанная с нарциссизмом, идентификацией и десексуализацией, антагонистичными Эросу, на второй своей стадии²⁵ (десексуализации) не просто принимает форму торможения по цели влечения, но модифицирует сексуальность «в самой ее природе», нарциссизируя ее. «Парадокс заключается в том, что кажущееся "обогащение" Я, извлекающее выгоду из этой прибавки, связанной с усилением нарциссического либидо и обеднением объект-либидо, в качестве возмещения предоставляет больше поля влечению к смерти. И вот, неожиданным заключением является то, что сублимация оказывается на службе у враждебных Эросу сил» (Грин, 2020, с. 373). И далее: «Отворачиваясь от Эроса, <...> [Я] становится апологетом смерти, любовь (замещенная) к себе не может приравняться к Эросу с его инвестициями объектов. В итоге нарциссическая коннотация переходит здесь от нарциссизма жизни к нарциссизму смерти» (Грин, 2020, с. 377–378).

Нарциссизируя либидо, Я также идеализирует (и фальсифицирует одновременно) свою роль как субъекта-объекта для высшего наслаждения (сублимированного, превышающего сексуальное)²⁶. Здесь Грин приводит в пример несколько карикатурный, как он сам замечает, образ нарциссического художника с «непогрешимым вкусом», «рафинированными суждениями», но замкнутого в своем эгоизме без живых связей с реальными

²⁵ К первой стадии А. Грин относит отклонение от сексуальной цели.

²⁶ О связи сублимации и идеализации Грин пишет: «Сублимируемое соотносится с идеальным объектом. Под десексуализацией понимается дематериализация, и дематериализация является синонимом идеализации. Бестелесное, духовное и идеальное много взаимодействуют между собой. Идеализация предполагает одухотворение, и это в свою очередь становится моделью идеала» (Грин, 2020, с. 388).

объектами. И кажется, если сравнить действие влечения к смерти как результат удовлетворения сексуального влечения (состояние организма после оргазма) и амплитуду воздействия влечения к смерти в попытке удовлетворить нарциссическое либидо, то в последнем случае результат будет сопоставим с «запахом напалма поутру», с тотальной пустотой и безжизненностью.

Между всех этих огней «бедняга Я», как пишет Грин, «нанят для исполнения задачи, далеко выходящей за границы его возможностей. Тогда как Я кажется озабоченным тем, чтобы обеспечить свое выживание в условиях менее мучительных путем вульгарного гедонизма, его в то же время донимает возвышенное» (Грин, 2020, с. 380–381). Здесь же он разделяет три вида сублимации: (1) защитную сублимацию нарциссизма (полезную лишь в виде разового ограничения отношений); (2) сублимацию открытую и плодотворную (требующую, однако, своих жертв); (3) сублимацию болезненную, измучивающую, беспокоящуюся результатом, игнорирующую позитивные и заикленную на обесценивающих суждениях (последняя очевидно связана с мазохизмом, ресексуализирующим сублимацию «в попытке соблазнить идеал»).

Отстаивая позицию, при которой сублимация неизбежно работает на стороне влечений к смерти, Грин резюмирует: «Эрос жизни немыслим без смягчения, без изменений к лучшему (без вытеснения), это и есть жизнь во всей своей мощи. И наоборот, когда Эрос оказывается трансформирован, замещен, развернут против того, созданию чего сам способствовал (чтобы оставаться пригодным для жизни), по мере того как его творения неизбежно будут восставать как конкуренты жизни, они смогут лишь готовить ложе для влечений к смерти» (Грин, 2020, с. 384).

Несколько иное измерение сублимация получает в контексте «объектализующей функции», описанной Грином с опорой на позиции Мелани Кляйн и Дональда Винникотта. В самом начале объектных отношений сублимацию можно представить себе как репарацию, возможную с наступлением депрессивной фазы. Тогда любому творческому акту будет предшествовать деструктивность, последствия которой он пытается снять, восстанавливая хороший объект. И в этом случае на месте нарциссизма (по Фрейду) оказывается развитая способность к идентификации с объектом (по Кляйн), т. е. теперь в творческом акте мы видим обратный процесс: превращение нарциссического либидо в объектное в ходе сублимации (и одновременно – трансформацию частичного объекта в целостный²⁷ и его репарацию).

Восстановленный объект должен найти место, которым становится и психика субъекта, и промежуточное (переходное) пространство (по Винникотту), в котором в том числе располагаются объекты культуральные

²⁷ Грин упоминает пример Мелани Кляйн (из проведенного ею анализа случая Леонардо) о переходе частичных объектов (соска, пениса, хвоста птицы) к интересу к полету птицы, самому по себе становящемуся объектом в процессе символизации (Грин, 2020, с. 397).

(символические). Можно заметить, насколько потрясающе удобна эта концепция для возможности проявления того самого «пропущенного хода» сублимации, между внутренней и внешней реальностями²⁸. Однако здесь Грин задает парадоксальный вопрос: «Принимает ли участие в этом процессе сублимация?» (Грин, 2020, с. 394). Так «пропущенный ход» вновь остается в полном смысле невидимым (и несуществующим). Говоря о «спасении объекта на периферии», в переходном пространстве, он продолжает: «Речь идет не только об отличии от сублимации, <...> невозможно было бы распознать сублимируемое и переходное», – здесь хочется добавить: не «невозможно распознать», а невозможно разделить. Но для того чтобы признать последнее, придется вывести эту промежуточную фазу из негатива, а не наоборот – добавить переходность к негативности²⁹. Две взаимоисключающие оппозиции (десексуализации и репарации) Грин дополняет «третьим измерением» Винникотта – творческим измерением, следующим за сексуальностью как источником удовольствия и трансформацией сексуальных влечений во влечения к жизни и к любви.

Завершая свое исследование сублимации, Грин пишет: «На самом деле сублимация ничего не гарантирует и ни от чего не защищает. Она всего лишь позволяет насладиться "по-другому" <...> Сила объектализующей функции сублимации может позволить нам на протяжении всей жизни сопровождать себя несколькими любимыми объектами, которые по сравнению с другими оказываются куда более преданными нам, потому что могут исчезнуть, лишь если мы сами их покинем» (Грин, 2020, с. 401).

II. Загадка сублимации (в ее отношении к символическому)

Эрос, Антерос, Танатос

Эрос и Антерос – братья-близнецы, родившиеся из хаоса вместе с Афродитой и позже ставшие считаться ее детьми. Как свойственно близнецам, они сильно связаны, однако если Эрос – любовь, то с его братом Антеросом все сложнее, тут не просто ненависть, а ненависть, порожденная любовью (безответной, провоцирующей ревность, жестокость, холодность, бесчувственность). Проклятие именем Антероса считалось в

²⁸ Тогда во внешней реальности окажется лишь артефакт, конечный (хочется сказать, побочный) продукт работы сублимации, доступный для коммуникации с ним других людей (готовых определить его ценность для культуры и общества); во внутренней – фантазийно присутствующий объект; а в переходном пространстве – объект символический, «мерцающий».

²⁹ Позволяя себе вольную аналогию, совершенно ясно, что средневековые алхимики физически не превращали в золото неблагородные металлы. Но с другой стороны, мы не можем сказать, что процесса превращения не существовало вовсе (то есть сказать, что он существовал только в знаке отрицания). Он происходил символически и тоже в своего рода «переходном пространстве», реальность которого обусловлена лишь нашим желанием и волей это пространство создать/обнаружить.

Древней Греции одним из самых сильных. Людей, не способных (больше не способных?) любить, считали одержимыми этим богом. В этом смысле нарциссизация либидо (изъятие либидо из разочаровавшего объекта) и ее последствия вполне сопоставимы с характером Антероса. А его мстительность и агрессивность синонимичны развязанным деструктивным влечениям.

Однако в одном из мифов первым на свет появился Эрос, но он не рос, оставаясь маленьким пухлым мальчиком (наподобие купидончиков, так часто изображаемых в классическом искусстве). Тогда Афродита (или, по другой версии, – кормилицы Эроса хариты) отправилась за советом в Дельфы³⁰ к Фемиде (или к Фетиде), и последняя объяснила, что любовь просто не может расти без страсти. Вняв этой мудрой рекомендации, Афродита родила Антероса, рядом с которым ее первенец развивался и превращался в прекрасного юношу, а в отсутствие брата Эрос вновь становился несмысленным ребенком.

Кажется, миф наглядно иллюстрирует идею о службе агрессивных влечений на стороне жизни и на стороне смерти: как соперничество любви и ревности, любви и агрессии, так и их, любви и ненависти, глубинное родство. Эрос может связывать любовью и возрастать, а в некоторых случаях, когда он участвует в работе сублимации – и «возносить» (не зря оба брата крылаты), только при посредничестве Антероса – разделяющего и «вытесняемого». Ведь последний выглядит темным двойником, будто скрытым в бессознательном, чтобы позволить Эросу властвовать над жизнью и во имя жизни.

Если бы инфантильный Эрос не мог расти, он никогда не стал бы тем самым великим Эросом античной философии, вмещающим и любовь физическую (сексуальность), и ту, «что движет Солнце и светила»³¹, метафизическую основу жизни, ее источник. А. Ф. Лосев справедливо напоминает о прижившемся, но радикально искаженном понимании «платонической любви» как любви без сексуальности. В действительности Платон «не только не отрицает чувственной любви, но признает ее безусловно необходимой. Δει γάρ, – читаем у Платона, – τὸν ὁρθώσιόντα ἐπὶ τοῦτο τοῦ πράγμα ἀρχεσθαι μὲν νέον ὄντα ἐπὶ τα καλὰ σώματα – и т. д., т.

³⁰ О чем, по указанию А. Ф. Лосева, упоминает римский оратор Фемистий в своей речи: «Рассказывая о рождении Афродитой Эроса (Ог. 367, 12 и сл.), Фемистий говорит о том, что его кормилицы-хариты направились в Дельфы к Фемиде с вопросом о его малом росте» (Лосев, 1996, с. 585).

³¹ Очевидно, что в этом смысле «Божественная комедия» Данте – не просто памятник мировой литературы, но и довольно точное художественное описание работы сублимации, таинственный «скачок» которой («вырезанный кадр», «пропущенный ход») метафорически показан мистическим «кувырком» – обращением верха и низа в момент перехода Данте и Вергилия из самого нижнего круга Ада в Чистилище. Они двое стабильно спускались вниз, проходя пазуху за пазухой, и вдруг в самом последнем и тесном проходе выяснилось, что ход их уже происходит вверх. Сложно не заметить здесь также аналогию с движением плода по родовым путям и физическим рождением.

е. для правильного развития Эроса необходимо с юности начать шествие к прекрасным телам» (Лосев, 1916). Таким образом, мы видим знакомую уже картину, где высшие (сублимированные) формы Эроса происходят из «шествия к прекрасным телам», т. е. из сексуального влечения. Симптоматично, что и многие сложности движения от «чувственного» к «духовному» имеют свои корни там же, в Античности. «Считая чувственность необходимой опорой своего Эроса, тем, без чего невозможны никакие другие стадии Эроса, Платон, однако, как-то устраняет ее на [определенных] стадиях <...> В конце концов, Платон употребляет даже выражение: ἐνόςδε τοσφόδρα τοῦτο χαλάσαι καταφρονήσαντα καὶ σμικρόν ἡγήσάμενον... т. е. надо любовь к одному телу презреть и уничтожить (во второй форме Эроса), а высшая красота, достигаемая в четвертой формуле Эроса, считается μὴ ἀνάπλεων σαρκῶν – не заполненной никакой плотью. Следовательно, вопрос осложняется» (Лосев, 1916).

Четыре формы (или стадии возвышения) Эроса у Платона интересны в контексте исследования сублимации потому, что позволяют провести очень тонкую, но соединительную ассоциативную линию между максимально отдаленными друг от друга точками: древней традицией (в частности египетской) и психоаналитическим наследием Фрейда. В некотором смысле, ту часть тайной посмертной трансформации, описание которой оставили египтяне в своих священных текстах – т. е. преобразование тела, высвобождение жизненной силы и ее видоизменение – и которая может быть прообразом сублимации, у Платона мы находим в движении Эроса в мире живых. Оно начинается с телесных, чувственных переживаний и восходит к «нездешней красоте». Первая форма – «Эрос тела», способность с помощью любви видеть красоту телесности и (путем переноса с одного на многих) расширять ее – от влечения к одному человеку до созерцания прекрасного во всех телах. Вторая, «Эрос душевной жизни», экстраполирует чувственные переживания красоты в эмоциональную и интеллектуальную сферы. Третья отличается еще большим расширением – от тел и душевной жизни к красоте мира. И четвертая, последняя и высшая форма – «первично-прекрасное, которое не рождается, не погибает, не увеличивается, не оскудевает <...> [это] красота в себе, не имеющая никаких здешних определений» (Лосев, 1916). Лосев делает напрашивающийся здесь вывод, что такого рода возвышение уже сложно представить вне религиозного контекста. А последний все дальше отводит нас от единства братьев-близнецов Эроса/Антероса, не просто вытесняя «страстного» Антероса (но предполагая его «присутствие» в бессознательном), а диссоциируя, избавляясь от него³². Можно предположить,

³² «Было бы грубой ошибкой сказать, что Платон проповедует одну лишь голую духовную любовь, но было бы еще грубее утверждать, что Платон проповедует одну лишь чувственную любовь. Он берет последнюю во всей ее экстаичности и самозабвении, во всей ее взрывности и мучительности <...> Но он хочет преобразить ее. <...> И мы видим, как колеблется мысль Платона. То он говорит о необходимости начинать с "прекрасного тела", то говорит об "уничтожении" плоти» (Лосев, 1916).

что, когда Фрейд говорит о сублимации «как судьбе влечения, *навязанной культурой*», он имеет в виду именно этот аспект: сублимировать позволено то, что запрещено проживать, что довольно долгое историческое время в европейской культуре оставалось диссоциированным (и спроецированным, конечно) и для возвращения своего нашло обходной путь сублимации. Несмотря на более чем столетнее развитие психоанализа, нельзя сказать, что мы перестали «гнать прочь» Антероса, хотя, несомненно, именно психоанализ (клинически, исторически и культурально) внес вклад в его «репарацию».

Что же происходит в тот момент, когда Антерос изгнан («развязан») вознесшимся Эросом? Эта пара близнецов распадается, и на смену приходит другая – тоже близнецы: Гипнос и Танатос. О Гипносе будет сказано в части 2 статьи, а сейчас нас интересует его брат – крылатый юноша-старик с мечом (отсекающим душу от тела, срезая прядь волос) или погасшим факелом в руке (знак «отсутствующего пламени» будто показывает: смерть – «негатив» жизни), с железной душой и медным сердцем, не принимающий даров, ненавистный богам – Танатос. На ларце Кипсела³³ он выведен черным «как будто спящим» мальчиком рядом со своим белым братом.

Танатос – жнец, собирающий печальные плоды разорванной связи (с жизнью, с реальностью, с Эросом). Его работа – фиксация отсутствия (жизни), собирательство (душ) и классификация. В мифах он живет «на краю света», на выселках жизни, в своем деле он бесстрастен и компульсивен (он снова и снова констатирует смерть). Компульсия, стоящая выше

³³ «Ларец Кипсела» был посвящен Гере Олимпийской, вероятно, одним из коринфских тиранов, Периастром, в честь своего отца, Кипсела. Это «великолепный кедровый ларец, весь разукрашенный скульптурными фигурами из дерева или инкрустированный слоновой костью и золотом». Все изображения даны на пяти уровнях-полях («поясах»). «На втором поле слева направо изображено следующее: Ночь держит на руках белого заснувшего мальчика, – это был Сон, – и черного мальчика, с закинутыми одна на другую ногами и как будто бы спящего, – это была Смерть» (Гиро, 1915, с. 642). Павсаний раскрывает историю ларца: «В этот ларец мать положила Кипсела, будущего коринфского тирана, когда Бакхиады старались найти его после рождения. В память спасения Кипсела его потомки, так называемые Кипселиды, посвятили этот ларчик в Олимпию, а ларцы коринфяне называли тогда кипселами; от этого, говорят, и мальчику дали имя Кипсела» (Павсаний, 2002, с. 81). Мать спрятала младенца в ларце («саркофаге»), и он смог выжить, хотя ему грозила смерть. Ночь, держащая на правой и левой руках сыновей, будто «взвешивает» судьбу этого младенца – будущего тирана, именем которого назван ларец (и все ларцы), либо который априори получил имя по названию спасшего его ларца (и все потомки стали «имени ларца», Кипселидами). Здесь происходит «кувырок». Что-то «смонтировалось» иначе, пока младенец лежал в этом ларце, поскольку события перепутались, низ обернулся верхом, будущее – прошлым, грозящая ему смерть – жизнью.

³⁴ Напомню классическое описание «навязчивого повторения» в «По ту сторону принципа удовольствия»: принцип повторения «кажется нам более первоначальным, элементарным, обладающим большей принудительной силой, чем отодвинутый им в сторону принцип удовольствия» (Фрейд, 1992).

принципа удовольствия (как описал ее Фрейд в «По ту сторону...»³⁴), уравнивающая всех и возвращающая в небытие – его епархия. Его обители в Аиде окружают фурии, война и «безумная распря»³⁵ – агрессия, не связанная больше ничем, кроме кошмарного сновидения или смерти.

Без Эроса Антерос остается лишь приставкой «ант-» (пред-, против-), ищущей новый корень по ту сторону любви. Такое, вполне манихейское, рассечение связи ведет от платонического «уничтожения» к фанатичному уничтожению – плоти, сексуальности. Тогда на сцену выходит влечение к смерти во всей его мощи. «Сублимированный» Эрос – теперь Христос, но его «оппонент» – не Антерос, а Антихрист (вобравший черты и Антероса, и Танатоса и его свиты). Ясно, что рассечение это происходит не в мире богов, но в мире людей. Именно человек оказывается способен на массовые убийства (крестовые походы, инквизиционные суды, крещение «огнем и мечом») во имя Бога, говорящего о милосердии.

У «античных близнецов» был период историко-мифологического «младенчества», где мать так же держала их обоих на руках и один отдавал свои силы другому. Матерью была египетская Нут (великая мать, богиня неба), а ее детьми – солнечный младенец Ра и лунный младенец Хонсу. Каждый вечер Ра возвращался в утробу матери, чтобы утром родиться вновь. Хонсу же был «заморожен» Нут в состоянии эмбриона. Находясь в ее ночной утробе, он мог то возрасть, то угасать (так египтяне метафорически объясняли фазы Луны), а жизненные силы его отдавались «брату» (фараону, соединенному с солнечным богом)³⁶. Хонсу-Луну, «ночного близнеца» Солнца, странника между мирами, живого и мертвого (а может, «как будто спящего»), изображали в виде мумифицированной фигуры младенца. Он кровожаден, его лунный серп карает даже богов, но также он может исцелять болезни, изгонять духов. Соединившись с Тотом, он возводится в ранг «писца правды» на загробном суде. Он не может, находясь в утробе, видеть лицо матери – только угадывать. Но, рассу-

³⁵ В шестой книге «Энеиды» введомый Сивиллой через подземный мир Эней видит роящиеся тени у темного вяза (под каждым листом которого прячутся кошмары): «Смерть [Летус, Танатос] и брат ее Сон [Сопор, Сомнус, Гипнос] на другом обитают пороге, / Злобная Радость, Война [Беллона, Полемос], приносящая гибель, и здесь же / Дев Эвменид [Эриний, Фурий] железный чертог и безумная Распря [Дискordia, Эрида], – / Волосы змеи у ней под кровавой выются повязкой» (Вергилий, 1971, с. 226–227).

³⁶ Интересно, что в египетском мифе нерожденный Хонсу питает своими силами кого-то другого, однако очевидно, что только благодаря Солнцу («рожденному младенцу») Луна получает свет и становится видима в ночном небе (иначе она присутствовала бы лишь «в негативе»). Амбивалентность этой истории подчеркивает силу связи между тем, кто «восходит» (в сублимационном акте), и тем, кто должен остаться в тени, во тьме, но быть видимым, связанным, питаемым жизнью.

³⁷ Прочно запечатленное присутствие чего-то невидимого может, например, появиться в повторяющемся ночном кошмаре.

ждая психоаналитически, мы знаем, что именно тот образ, который лишь угадывается, становится прочно запечатленным³⁷.

Эрос «возрастает» и связывает; Антерос «ревнует», разделяет, вытесняет; Танатос останавливает, фиксирует – запечатлевает. Фиксация «образа матери» Леонардо, о которой пишет Фрейд, неоднозначна. Улыбка матери, припоминаемая и угадываемая, сопровождает художника на протяжении всей его жизни, ведет, отражается в лицах всех изображенных им «матерей» (компульсивно изображенных?), но одновременно «мать» будто зовет и ждет его там, в «ночной утробе» (ждет и «не выпускает» из нее), где они смогут соединиться навечно – в смерти.

Пенис и утроба, фаллос и яйцо

По представлениям орфиков Эрос не имел родителей, а появился из яйца³⁸. Можно предположить, что орфики наследуют здесь древним представлениям, согласно которым первобожества не имели возможности родиться «в паре», а возникали из некоего «океана», хаоса, протоматерии. В классической мифе мать Эроса – Афродита, в свою очередь, рождается из пены морской, но пены, возникшей из-за падения в воду отсеченных гениталий ее «отца» – Урана. Кровь гениталий становится «живородящей» в водной среде, а коитус равен «падению в воду» и «взбыванию пены». Мы можем говорить здесь об «архаической первосцене», в результате которой рождается нечто прекрасное (Афродита) – дитя (бог). В более ранний историко-мифологический период «первосцена» в большей степени аутоэротична (и в определенном смысле нарциссична) – в генотеистической³⁹ египетской традиции предвечный бог «рождает» мириады иных богов в эякуляционном (мастурбационном) акте. Далее боги

³⁸ Роберт Грейвс, различая гомеровский и орфический мифы творения, пишет: «Орфики утверждают, что чернокрылая Ночь, богиня, перед которой трепетал даже Зевс, ответила на ухаживания Ветра и снесла в чрево Темноты серебряное яйцо; и что Эрос, которого иногда называют Фанетом, был высижен из этого яйца и привел Вселенную в движение. Эрос был двуполым, за спиной его были золотые крылья, а из четырех голов иногда раздавались бычий рев или львиное рычание, шипение змеи или бляение барана. Ночь, которая назвала его Эрикеепом и Фазтоном-Протогоном, поселилась с ним в пещере, проявляясь в виде триады: Ночь, Порядок и Справедливость. Перед пещерой неотвратимо восседала мать Рея и била в бронзовый бубен, приковывая внимание людей к оракулам богини, Фанет создал землю, небо, солнце и луну, но Вселенной продолжала править триада богинь, пока их скипетр не перешел к Урану» (Грейвс, 1992).

³⁹ Генотеизм предполагает наличие единого предвечного бога и происхождение от него иных богов (наподобие эманаций), также почитаемых наравне с единым.

⁴⁰ Венчает этот путь пара Осириса и Исида, вмещающая при этом архаическую традицию многоженства/адаультера (однажды на месте Исида оказывается ее сестра Нефтида), инцеста (Осирис – не только муж Исида, но и ее брат-близнец; жена Гора (сына Исида и Осириса) Хатхор иногда отождествлялась с самой Исидой) и оплодотворения от фаллоса, отсеченного от тела (Исида зачинает сына Гора после того, как собрала воедино тело мужа, найдя последним, либо воссоздав магическим образом, его пенис-фаллос).

соединяются в гомосексуальных и андрогинно-сексуальных парах, прежде чем формируется гетеросексуальная модель⁴⁰.

Мы видим, как в истории о происхождении богов их родословная вначале напоминает пеструю картину случайных фактов (брызги крови, брызги спермы «оживают», оказываются рядом, группируются), которые далее складываются в некий пазл почти по произвольному принципу, по случаю рядоположенности, но после создают связи и «растят» осмысленную генеалогию.

Если верно предположение Фрейда, сделанное, в частности, в его работе о Леонардо, что «духовное развитие индивидуума вкратце повторяет ход развития человечества» (Фрейд, 1912), то сублимация равно относится и к догенитальности (частичные влечения), и к (филогенетическому) наследию древности (ранние мифологические представления о происхождении богов), черпая оттуда пестроту, произвольность совпадений и потребность создать первую (пусть и случайную) связь. Можно сказать, что связь в родительской паре (в ее эдипальном виде) завершает этот процесс поиска и подбора догенитальных моделей. Однако совершенно точно желание связать (и связаться) рождается вместе с младенцем и существует задолго до того, как для этой потребности найдется идеальная (эдипальная, триангулярная) форма. Сублимация учитывает прогресс и регресс как константу, как актуальную «карту» пройденного пути, как присутствующее в психике наследие, позволяя субъекту произвольно «скользить» от эдипальной идеи пары, «творящей» младенца, к архаическим формам, где на месте пениса и вагины (утробы) находится эякулирующий фаллос (или отсеченный, кровоточащий и способный на оплодотворение – т. е. пенис становящийся фаллосом, существующим отдельно), неперсонифицированная «среда» (мировой океан) и яйцо (отдельно существующая «утроба»). Сублимация – путешествие «туда и обратно» в мифологическом и психоаналитическом смысле. Что же заставляет субъекта отправиться в этот путь?

Помимо предположения, что каждый любопытствующий – в душе Одиссей, можно заметить, что сублимация приносит не только особое удовольствие «насладиться по-другому» (т. е. символические «дивиденды», происходящие от успешного вложения либидо в новый, символический объект в реальности), но и чувство принадлежности к чему-то большему (не только нарциссизм), доступ куда-то, куда обычно путь закрыт. Может быть (прежде всего в свете эдипального конфликта) – в родительскую спальню в тот момент, когда происходит зачатие? Или туда, где из небытия возникла жизнь.

Египетская ритуальная традиция посмертного «превращения» посвящена не смерти, а новому рождению (в новую жизнь рядом с богами). Тогда сам переход, происходящий, пока мумия находится в саркофаге, может быть синонимичен подготовке к этому рождению, «перинатальному» периоду, в котором умерший должен прикладывать определенные усилия, чтобы добраться до желаемого пункта назначения. Франсуаза Дольто, рассуждая о влечении к жизни и символической (творческой в широком смысле) способности младенца, говорит: «Может быть, у плода тоже

есть желание родить себя на свет, желание творить? Во всяком случае, можно сказать и так: ребенок сам себя рождает... Неправильно говорить: "Он кровь от крови своего отца". Это не так! И не от крови отца, и не от крови матери. Плод вырабатывает свою собственную кровь, часто совсем не такую, как у его родителей; кровь ребенка вырабатывается плацентой. Он получил жизнь, но эта жизнь содержится в его плаценте, и он сам берет ее по мере того, как глубже укореняется в жизни. Он ежедневно переживает себя самого, он – дитя своих собственных усилий» (Дольто, 2013). Собственные усилия и в том, и в другом случае объединяют сублимацию (как превращение либидо, превращение жизни) с фантазмом о самопорождении.

Изучая мифологию древности, можно заметить, что именно сублимация в этом ее значении была единственным способом возникновения первых богов до того, как утвердилась модель (праэдиальной) пары⁴¹. Таким образом, функционирование сублимации – филогенетическое наследие, иной способ зачать (или самозачать) жизнь. Мы можем предположить три вида, три варианта этого сублимационного акта рождения: самопорождение, саморождение и саморазвитие. Они отличаются друг от друга, и это различие очень важно в психическом смысле, поскольку в первом случае речь идет о тотальном влиянии фантазма о самопорождении как самозачатии и чудесном возникновении из ничто («родители» здесь не предполагаются, это наиболее архаическая и одновременно

⁴¹ В египетской традиции первым таинственным и сублимационным актом (т. е. актом превращения одного в другое, минуя какую-то невидимую нам стадию) было возникновение из темного, бескрайнего и недвижного океана Нун первого холма (Бенбен) и яйца, из которого в свою очередь вышел бог солнца (Нефертум, «прекрасный младенец»). «Сокровенным» богом, «выходящим из бездны», был назван Амон, совершивший «сугубо интеллектуальный акт творения (подумал и сказал)» (Шоу, 2021, с. 27), потому для воплощения им сказанного понадобился бог творчества, искусств и ремесел, небесный скульптор – Птах. «По представлениям жрецов Птаха, мир был "порожден в его сердце"; сами боги, небо, земля, искусство, изобретения – буквально все было задумано Птахом» (Шоу, 2021, с. 28). Так мы видим первую «сублимационную» пару – Амона (слово) и Птаха (сердце, творчество): «Как воплощение творческой стихии Птах олицетворял собой ту силу, что превращает замысел в действие, а затем – в осязаемый результат; тот процесс, что берет начало в первом проблеске вдохновения, внезапно вспыхнувшем в уме мастера, и заканчивается непосредственным созданием, например, статуи – обработкой камня, придания ему нужной формы» (Шоу, 2021, с. 28–29). От замысла Амона через творческое усилие Птаха мир начал эволюционировать физически. Так пробудилась жизненная сила яйца, или семени темных глубин, Нуна – Атум, «единство всех сущностей и богов, неотделимых и неотличимых» (Шоу, 2021, с. 32). Первая триангулярность: Амон, Птах, Атум – акт творения, т. е. возникновения жизни из предвечного океана, акт сублимации. Атум провозглашает себя мощью самопорождения: «"Силой моей [Атума] сотворил я плоть мою. Я тот, кто породил самого себя. Волею моей, по зову сердца моего создал я себя". Тексты саркофагов, изречение 714» (Шоу, 2021, с. 35). Органами, заключенными в теле Атума, были близнецы Шу (воздух) и Тефнут (влага, праматерь). Последние росли, и Атум раздувался «словно шар, наполненный воздухом», а после отделились в виде капель божественной влаги – слюны или семени. Символично в египетской традиции и происхождение человечества: люди – это слезы бога Ра.

психотическая форма фантазма), во втором – о всемогуществе младенца, выбирающего жизнь и имеющего возможность сделать такой выбор («родители» – учитываются, это скорее нарциссическая форма), а в третьем – об усилении, необходимом влечению к жизни, определяющем это влечение («родители» и забота при этом необходимы, это невротическая форма функционирования фантазма).

Если самопорождение не предполагает родительской пары вообще (возникновение из ничто), а саморазвитие, напротив, вписывается в эдипальную пару (мать и отец «творят» ребенка и помогают ему развиваться), то между ними оказывается нарциссическая форма зачатия, в которой мать (богиня) способна забеременеть от самой себя (от собственного «фаллоса» или собственного «творения»). Нарциссическая форма зачатия многообразна, и мы видим, как она эволюционирует в мифологическом контексте. Наиболее ранние, архаические ее виды синонимичны психоаналитическому «нарциссическому продолжению матери» или представлению о ребенке как «органе» матери. Позже она дополняется идеей о сотворении богиней партнера (для последующего зачатия). И в итоге мутирует в концепцию мистического или «непорочного» зачатия, в котором отсутствующий отец представляет архаическое наследие «непроявленно-бога».

В античном (пеласгическом) мифе творения богиня Эвринома, выйдя из хаоса и поняв, «что ей не на что опереться», зачинает от северного ветра (созданного, правда, ее же танцем) невидимого, но ощущаемого, который превращается далее в змея (высиживающего снесенное Эвриномой яйцо), а после рождения всего сущего изгоняется богиней с Олимпа⁴². Богиня, создающая в особом акте (вдохновения, возбуждения, творчества) партнера, от которого она может зачать, есть и в олимпийском

⁴² «Эвринома, богиня всего сущего, восстала обнаженной из Хаоса и обнаружила, что ей не на что опереться. Поэтому она отделила небо от моря и начала свой одинокий танец над его волнами. В своем танце она продвигалась к югу, и за ее спиной возникал ветер, который ей показался вполне пригодным, чтобы начать творение. Обернувшись, она поймала этот северный ветер, сжала его в своих ладонях – и перед ее глазами предстал великий змей Офион. Чтобы согреться, Эвринома плясала все неистовей, пока не пробудилось в Офионе желание, и он обвинил ее божественные чресла, чтобы обладать ею. Вот почему северный ветер, который также зовется Бореом, оплодотворяет <...> Эвринома зачала дитя. Затем превратилась она в голубку, села, подобно наседке, на волны и по прошествии положенного времени снесла Мировое яйцо. По ее просьбе Офион обернулся семь раз вокруг этого яйца и высиживал его до тех пор, пока оно не раскололось надвое. И появилось из него все то, что только существует на свете: солнце, луна, планеты, звезды, земля и ее горы, реки, деревья, травы и живые существа. Эвринома и Офион обосновались на Олимпе, но он обидел ее, объявив себя творцом Вселенной. За это ударила она его пяткой по голове, выбила ему все зубы и изгнала в мрачные подземные пещеры» (Грейвс, 1992). Пеласгический миф в символическом отношении очевидно является «связующим звеном» между более древней египетской и более поздней талмудической (иудеохристианской) традицией мифа о сотворении мира.

мифе творения, где место танца занимает сон (как особое состояние сознания), «творчество» равно «вынашиванию», а партнер – ею же рожденному сыну⁴³. Здесь очевидно, что история Эдипа, берущего в жены свою мать, Иокасту, имеет глубокую и мифологически богатую корневую систему. Этот миф даже в финальном (эдипальном, невротическом) своем виде предполагает, что реально существующий отец оказывается неузнанным (случайная встреча Эдипа и Лайоса) и должен стать «невидимым» – т. е. убитым. Филогенетически Эдип обречен на то, чтобы стать мужем своей матери, продолжающей вслед за древними богинями «работу сублимации» в архаическом ее смысле (продолжающей, но не знающей, не помнящей об этом).

То, что в древнейших традициях воспринималось как единственный способ возникновения, рождения и продолжения себя, ко временам Эдипа становится «запретным способом». Архаика и нарциссический акт творения уступают место паре и эдипальному соперничеству (лишь потенциально смертоносному, «по старой памяти»). Сфинкс задает вопрос, правильного (с точки зрения древних культур) ответа на который Эдип не знает⁴⁴, однако он дает новый ответ, оказывающийся верным для новых (эдипальных) времен. Сфинкс бросается со скалы, «уступая место» герою, предпочитающему скорее невроз, нежели сублимацию. Однако последняя все же остается одной из возможностей, одной из (забытых) судеб влечений.

(Продолжение следует.)

⁴³ В олимпийском мифе творения Земля рождает сына во сне, и последний тут же оплодотворяет ее: «В начале всех вещей из Хаоса возникла мать-Земля и во сне родила сына Урана. С нежностью глядя на спящую мать с высоты горных вершин, он пролил на ее промежности оплодотворяющий дождь, и она породила травы, цветы и деревья, а также соответствующих им зверей и птиц. От того же дождя <...> все впадины заполнились водой, образовав озера и реки» (Грейвс, 1992). Интересно, что в египетской мифологии богиня Нейт (андрогин, праматерь) также зачинает от себя самой и рождает Себека – бога воды и разлива Нила, имя которому «оплодотворяющий» (егип. sbk – «оплодотворять» или «объединять»).

⁴⁴ Когда Сфинкс является во сне будущему фараону Тутмосу IV, он называет ему свое истинное имя, скрытое в описательном: «Хоремахет-Хепри-Ра-Атум» – Хор-хранитель-горизонта, Хепри (солнце утром), Ра (солнце в зените), Атум (солнце вечером). Это солнечное божество в четырех формах (принцип «хеперу», синонимичный иудеохристианскому понятию «тетраграмматон», непроизносимому имени бога). Для египтян знание истинного имени давало особую власть над богом, особые (магические) возможности, особый статус приближенности к богам. Когда Исида узнала это (тайное) имя, она смогла стать «царицей магии» среди богов, а Тутмос, в свою очередь, понял, что он будет фараоном, несмотря на то что не являлся наследным принцем. Когда же Сфинкс задает аналогичный вопрос (про утро, день и вечер) Эдипу, последний должен был ответить: «Это – ты» (предвечный бог, Атум и пр.), но он отвечает: «Это – я» (это – человек). В каком-то смысле в этот момент Эдип провозглашает фрейдовское: «Wo Es war, soll Ich werden».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Публий Вергилий Марон*. Буколики. Георгики. Энеида. Перевод с латинского С. А. Ошерова. М.: Художественная литература, 1971. 418 с. (Серия «Библиотека всемирной литературы», т. 6).
2. *П. Гиро*. Частная и общественная жизнь греков. Петроград. Издание т-ва О. Н. Поповой, 1915 / Перевод с последнего французского издания Н. И. Лихаревой. 659 с. URL: <http://ancientrome.ru/public/article.htm?a=1291560784#o19>
3. *Р. Грейвс*. Мифы Древней Греции / Пер. с англ. К. П. Лукьяненко. Под ред. И с послесл. А. А. Тахо-Годи. М.: Прогресс, 1992. 620 с. URL: <http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/graves-mify-ancient-greece/index.htm>
4. *А. Грин*. Работа негатива. Психоаналитическая работа, фокусированная на концепте негатива. Киев: Издательство Ростислава Бурлаки, 2020. 488 с.
5. *Э. Джонс*. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М.: Канон-плюс, 2018 г. 464 с.
6. *Ф. Дольто*. На стороне ребенка. / Пер. Е. В. Баевская, О. В. Давтян, 1997. Editions Robert Laffont, 1985. ООО «Рама Пабблишинг», 2013. URL: <https://kniga-online.org/books/nauchnye-i-nauchno-populjarnye-knigi/psihologija/195323-fransuaza-dolto-na-storone-rebenka.html>
7. *Ж.-М. Кинодо*. Читая Фрейда. Ред.: Кигай Н. И. Серия: Библиотека психоанализа. М.: Когито-Центр, Presses Universitaires de France (PUF), 2012. 416 с.
8. *Ж. Лапланиш, Ж.-Б. Понталис*. Словарь по психоанализу. / Пер. с фр. и науч. ред. Н. С. Автономовой. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 751 с.
9. *А. Ф. Лосев*. Мифология греков и римлян / Сост. А. А. Тахо-Годи; общ. Ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1996. 975 с.
10. *А. Ф. Лосев*. Эрос у Платона, 1916 г. В кн.: А. Ф. Лосев. Бытие – имя – космос / Сост. И ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. 958 с. С. 31–60. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Эрос_у_Платона_\(Лосев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Эрос_у_Платона_(Лосев))
11. *Публий Овидий Назон*. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. Перевод с латинского С. В. Шервинского. М., Художественная литература, 1983. URL: http://lib.ru/POEEAST/OWIDIJ/ovidii2_2.txt
12. *Павсаний*. Описание Эллады / Пер.: Кондратьев С. П. М.: АСТ-Пресс, 2002. 172 с. URL: https://www.rulit.me/books/opisanie-ellady-read-76465-1.html#section_2
13. *В. Солкин*. Смерть и бессмертие. Ритуалы перехода в Древнем Египте. / Лекция Виктора Солкина. Библиотека «Культурный центр имени М. А. Волошина», 2017. [Стенограмма]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CabGyd-ywI8>
14. *В. Солкин*. Столпы небес. Сокровенный Египет. М.: Вече, 2006. 464 с.
15. *З. Фрейд*. «Культурная» сексуальная мораль и современная нервозность // Психоаналитический вестник, № 9, 2000. С. 30–43.
16. *З. Фрейд*. Леонардо да Винчи. Воспоминание детства. Санкт-Петербург: Прометей, 1912 (скан: РГБ). URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Леонардо_да_Винчи._Воспоминание_детства_\(Фрейд\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Леонардо_да_Винчи._Воспоминание_детства_(Фрейд))

17. З. Фрейд. Недовольство культурой. Изд.: Фолио, 2013. 224 с. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Freid/ned_kult.php
18. З. Фрейд. Очерки по психологии сексуальности. М.: Азбука. 2020. 224 с. URL: <https://psychic.ru/books/book46.htm>
19. З. Фрейд. По ту сторону принципа удовольствия / Пер. с немецкого. Сост., послесл. И коммент. А. А. Гугнина. М.: Прогресс, Литера, 1992. 569 с. URL: https://librebook.me/beyond_the_pleasure_principle/vol1/1
20. З. Фрейд. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Книга 1 / Пер.: Л. Голлербах. Тбилиси: Мерани, 1991. С. 351—392. URL: <https://freudproject.ru/?p=1115>
21. Г. Шоу. Египетские мифы. От пирамид и фараонов до Анубиса и «Книги мертвых» / Пер. с англ. М. Сухотиной, науч. ред. В. Солкин. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 240 с.
22. A. Roberts. Hathor's Alchemy: The Ancient Egyptian Roots of the Hermetic Art. Northgate Publishers, 2019. 336 p.
23. A. Roberts. My Heart My Mother: Death and Rebirth in Ancient Egypt. Northgate Publishers, 2000. 272 p.
24. E. A. Wallis Budge. Hieroglyphic Vocabulary to the Book of the Dead. Courier Corporation, 2012. 546 p.

Secret of Sublimation (Part 1)

M. A. Chershintseva

Chershintseva Maria Alexandrovna, PhD of cultural studies, master of psychology (HSE), psychoanalytic-oriented psychotherapist, associate member of Moscow Psychoanalytic Association, deputy editor-in-chief of the Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis, supervisor of the master's program Psychoanalysis and Psychoanalytic Psychotherapy (HSE).

Sublimation is one of the four destinies of drives (according to Z. Freud) and a process of transforming libido and redirecting it to a new, not sexual, but socially acceptable, socially significant goal. In this case, sublimation also functions as psychological defense. Z. Freud described sublimation at first in the context of adjoining partial instincts (drives), and then – in the context of narcissistic issues (Leonardo's "case"). Z. Freud leaves space for further research into the transformation of libido, noting that one day psychoanalysis will be able to explain the process as thoroughly as repression. Meanwhile a special predisposition to artistic creativity, a passion for scientific research and a productive pursuit of high ethical ends remains a mystery with a bit of paradox: clarity of mental mechanics and economy of sublimation combined with totally vague causes and goals. Not pretending to answer all the questions, we try to find the "root system" of sublimation not as a term, but as a "fluid" wandering from one environment to another and hiding in multiple fields of human knowledge and experience. Maybe a mystery itself is a core feature of sublimation, like a dream needs a "navel" (center)? In the first part of the article, we talk about the genesis of sublimation concept in psychoanalysis and about its forms in different environments: mythological, philosophical, cultural. Thus, we will trace the volatile phylogenetic lineage – background of sublimation as a mental phenomenon.

Keywords: sublimation, psychoanalysis, destinies of drives, drive of life, drive of death, partial instincts, narcissistic reversal, libido, Eros, primary phantasms, archaic primary scene, self-birth phantasm, Z. Freud, A. Green.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Быть женщиной – терпеть боль

М. В. Карпачева

Карпачева Марина Валерьевна – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психотерапевт, ассоциированный член Московской психоаналитической ассоциации (МПА).

В статье рассматривается проблема становления женской идентичности в период беременности и родов с точки зрения психоаналитического подхода. Проанализированы существенные характеристики процесса беременности в трудах известных психоаналитиков: З. Фрейда, К. Хорни, Дж. Кестенберг, Д. Пайнз и других. Доказано, что беременность и роды представляют собой один из необходимых этапов в становлении женской идентичности, завершающих ее психосексуальное развитие. Выявлены основные характеристики беременности как кризисной точки модификации всех сфер жизни женщины, проанализированы регрессивные и прогрессивные тенденции в ходе проживания данного периода. Выявлены основные факторы, влияющие на здоровый, адаптивный и дезадаптивный тип развития женской идентичности. Подробно изучены условия, благоприятные для идентификации с внутренним образом матери, а также факторы, осложняющие вынашивание беременности и причиняющие боль, травму эмоционально незрелым женщинам в ходе становления их материнского Я. В статье иллюстрируется как женская идентичность обогащается за счет травматичных телесных переживаний и как формируется материнское Я.

Ключевые слова: беременность, женская идентичность, кризис, объектные отношения, роды, материнство.

Актуальность проблемы исследования связана с поиском научно обоснованного подхода к психотерапии беременных женщин, а также их сопровождению в послеродовой кризисный период. Целью статьи является рассмотрение процесса беременности и переживания женщиной кризиса с психоаналитической точки зрения, переструктурирования внутриличностных конструктов и трансформации женской идентичности. Основной тезис исследования «быть женщиной – терпеть боль» также будет истолкован в свете психоаналитических концепций, показывающих значение новых телесных переживаний, событий, связанных с болью

(как физической, так и душевной) и необходимостью ее преодоления, интеграции нового опыта для преобразования женского и материнского Я женщины.

Задачи исследования:

- проанализировать подходы к сущности беременности в русле психоаналитической традиции изучения идентичности;
- выявить основные регрессивные и прогрессивные тенденции развития идентичности во время беременности;
- изучить основные линии развития полоролевой идентичности и объектных отношений во время беременности;
- сформировать адекватное представление о трансформациях, которые происходят с женщиной во время вынашивания ребенка и в послеродовом периоде; понять факторы принятия этих изменений;
- конкретизировать проблемы соотношения женского и материнского Я, специфику здорового и патологического развития материнского Я.

В последнее время идентичность женщины в целом, а также те изменения, которые она претерпевает в кризисные периоды своей жизни, достаточно часто становятся объектом исследования психологии и смежных дисциплин. Как представляется, беременность является одним из наиболее значимых кризисных периодов в развитии идентичности женщины, поскольку ее с уверенностью можно отнести к тем изменениям, которые оставляют в жизни женщины наиболее глубокий след, а также имеют огромный потенциал для развития женской идентичности. Беременность ставит перед женщиной множество задач, в частности переосмысление своей социальной роли, а также ценностно-смысловые изменения в идентичности (Филиппова, 2000; Хорни, 1993; Эриксон, 2005), что и создает внутренние условия для достижения статуса зрелой идентичности.

Беременность – это переходный этап в жизни женщины в незнакомую для нее сферу – сферу материнства. Поэтому важно рассматривать беременность не только как возможность достижения условий, подходящих для развития ребенка, но и как важнейший компонент формирования идентичности женщины, этап развития идентичности и становления, так как в период беременности осуществляется модификация всех сторон жизни женщины, происходят глубокие изменения сознания, видоизменение ценностно-смысловых компонентов и т. д.

В своем исследовании я проанализировала подходы к изучению роли беременности в процессе трансформации идентичности, представленные в трудах ученых-психоаналитиков.

Прежде всего, стоит отметить, что в психоанализе желание иметь ребенка рассматривается как «сочетание агрессивных и либидинальных компонентов внутриспсихической структуры личности» (Блох, 2019).

Так, согласно трудам З. Фрейда – основоположника психоанализа, – беременность способствует избавлению от комплекса кастрации, присущего каждой женщине. Кратко объясню данный тезис. Эдипов комплекс у девочек является результатом двойного разочарования, поскольку сначала девочка обнаруживает отсутствие пениса только у себя, после чего обнаруживает его отсутствие и у матери, утрачивающей вследствие этого

статус эротического объекта. Желание обладать пенисом сменяется желанием родить ребенка, который может его возместить, об этом уже было упомянуто ранее, именно с надеждой на реализацию этого стремления девочка обращается к отцу. Желание иметь ребенка на подсознательном уровне замещает скрытую зависть к мужчине и наличию у него пениса. Таким образом, после рождения ребенка, по Фрейду, завершается психо-сексуальное развитие женщины (Фрейд, 1989).

К. Хорни подвергла критике не сам комплекс кастрации, а именно то, как, согласно З. Фрейду, происходит эволюция женской психики в соответствии с этим комплексом. Согласно К. Хорни, потребность в беременности можно расценивать как потребность в самоутверждении женщины, так как именно в семье и рождении ребенка женщина может реализовать себя полностью.

В исследованиях О. Кернберга период беременности описывается как этап актуализации в теле женщины определенного аффективного состояния, требующего интегрировать влечения Ид. Такая структура личности, как Эго, в изучаемый период выполняет функцию объединяющего центра, благодаря чему осуществляется стабильное функционирование Я женщины.

По С. Фанти, кризис беременности – это особый период адаптации, а по Каплан – «кризисная точка в поиске женской идентичности» (Блох, 2019).

Беременность в трудах Б. Пайнз также относится к кризисному отрезку на пути к женской идентичности, при этом психоаналитик подчеркивает, что этот период характеризуется возвратом к вытесненным фантазиям, актуализирует ранее не решенные конфликты. «Беременность – важный этап решения задачи отделения от матери и индивидуализации, задачи, которую женщина решает всю свою жизнь» (Пайнз, 1997, с. 99).

Психолог и психоаналитик Э. Эриксон определяет беременность и рождение ребенка как кризисный этап в развитии самоидентичности женщины наряду с подростковыми телесными изменениями.

Также я рассмотрела беременность и ее периоды, представленные в исследованиях Х. Дойч, по авторитетному мнению которой материнскую функцию стоит рассматривать как «фаллический опыт женщины». В известной работе «Психоанализ женских сексуальных функций» Хелен Дойч рассматривает беременность и роды, наряду с такими значимыми для становления женской идентичности событиями, как менструация, дефлорация, сексуальный акт, послеродовые переживания, лактация и т. д. При этом психоаналитик указывает, что «драматизм обретения идентичности для женщины сопряжен с последовательным и периодическим переживанием психических и телесных потрясений, имеющих характер травм» (Дойч, 2013). Все перечисленные выше события на пути к обретению идентичности «складываются из переживания и компенсации нарциссических обид, вызванных кастрационными открытиями». Телесные события воплощаются в кровотокающих травмах: «именно это относится к менструации, дефлорации, оплодотворению, родам и климаксу», говорит Х. Дойч. Таким образом, по мнению ученой, женщина по природе своей

должна терпеть боль, чтобы достичь полной идентичности. Каждое из таких потрясений, несомненно, связано с новым телесным опытом, с пониманием новых возможностей и ограничений женщины, их интеграцией в целостное Я. Таким образом, беременность и роды – это определенные ступени инициации на пути к новым ипостасям женственности, связанным прежде всего с осознанием репродуктивной функции и открытием материнского Я.

Концепция Х. Дойч описывает становление женской идентичности следующими ключевыми тезисами:

1. Становление женщиной связано с установлением «материнской функции влагалища», энергия при этом проистекает из катексиса всего женского организма.

2. Процесс родов психоаналитик трактует как «оргию мазохистического удовольствия и страха», при этом страх смерти связан с актуализацией деструктивных влечений в родовом процессе.

В исследованиях Бонапарт, в т. ч. исследованиях беременности, женское функционирование, как и у Х. Дойч, рассматривается в целом как мазохистическое, так как роды по сути повторяют родовую травму.

Дж. Кестенберг сформулировала теорию, в которой описываются фазы беременности, их влияние на соотношение структурных элементов личности женщины. Данные представлены в *таблице 1*.

Таким образом, во время беременности у женщины возникает ряд новых телесных и эмоциональных переживаний, которые сопровождают прогрессивные трансформации в организме и регрессивные внутриспсихические тенденции. Происходят изменения половой идентичности за счет нового восприятия тела и женских половых органов. Самым важным преобразованием является открытие женственности через перцепцию ранее недоступных ощущений, принятие функций матки, отказ от маскулинности.

На *рисунке 1* представлены сущностные характеристики беременности, которые отражены в психоаналитических исследованиях.

Исходя из данных рисунка, можно с уверенностью утверждать, что одним из ключевых аспектов данного периода (беременности) является актуализация ранних объектных отношений с матерью, с характерными для них потребностью в близости, заботе и соучастии. Женщина переживает собственную уязвимость, при этом прогрессивные тенденции связаны с повышением чувства собственного достоинства, чувства женственности.

К регрессивным тенденциям личностного функционирования женщины во время беременности (по Х. Дойч) можно отнести:

– в первом периоде беременности, связанном с усилением нарциссизма, регресс к оральной стадии развития. В частности, бессознательное желание изгнать плод реализуется через рвоту и т. д.

– во втором периоде беременности с характерным для него вторичным нарциссизмом регресс к анальной стадии. В этом периоде могут актуализироваться враждебные тенденции к изгнанию, боли и т. д.

Следует отметить, что в зависимости от протекания второй стадии личностные трансформации женского Я могут осуществляться по двум

Фазы беременности и динамика внутриличностных образований по Дж. Кестенберг (Мордас Е. С., 2013)

Фаза беременности	Физиологические изменения	Психологические изменения
Первый триместр	Происходит зарождение ребенка. В организме женщины происходит ряд физиологических и системных изменений (в том числе внутригенитальные изменения), порождающих новые реакции тела, влечения, предпочтения во вкусе, еде и т. д. Формируется плацента – как орган коммуникации с плодом.	Актуализация ранних генитальных фаз. Принятие плода и подтверждение новой идентичности. Актуализируются оральные конфликты, оральная регресс.
Второй триместр	Визуальное расширение тела женщины. Ребенок растет, мать адаптирует свое физическое состояние, положение тела для достижения стабильности и обеспечения надежного «контейнера» для ребенка. Появляются эмбриональные движения.	Преобладание анально-садистических регрессивных тенденций. Появление чувства амбивалентности, ощущения отсутствия контроля над растущим ребенком. Задача стадии: принять ребенка как «хорошего, чистого» объекта, справиться с регрессивными тенденциями.
Третий триместр	Один из самых сложных периодов беременности, набор веса и быстрый рост малышей. Быстрая утомляемость, неуклюжесть матери, появление желания поскорее освободить себя от тяжести.	Повышение тревожности, регрессивных тенденций, связанных со страхом преждевременных родов, потери ребенка, смерти. Задача стадии: разрешение конфликтов, преобразование агрессии в активность во время родов. Становление основы для развития триадных отношений.

сценариям. В первом случае реакция на беременность переживается дискомфортом и даже депрессией. Приведу пример, который наглядно представлен в мемуарах известной французской актрисы Брижит Бардо. Женщина не хотела принимать свою беременность и описывала ее следующим образом: «Ребенок был как опухоль, которая питалась мною, которую я носила в своем разбухшем теле...» После родов актриса отказалась от грудного вскармливания, не захотев «уродоваться ради бесчеловечной роли кормилицы». Актриса так и не приобрела материнский инстинкт, не желая потерять амплуа «женщины-девушки» и прочувствовать радости материнства.

Другие женщины в период беременности расцветают, в них растет чувство собственного достоинства как результат восприятия ребенка как

Рис. 1. Характеристики беременности как процесса, влияющего на обогащение женского Я и формирующего основы материнского Я

продукт сублимации. Прогрессивные тенденции связаны с возможностью обновления ранних отношений и эмоций (прежде всего с матерью) и идентификации с ней.

Регресс ярко проявляется в период рождения ребенка, после родов состояние женщины сопоставимо с переживанием тяжелой потери, ощущением разрыва. Здесь уместно вспомнить представления З. Фрейда о том, что беременность способствует избавлению от комплекса кастрации у женщин, и можно говорить о переживании сильнейшей кастрации в момент, когда ребенок уже появился на свет, а на живот роженицы кладут грелку со льдом. Женщина в этот момент как бы бессознательно укладывает руки под грелку, она ощупывает живот, пытается осознать и принять тот факт, что ее «контейнер» пуст, до конца не веря, что ребенок – уже отдельное существо, она уже не обладает им в полной мере, произошел «разрыв». У многих женщин есть ощущение, что до конца еще связь не утрачена, но после рождения «последа» наступает чувство облегчения, с одной стороны, а с другой – опустошения и некоторого сожаления о том, что совместное сосуществование прекратилось. По Д. Пайнз, в послеродовой период начинается процесс адаптации к «чувству опустошенности в том месте, где был ребенок» (Пайнз, 2003).

С психоаналитической точки зрения данный факт переживания тяжелой «потери» во время родов аналогичен процессу коитуса. При этом ребенок – объект внешнего мира, а во время родов он в последний раз воспринимается как часть тела женщины и в то же время является уже

отдельным существом. Воссоединение матери и ребенка, субъекта и объекта возможно через процесс лактации, который также олицетворяет коитус, основанный на оральной инкорпорации. Снова наступает кризисная точка, требующая от женщины формирования нового вида диадных, а далее и триадных отношений.

Говоря о регрессивных тенденциях во время беременности, следует отметить, что одними из распространенных являются страхи, тревоги и конфликты, актуализация бессознательного желания женщины наказать себя невынашиванием плода.

В данном контексте рассуждения считаю важным обратиться к исследованиям Диноры Пайнз, в частности к ее труду «Бессознательное использование своего тела женщиной». Психоаналитик утверждает, что протекание беременности, способность женщины к вынашиванию плода и преодолению напряженных амбивалентных чувств напрямую связаны с особенностями ее психического развития в раннем детстве. При этом ключевым тезисом в теории Пайнз считаю следующий: тело женщины бессознательно используется ею для того, чтобы избежать психического конфликта, при этом исходы для женщины могут быть довольно болезненными и травматичными, в частности – невынашивание плода или аборт. Кратко расшифрую этот тезис. Во время беременности, особенно первой, оживают конфликты раннего генеза, но для их решения нужны новые способы (как внутренние, так и внешние). Поэтому именно первая беременность – это некая точка бифуркации, в которой происходят необратимые трансформации в личностном функционировании: от дочернего, зависимого – к материнскому, ответственному; от девичьего образа – к образу полноценной женщины – матери. Имеют место процесс индивидуации, сепарации от матери, решаемый за счет утверждения права на свое тело, взрослости и самостоятельности действий. Именно беременность «дает телесное подкрепление» процессу идентификации с внутренним образом матери. Временные регрессивные тенденции, которые проявляются как болезненные симптомы, обостряющиеся конфликты и амбивалентные чувства к матери и ребенку, по мнению Д. Пайнз, решаемы и могут иметь позитивные исходы в плане развития идентичности женщины. Это возможно, если в детстве у женщины была «достаточно хорошая мать», в противном случае женщина не способна справиться с конфликтными тенденциями внутри себя и проецирует их на нерожденного ребенка. В случае если мать беременной женщины в ее детстве была «достаточно хорошей», фаза так называемого регресса к ранним стадиям психосексуального развития станет для женщины приятным переживанием, в этот период для нее откроются возможности духовного развития, а ее самооценка на фоне происходящего будет расти. Если же двойственные чувства по отношению к матери, сформировавшиеся на ранних стадиях психосексуального развития, а также конфликты, связанные с этими чувствами, все время оставались неразрешенными, а в настроении женщины, как и в ее отношениях с матерью и партнером, преобладают крайне негативные эмоции, период возврата к ранним стадиям идентификации является триггером для возврата всех переживаний, что ранее

оставались в тени. При этом тело женщины, которое она бессознательно использует для решения своих внутриличностных конфликтов и вытеснения травматических событий детства, может физически отвергнуть ребенка выкидышем.

Также важно отметить, что ребенок может восприниматься женщиной как «аспект плохого собственного Я», который следует изгнать. Такие женщины в раннем детстве тоже имели отношения с матерью, пронизанные чувством вины, разочарованием и гневом. Анализ клинических случаев, представленных в трудах Пайнз, позволяет утверждать, что такие аспекты душевной жизни причиняют сильную боль и требуют значительных усилий для преодоления гнева, избавления от плохого в себе. Непроработанные травмы ранних объектных отношений могут возвращаться, и это будет проявляться даже при сознательном желании выносить и родить ребенка. Например, выливаться в пассивную самоагрессию – нежелание следить за своим здоровьем в период беременности (а как следствие – появление симптомов угрозы выкидыша – кровотечений и т. д.); пугающие сновидения, усиление старых конфликтов (в столкновении старой и новой идентичности женщины). Психоаналитик приводит примеры клинических случаев, когда женщина использует свое тело для беременности, бессознательно пытаясь эмоционально возместить первый аборт. При этом, не имея достаточного эмоционального развития, женщина снова не способна принять ответственность за свое тело, за ребенка, и «вырасти во взрослую женщину». Таким образом, по мнению Д. Пайнз, прибегая к постоянному абортированию, женщина бессознательно старается избавиться от ее «зависимого, плохого младенческого Я» (Пайнз, 1997).

Нездоровое, всепоглощающее чувство вины, возникающее в детстве как следствие травматичных эдипальных влечений и не получившее осознанности в ходе взросления, может привести женщину к бессознательному желанию наказать себя. Одним из видов такого наказания является самонаказание – невынашивание беременности, абортирование. Неосознанные, нерешенные желания маленькой девочки, которые накладываются на нормальную амбивалентность чувств к плоду, могут стать причиной душевной боли и компульсивных поступков.

Таким образом, по Д. Пайнз, беременность является доказательством половой принадлежности женщины и наличия тела, готового к продолжению рода, однако, даже если женщина обладает зрелым телом, способным к репродукции, она может не обладать зрелым Эго и быть не готова к ответственности, которую возлагают на нее беременность и материнство. Только своевременная психологическая помощь сможет помочь избежать нежелательных психосоматических последствий, сделать опыт беременности значимой фазой развития идентичности женщины, на которой возможно «дальнейшее развитие и созревание собственного Я».

Этапы развития женской идентичности связаны с осознанностью каждого события на пути к новой социальной роли: девушки, женщины, матери и т. д. Нерешенные конфликты и характер объектных отношений с матерью играют одну из ключевых ролей в преодолении кризиса

беременности и принятии новой идентичности. Приведу еще один пример, на основе анализа работ К. Эльячефф и Н. Эйниш, в частности «Дочки-матери. 3-й лишний?» (Эльячефф, Эйниш, 2014). Авторы с точки зрения психоанализа описывают пути развития материнского Я, указывая на зависимость этого процесса от характера отношений женщины со своей матерью. Согласно их теории, то, как меняется отношение женщины к собственной беременности и материнству, можно понять, если исходить из того факта, что в сознании женщин иногда имеет место дифференциация понятий «быть матерью» и «иметь детей». Для тех, кто сконцентрирован на второй формуле, как правило, характерно желание обладать объектом. Это желание приносит удовлетворение, однако К. Эльячефф и Н. Эйниш указывают на то, что такое обладание является лишь относительно счастливым. Первая же формула, а именно формула «быть матерью», подразумевает способность женщины измениться, сформировать новую идентичность. Тем не менее, согласно авторам работы «Дочки-матери. 3-й лишний?», такие трансформации могут стать причиной сильной боли. Они объясняют это тем, что идентичность женщины всегда невероятно сильными узами связана с тем, как женщина относится к своей матери.

Отмечу, что К. Эльячефф и Н. Эйниш выделяют несколько типов реализации себя в материнстве: женщина может быть «женщиной в большей степени, чем мать», «матерью в большей степени, чем женщиной», той, кто не подходит ни под одну из категорий или же «и матерью, и женщиной одновременно». Первая категория – «в большей степени матери» – всецело поглощена опекой над своими детьми, тогда как «в большей степени женщины» сконцентрированы на каком-либо внешнем объекте, который не имеет отношения к материнству. «Матери в большей степени, чем женщины» склонны к так называемому платоническому инцесту, и в этих отношениях исключено присутствие какого-либо иного участника отношений, «женщина в большей степени, чем мать», в противоположность «матери в большей степени, чем женщине», может испытывать привязанность к каким-либо другим объектам, но не к ребенку. Именно поэтому реализация материнских функций у женщин второго типа сталкивается с большим количеством трудностей. Несмотря на ряд трудностей, которые возникают у женщин разного типа в освоении материнских функций, все же большинство из них стремятся реализовать себя в роли материнства.

Желание иметь ребенка является частью развития женственности. Период вынашивания беременности – это время, когда желания, возникшие еще в детстве, достигают своего пика. Как представляется, это связано с тем, что их исполнение наконец-то стало возможно, то есть во время возникновения стадии взрослого развития. Три триместра беременности представляют собой невероятно важный период, поскольку мечты и фантазии, сформировавшиеся еще на ранних стадиях развития, встраиваются в видение и переживание мира и окружения в более взрослом периоде. Женщина испытывает множество новых ощущений, ее тело меняется. Настроение ее также часто не является стабильным, поскольку оно, как и тело, подвержено трансформациям. Беременность предо-

ставляет женщине прекрасную возможность разрешить конфликты в дочерне-материнских отношениях.

Рассмотрим факторы развития здоровой идентичности женщины в период беременности и после нее.

Беременность является важным периодом развития идентичности женщины, этапом ее становления. Именно в этот период происходит трансформация множества сторон жизни, изменение самосознания, модификация ценностно-смысловых составляющих. Период беременности – время обострения противоречий внутри идентичности. На данном этапе своей жизни женщина становится очень уязвима, что обязательно нужно учитывать при построении отношений с беременной.

Развитие идентичности женщины в этот период зависит от ряда факторов и может реализовываться по здоровому, адаптивному и дезадаптивному типу.

В *таблице 2* обобщены характеристики данных типов развития идентичности и описаны факторы, влияющие на формирование каждого из них.

Характеристики Эго беременной женщины определяют нормативность ее чувства собственного Я, а также ее готовность к беременности и рождению ребенка. В зависимости от способности пережить кризис беременности определяется уровень ее либидинозного развития. Во время беременности активизируется сознательная и бессознательная деятельность, связанная со строением Ид, Эго, Супер-Эго. Психологической особенностью беременной женщины является актуализация мечтаний и представлений, имевшихся в пубертатном периоде: происходит интеграция прежних фантазий в текущую взрослую позицию и реальность. Этот процесс происходит на протяжении всех девяти месяцев. Кроме того, обогащается структура Эго, так как беременная женщина воспринимает будущего ребенка как Эго-Идеал. Собственное Я у беременной женщины пополняется новыми эмоциональными переживаниями вследствие изменений во всем организме и телесных ощущений. Также стоит отметить, что в силу психофизиологических изменений актуализируются либидинальные и агрессивные тенденции Ид (Мордас, Харисова, 2018).

В заключение следует подвести основные итоги исследования. Итак, я изучила сущностные характеристики беременности в трудах выдающихся психоаналитиков. Выявила при этом, что данный период понимается как фаза развития идентичности женщины, имеющая регрессивные и прогрессивные показатели. Классический психоанализ трактует беременность как способ избавления от комплекса кастрации, необходимый шаг для окончания психосексуального развития женщины, разрешения множества внутриспсихических конфликтов, которые были приобретены в ранних объектных отношениях. Такие события в жизни женщины, как оплодотворение, беременность, роды, являются, по сути, травмирующими телесными потрясениями, в результате чего женщина приобретает уникальный опыт, полностью трансформируется ее личность. Претерпевая боль, как физическую, так и душевную, будущая мать приобретает ряд ценных характеристик: способность к вынашиванию и

Таблица 2

**Типы развития идентичности женщины
и факторы, обуславливающие их**

Название типа развития идентичности	Основные характеристики	Факторы, способствующие становлению данного типа
Здоровый тип развития идентичности	Ориентация на ценности осмысленности, развитие способности к преодолению трудностей и конфликтов в кризисный период.	Физиологические показатели в норме. Высокая степень развития эмоциональной регуляции. Эмоциональная связь с партнером установлена. Оценка опыта беременности как значимого для женщины. Последовательная система ценностей, активная жизненная позиция.
Адаптивный тип развития идентичности	Пассивность в поведенческих аспектах, недостаточная способность к осознанному выбору, принятию ответственности за него.	Возможны симптомы усталости, плохого самочувствия. Недостаточная поддержка близких, возможно отсутствие официального брака. Процесс самоопределения слабо выражен. Отношение к себе – противоречивое, эмоциональный фон – негативный.
Деадаптивный тип развития идентичности	Намеренное прерывание беременности.	Преобладают эгоистические внутренние убеждения женщины, доминируют утилитарные ценности. Характер отношений беременной женщины с матерью (избавление от плода приобретает смысл символического убийства матери внутри себя, лучше прервать беременность, декларируя тем самым ненависть к матери, лучше покалечить себя; прерывание беременности – как кровавая плата за то, чтобы стать только женщиной, но не стать матерью). Отсутствие материальных ресурсов и условий жизни. Отсутствие поддержки близких, наличие опыта аборта и т. д.

сохранению плода, сосредоточенность на проблемах созревающего плода, умение минимизировать эгоистические потребности, самореализацию идентичности.

Также было выявлено, что развитие женского Я во время беременности и родов неразрывно связано с новым опытом телесных ощущений, в том числе с переживанием сильной боли, ощущением опустошения после родов и т. д. Понимание назначения женской идентичности, границ и функций своего тела, а также наличие осознанного стремления и готовности к беременности и материнству облегчают боль, конфликты и кризис беременности в целом. Наличие патологий, а также комплекса физиологических, социальных и психологических факторов провоцирует развитие регрессивных тенденций, отождествляя беременность с болезнью.

Особое внимание было уделено внутриличностным трансформациям во время беременности, когда происходит идентификация с материнским образом, формируются новые качества. Каковы эти качества, во многом определяется бессознательными воспоминаниями женщин о собственном периоде младенчества и контакте со своими матерями. Таким образом, совершается сложная психическая работа идентификации с ролью матери. На этом пути женщина также сталкивается с рядом нерешенных внутриличностных конфликтов, болью и неотреагированным гневом и может использовать тело для самонаказания, результатом чего могут стать выкидыш или аборт.

Многую были изучены основные факторы, способствующие формированию здорового типа развития идентичности женщины в период беременности и родов: для этого необходимы осознанное желание «быть матерью», эмоциональная зрелость и социальная поддержка. Были конкретизированы условия, определяющие направление развития идентичности, к которым можно отнести возраст женщины, ее семейный статус, степень подверженности стрессу, материальное положение, триместр беременности. Все эти факторы влияют на психологическое состояние беременной женщины в зависимости от того, в каком направлении происходит развитие идентичности.

Таким образом, в данной статье мне удалось показать, что, в соответствии с психоаналитическим взглядом на природу женской идентичности, каждая женщина терпит боль, претерпевает душевные кризисы и травмирующие телесные переживания, что лежит в основе ее инициации как женщины и матери в полном смысле этого слова. Отказ от таких фаз развития, как беременность и роды, либо неспособность справиться с данными кризисными периодами могут свидетельствовать о наличии бессознательных регрессивных тенденций, препятствующих полной самореализации женского Я.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардо Б. Инициалы Б. Б. М.: Вагриус, 1997. 76 с.
2. Блох М. Е. Психоанализ беременности // В сборнике: Детский психоанализ: прошлое, настоящее, будущее. Сборник научных трудов по материалам

- международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ф. Дольто / Под ред. М. М. Решетникова. 2019. С. 106–117.
3. Дойч Х. Психоанализ женских сексуальных функций. Ижевск: ERGO, 2013. 108 с.
 4. Мордас Е. С., Харисова Р. Р. Беременность как стадия личностного развития женщины // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 2. С. 135–150.
 5. Мордас Е. С. Беременность и обретение женственности // Психолог. 2013. № 3. С. 164–185.
 6. Пайнз Д. Беременность и материнство // Психология и психоанализ беременности. Хрестоматия. М.: Бахрах-М» 2003. С. 492–545.
 7. Пайнз Д. Бессознательное использование своего тела женщиной (психоаналитический подход). СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1997. 193 с.
 8. Фанти С. Микропсихоанализ. М.: ЦПП, 1997. 400 с.
 9. Филиппова Г. Г. Психологическая готовность к материнству // Хрестоматия по перинатальной психологии / Сост. А. Н. Васина. М.: УРАО, 2005. С. 62–66.
 10. Фрейд З. Введение в психоанализ. М.: Наука, 1989. 456 с.
 11. Хорни К. Женская психология / СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993.
 12. Эльячефф К., Эйниш Н. Дочки-матери. 3-й лишний? М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. С. 61–63.
 13. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ., общ. ред. и предисл. Толстых А. В. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.

To be a woman is to endure pain

M. V. Karpacheva

Karpacheva Marina Valeryevna, Psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytically oriented psychotherapist, associate member of Moscow Psychoanalytic Association.

The article examines the problem of the formation of female identity during pregnancy and childbirth, presented from the point of view of a psychoanalytic approach. The essential characteristics of the pregnancy process are analyzed in the works of famous psychoanalysts: Z. Freud, K. Horney, J. Kestenberg, D. Pines and others. It has been proven that pregnancy and childbirth represent one of the necessary stages in the formation of female identity, completing her psychosexual development. The main characteristics of pregnancy as a crisis point in the modification of all spheres of a woman's life are revealed, regressive and progressive tendencies during this period are analyzed. The main factors influencing the healthy, adaptive and maladaptive type of female identity development have been identified. The conditions favorable for identification with the internal image of the mother, as well as the factors that complicate and cause pain and trauma to emotionally immature women in the course of the formation of their maternal self are studied in detail. The article proves that being a woman involves the passage of a number of traumatic events for the body and soul, bodily experiences, in which the identity of the feminine and maternal self is enriched.

If it is impossible to endure pain, crisis moments during pregnancy on the basis of a conscious approach to this process, it is also impossible to truly become a woman.

Keywords: pregnancy, female identity, crisis, object relations, childbirth, motherhood.

Психоаналитический взгляд на феномен «токсичности»

Т. Р. Валеев

Валеев Тимур Рафидович – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный консультант. Сооснователь международной платформы PSY.one.

В статье представлен психоаналитический взгляд на понятие «токсичность». Основываясь на явлениях переноса, проекции, проективной идентификации и сопротивления, автор предлагает собственную формулировку понятия «токсичность» и описывает механизм работы данного феномена. Токсичность – бессознательная чрезмерная реакция психологических защит одного человека при столкновении с механизмами защит другого. Материал основан на работах Зигмунда Фрейда, Мелани Кляйн, Уилфреда Биона и Нэнси Мак-Вильямс.

Ключевые слова: токсичный, токсичность, токсичные отношения, психология токсичности, токсичный человек, психологические защиты, интоксикация психики, объектные отношения, проекция, перенос.

Яд для стрел. Невидимая токсичность единого психического поля

В психологии и психоанализе нет четкой трактовки термина «токсичность». Есть такое понятие, как «ядовитость отношений». Существуют полярные взгляды на это понятие у различных экспертов. Кто-то приписывает токсичность одному человеку, называя его токсичным, кто-то выделяет токсичность как характеристику отношений между конкретными людьми. Они могут сопровождаться сложными негативными эмоциями, дискомфортом, перекладыванием вины на других. Слово «токсичный» было названо словом года в 2018 году по версии Oxford Languages (2018).

При этом утверждается, что токсичность может сопровождать людей в различных сферах. Это слово используют для характеристики не только отношений, но и политиков, описания рабочих мест, культурных событий и стресса. Oxford Languages определяет токсичность как «ядовитость» (от греческого *toxikon pharmakon* – «яд для стрел»). В медицинских справочниках по латыни в обязательном порядке отмечается, что термин «токсичность» обозначает не яд в буквальном смысле, а только тот яд, который относится к луку и стрелам (Латинский язык. Основы медицинской терминологии, 2021). Соответственно, у термина есть два связанных понятия: сам яд и то, что его доставляет. Поэтому в рамках токсичного действия на человека мы в психологии должны учитывать оба этих фактора – то, что для психики является ядом, и то, что этот яд доставляет. Взаимное влияние психики одного человека на психику другого в разных психологических школах называют по-разному. Это и перенос, о котором писал Фрейд, и теория психологического поля Курта Левина, и проективная идентификация Мелани Кляйн. Но в любом случае мы говорим про внутренние психические переживания одного человека при столкновении с окружающим его физическим и психическим пространством.

Перед погружением в конкретику отдельно стоит описать работу механизма психологических защит. Они очень важны для понимания психологического процесса адаптации и декомпенсации в рамках объяснения токсичности. И здесь нужно отметить, что понимание механизма защит у Фрейда трактовалось в усеченном смысле и имело именно оборонительный смысл. Если взять более поздние работы по теме психологических защит, то стоит привести классификацию Нэнси Мак-Вильямс. По ее мнению, «человек, применяющий защиту, обычно пытается бессознательно реализовать одну (или обе) из двух функций. В первом случае избежать или справиться с мощными угрожающими чувствами (тревога, глубокое горе, стыд, зависть) или другими дезорганизирующими эмоциональными переживаниями. Во втором случае поддержать самооценку» (Мак-Вильямс, 2015). Она также отмечает, что у человека есть предпочитаемые защиты. «Стиль копинга (механизм для преодоления стресса) интегрирован. И он связан: с процессом научения (опытом переживания последствий использования конкретных защит); природой детских стрессовых факторов; защит, смоделированных значимыми взрослыми; конституциональными особенностями» (Мак-Вильямс, 2015). Согласно исследованиям Фиби Крамер, «защиты – бессознательны, развиваются предсказуемо по мере взросления, присутствуют в нормальной личности, во время стресса используются более интенсивно, снижают сознательное проживание негативных эмоций, задействуют автономную нервную систему, при избыточном использовании связаны с появлением психопатологии» (Мак-Вильямс, 2015). Также стоит отметить, что защиты классифицируются как первичные, или менее зрелые (архаичные), и вторичные (защиты высшего порядка). Разница между ними заключается в границе, на которой происходит борьба (или возбуждение, включение этих защит). «В первом случае речь идет про границу между человеком и окружающим миром, во втором случае – между

Эго (Суперэго) и Ид, или между наблюдающей и переживающей частями Эго» (Мак-Вильямс, 2015).

Также важно сказать, что при описании токсичности мы должны учитывать явление сопротивления. А точнее, психический механизм, препятствующий проникновению в бессознательное (по Фрейду), или отыгрышивание (по Шарко).

Исходя из вышесказанного, предложу трактовку термина «токсичность», опираясь на психоаналитический взгляд. *Токсичность – бессознательная чрезмерная реакция психологических защит одного человека при столкновении с механизмами защит другого.*

Переполненный контейнер: механизмы запуска внутренней токсичности

Рассмотрим токсичность как причину активации психологических защит. Возникает она в психике одного человека при взаимодействии с психикой другого. Основан данный принцип на явлениях переноса, проективной идентификации, проекции и сопротивления. Чем сильнее испытываемые негативные эмоции, тем быстрее происходит угнетение психики и ее интоксикация. *Психологическая интоксикация – это накопление негативной энергии из-за чрезмерной работы механизмов защит и сознательных или бессознательных запретов на эвакуацию негативных чувств и напряжения.* Нервная система запускает процессы адаптации и компенсации, пытаясь привести организм к динамическому равновесию (гомеостазу). Саморегуляция происходит за счет подключения других, в первую очередь психических источников компенсации и адаптации. На начальном этапе борьбу со стрессом организм берет на себя, что выливается в различные психосоматические симптомы. При продолжающемся или повторяющемся действии внешнего раздражителя происходит интоксикация нервной системы, способы саморегуляции не справляются с негативными чувствами и напряжением. В этом случае угнетенная нервная система будет искать самый безопасный или привычный для человека способ разрядки. Главная задача – устранение неудовольствия. При наличии сознательных или бессознательных запретов на внешнее проявление негативных чувств и невозможности отреагирования (разрядки) происходит аффективное неконтролируемое вытеснение негативной энергии. *Токсичность – это негативное нервное напряжение, возникающее в самом организме.*

Принцип токсичности близко связан с понятием проективной идентификации. Можно рассмотреть этот механизм защиты с точки зрения Мелани Кляйн или Уилфреда Биона. Проективная идентификация – это всемогущественная фантазия о том, что нежелательные части личности и внутренние объекты можно устранить, спроецировать и управлять ими через объект, на который они спроецированы. В первую очередь речь идет о младенце, который пытается управлять своей матерью. «Вместе с этими губительными, в ярости изгоняемыми экскрементами отщепленные части Эго тоже проецируются на мать или, лучше сказать, в мать.

Эти экскременты и плохие части себя предназначены не только для того, чтобы навредить объекту, но и для того, чтобы контролировать его и обладать им. Поскольку теперь мать содержит плохие части Я, она вос-

Рис. 1. Цилиндр, спроецированный в разные плоскости

принимается не как отдельный индивид, а как плохое Я. Большая часть ненависти к каким-то частям себя теперь направлена к матери. Это приводит к особой форме

идентификации, которая создает прототип агрессивных объектных отношений. Я предлагаю назвать этот процесс "проективная идентификация"» (Кляйн, 2009).

Уилфред Бион в свою очередь продолжил мысль Мелани Кляйн, рассмотрев проективную идентификацию также через призму отношений матери и младенца. Он считает, что проективная идентификация – первый способ коммуникации. Это не только вид мышления, но и способ познания психики. Именно он находится в центре эмоционального взаимодействия матери и ребенка (Бион, 2008). И в данном случае мы видим, что проективная идентификация возникает у ребенка. Но что же происходит с матерью в рамках этих отношений? У нее как раз происходит реакция токсичности, если ребенок слишком настойчив в своем всемогуществе, или психика матери нестабильна и угнетена. У Биона довольно четко прописан подобный механизм через понятия α -функции и β -элементов. β -элементы воспринимаются как вещи в себе и играют решающую роль при отыгрывании. α -функция преобразует усвоенное восприятие в α -элементы. «Они похожи (а на деле могут быть идентичны) на зрительные образы, знакомые по сновидениям, т. е. в те элементы, которые Фрейд рассматривал как производные от их латентного содержания при интерпретации аналитиком» (Бион, 2008). Если рассмотреть взаимодействие матери и ребенка, то младенец, переполненный страхом и тревогой, проецирует их в мать. И именно ее зрелый психический аппарат должен быть способен переработать (прожить) эти эмоции. Но самое главное, эти сложные эмоции не должны ее разрушить. После переработки мать возвращает ребенку новые, уже переработанные и безопасные для него чувства и эмоции. В данном случае мы видим, как ребенок интроецирует уже переработанные эмоции. Его нестерпимые β -элементы контейнируются и преобразуются матерью в α -элементы (Бион, 2008).

Получается, что предложенное мной понятие токсичности возникает как ответ на работу психологических защит, в том числе и проективной идентификации. Речь идет, если взять терминологию Биона, про неспособность человека выполнять α -функцию. Контейнер не справляется с нагрузкой, некоторые нестерпимые чувства в виде β -элементов другого человека, возбуждают нервную систему, но происходит не их переработка в α -элементы, а принятие чужих β -элементов как своих. «Альфа-функция играет ведущую роль в преобразовании эмоционального опыта в альфа-элементы, поскольку чувство реальности важно для индивидуума так же, как пища, питье, воздух и выделение переработанных продуктов» (Бион, 2008). Но в моем понимании понятие токсичности шире α -функции и работает в рамках любой бессознательной реакции. Токсичность

возникает в момент включения психологических защит, когда психика человека чувствует угрозу от психического поля другого.

Биология или психология: какой токсин нас убивает?

Принцип действия механизма психологической токсичности можно объяснить через аналогию с действием на человека различных токсичных веществ. Токсин в природе используется многими живыми организмами в качестве защит. Он используется как для нападения и убийства (чтобы выжить и прокормиться), так и для собственного выживания (как защита от внешних посягательств). Поэтому важно понимать, что токсин у живых организмов (от бактерий и грибов до растений, насекомых и животных) – это всегда защитный механизм. И именно он потенциально опасен для других. Яд, или токсин, в организме носителя не убивает его, но, попадая в организм другого, приводит к различным последствиям вплоть до летального исхода. То же самое происходит и с человеческой психикой. Психологические защиты используются для выживания. Поэтому несут в себе и функцию нападения. Психологические защиты одного человека, как токсины, за счет единого поля, попадая в психическое другого, возбуждают механизмы защиты. В данном случае происходит действие по двум основным сценариям. Психологические защиты (токсины) другого человека оказываются инородными и незнакомыми, психика человека пытается их идентифицировать и сравнить с прошлым опытом или адаптироваться под новые условия через процесс научения. Если же они вызывают отклик прошлого в бессознательном или сознательном, то реагирование идет по привычному сценарию. Должен отметить, что условно «токсичным» для других человек становится при активации собственных механизмов защит. Человек не всегда и не во всех ситуациях бывает токсичным. В каждый период его жизни различные ситуации и даже окружение могут запустить работу психологических защит, которые другими будут восприниматься как токсичные.

Любой химический токсин, проникая в человека извне, запускает процессы внутри тела. У каждого токсина при попадании в организм есть не только конкретный механизм действия на конкретные вещества (клетки, межклеточную жидкость, гормоны и т. д.). У токсина есть конкретная цель, которую он поражает, вызывая те или иные последствия. И здесь важно понимать, что не все токсины одинаково опасны для всех организмов. Этот принцип можно объяснить на примере пчелы, которая ужалила человека. Токсин (его еще называют пчелиный яд) вызывает в организме бурную реакцию. Каждый элемент из состава яда (белковые элементы, биогенные амины, полипептиды) может стать аллергеном. Организм идентифицирует их как чужеродные, агрессивные. Включаются механизмы защитных реакций. *И, как ни странно, именно сам организм, из-за чрезмерной реакции, может себя убить.* Он направляет все силы на борьбу с чужеродным токсином и бьет по всем фронтам. Усиливается синтез медиатора гистамина и глобулярного белка иммуноглобулина Е. Из-за этого усиливается секреция слизи в железах, повышается проницаемость стенок сосудов и сокращается гладкость мускулатуры. И в данном случае

вновь развилка. Если у человека есть аллергия на пчелиный яд, то это может привести к летальному исходу (отек Квинке или анафилактический шок). Если аллергии нет, то летальный исход тоже возможен, из-за наступления интоксикации после многочисленных укусов.

Как мы видим, токсин запускает защитные механизмы, и организм реагирует не всегда адекватно. То же самое происходит и с психикой человека при контакте с другим человеком. Психологические защиты одного запускают в организме другого собственные защитные механизмы, которые провоцируют психику на сопротивление чужеродному (запускается ответная реакция на токсин). И тогда психика страдает из-за незнакомых чувств и переживаний, пытаясь адаптироваться или научиться с ними справляться, либо оказывается в более раннем травматическом опыте (регрессирует до состояния нахождения в психологически схожих обстоятельствах). Важно отметить, что разные токсины действуют на живой организм по-разному и поражают различные цели. Так происходит и с психикой. Защиты разного уровня одного человека могут действовать на определенные защитные механизмы другого. Возбуждение происходит по принципу домино. Один из партнеров условно «бросает кость» собственной психологической защиты на соответствующий уровень партнера. И попадает в один из элементов этого уровня. И в одном случае сигнал проходит нормально, все домино падает, и никакого застревания нет. А в другом случае некоторые из элементов цепи жестко зафиксированы (так как был неудачный опыт переживания подобных ситуаций). Происходит застревание сигнала. Партнер, «бросивший кость», чувствует это по реакции за счет переноса. Поэтому продолжает бессознательно бить именно в эту точку.

Бессознательный запуск психологических защит и их токсичное действие на психику

Для психоаналитического обоснования трактовки понятия «токсичные отношения» обратимся к работам Фрейда, Юнга, Кохута, Нэнси Мак-Вильямс.

В работе «Недовольство культурой» Зигмунд Фрейд отмечает, что мир устроен так, что угрозы страданий человека исходят со всех сторон. Он выделяет три главных источника страданий: брэнное тело, жестокая и неумолимая природа (стихия), отношения с людьми. Последний источник он называет наиболее болезненным (Фрейд, 2014). Термин «перенос» Фрейд использовал для характеристики отношений между клиентом и консультантом во время психоаналитической работы. Он выделил два вида переноса. «Перенос импульсов либидо» как проявление чувств влюбленности, тяги к терапевту и ожидания только хорошего. И «перенос защит» – как проявление неприятия консультанта, враждебности и подозрений. По мнению Фрейда, перенос является бессознательным процессом, принесенным из более ранних отношений с другими объектами. Перенос ошибочен, так как клиент приписывает консультанту образы, свойственные другим людям в других обстоятельствах. Перенос

может быть позитивным или негативным (с точки зрения эмоционального настроения).

Карл Юнг считал, что перенос – это вполне нормальное проявление отношений между людьми. И он в своих рассуждениях пошел дальше, чем Фрейд, а именно – в изучение переноса с точки зрения не причин его возникновения, а цели. В своих работах он отмечает довольно важное наблюдение: явление переноса носит не только личностный характер, но и элементы коллективного бессознательного (Юнг, 1997).

В данном рассуждении мы переходим к ключевому понятию отношений между людьми – проекцией. А именно к бессознательному процессу наделения других людей (явлений природы, животных и даже внутренних органов) собственным психическим содержанием. Человек ошибочно воспринимает свои внутренние процессы как происходящие вовне. Обычно проецируются несовместимые с собственными моральными принципами бессознательные желания. Психологическая защита проекцией тесно связана с явлением переноса. Проекция возникает в процессе взаимодействия людей на бессознательные переносы и связана с сопротивлением проникновению в собственное бессознательное.

В рамках данной статьи нет необходимости приводить огромный перечень различных видов переноса, от зеркального до нарциссического (подробно описанного в работах Хайнца Кохута). Важна сама суть происходящего в психике: *проекция – это бессознательная реакция на перенос*. В теории психоанализа существует и другой термин, показывающий идентичный механизм, – это контрперенос (реакция аналитика на клиента). То есть и со стороны клиента есть реакция защит на аналитика, и у аналитика есть реакция защит на клиента. Возникающие в процессе противоречивые эмоции и чувства – это и есть токсичность. И она касается не только работы в кабинете терапевта, но и любого взаимодействия людей. Многие психоаналитики в своих работах призывали отказаться от термина «контрперенос». Бреннер отмечал, что эти процессы идентичны и речь идет про перенос аналитика в аналитической ситуации (Brenner, 1985). Про проективную идентификацию я писал выше, могу отметить лишь то, что проективная идентификация больше схожа с детским чувством всемогущества и попытками управления и манипуляцией другими, исходя из собственных желаний. Поэтому токсичность подобных отношений может быть довольно высока.

Логика психического процесса взаимодействия двух и более людей заключается во взаимном действии защит и бессознательных проекций и переносов. У каждого они свои, каждый несет собственную ответственность за процесс. При этом токсичность отношений зависит от уровня включающихся защит. Чем ниже уровень включаемых защит, тем более токсичными являются для субъекта отношения. Получается, что уровень токсичности человека для окружающих заключается как в активности его защитных механизмов, так и в их природе. Здесь можно привести в качестве примера градацию защитных механизмов по уровням примитивности (Мак-Вильямс, 2015) и по способу психологического функционирования (всемогущий контроль, диссоциация, отрицание, расщепление Эго,

изоляция аффекта, интеллектуализация, сексуализация и т. д.). У каждой защиты есть внутренний потенциал (сила возбуждения) и конечная цель (способ разрядки). Главный механизм избавления от токсичности заключается в ослаблении внутреннего конфликта. И здесь можно говорить о способах регулирования собственных реакций на условную токсичность другого человека. Если это негативное состояние терпимо, то происходит адаптация и научение (для ускорения процесса поможет терапевтический процесс и собственная проработка). Работа происходит по принципу «достаточно хорошей матери» (Винникотт). Если токсичность другого невыносима для собственной психики, то единственный способ – избегать условного источника токсичности, тем самым обезопасить собственную психику от внутренних атак собственных же защитных механизмов. Именно включение различных психологических защит: аутоагрессии (разрушительные действия, направленные на себя), соматизации, вытеснения, изоляции, отыгрывания, рационализации, регрессии, сексуализации, сублимации – говорит нам о запуске процесса интоксикации психики. Она может носить аффективный характер (происходит стремительно) и накопительный (при длительном воздействии раздражающих факторов). Но в любом случае цель психических защит – ослабить внутриличностный конфликт (состояние напряжения и беспокойства) и избавиться от страданий. И важно отметить, что для понимания всей сути внутриспсихических конфликтов необходимо выявить основные элементы психической реальности, которые являются причиной возникновения этих конфликтов, и источники влечений, которые их запускают.

Что касается природы возникновения токсичных отношений, то здесь необходимо исследовать не только ранние годы жизни и младенчество человека, но и период беременности и даже зачатия.

Плод – это токсин, от которого невозможно убежать

Существуют клинические случаи аллергической реакции тела женщины на сперму партнера. Организм воспринимает белки как чужеродные, включаются защитные механизмы. Сама сперма становится токсичной для организма женщины. При этом на фертильность аллергическая реакция не влияет. Насколько же отвергаемым может стать в психическом поле женщины будущий ребенок, который приносил физический и психологический дискомфорт еще до самого факта зачатия?

Любая беременность сопровождается токсикозом или его проявлениями (тошнота, рвота, отеки). Это группа симптомов, осложняющих нормальный ход беременности. В медицине существует множество гипотез возникновения токсикоза, но точный механизм природы и развития до сих пор не установлен. Особенно опасны поздние токсикозы, так как могут стать причиной недостаточности (сердечной, почечной, легочной или плацентарной). Они могут привести к смерти матери или к тяжелым нарушениям в развитии плода. Мы видим, насколько сама беременность может вызывать у женщины не только биологические реакции организма, но и включать психологические защиты на присутствие иного в организме

(плод – это токсин, способный убить). Активируются основные защиты влечения к жизни и страха смерти. Женщина становится токсичной для окружающих (раздражительной, нервной, требовательной) или регрессирует до детской позиции (становясь плаксивой, беспомощной, уязвимой, всемогущей). Психическая реакция на токсичность другого (в данном случае плода, от которого невозможно убежать) включает все внутренние психологические защиты, которые организм пытается компенсировать из других внутренних и внешних источников. Беременность сопровождается частой сменой настроения, желаний, повышенной эмоциональностью. И это все не только гормональные и биологические процессы, но и психологическая реакция защитных механизмов. Получается, что на этапе беременности отношения плода и женщины токсичны. И тут важно понимать, насколько сама женщина проработана, какие защитные и компенсаторные психологические механизмы есть в ее арсенале. Также очень много зависит от окружения, как оно реагирует на токсичность беременной. Насколько оно может контейнировать ее тревоги и агрессию и способно выдерживать их, не включая собственные механизмы защиты и не вовлекаясь в токсичный круг.

После родов или прерывания беременности токсикоз проходит. И здесь мы начинаем следить за взаимодействием психики ребенка и матери в психоаналитическом ключе. Насколько последствия сложных родов или тяжелой беременности повлияли на психическое состояние матери, насколько она подвержена послеродовой депрессии. Как сформировавшаяся токсичность матери (за счет активизации внутренних психологических защит) отразится на ребенке в первые месяцы его жизни. Сможет ли мать сама кормить грудью или у нее пропадет молоко? Насколько это молоко от холодной и безжизненной матери будет токсичным и отравляющим? На данном этапе мы видим, что мать влияет на ребенка, а не он на нее. Его управление настроением и состоянием матери закончилось после родов. Теперь она либо будет ему мстить, либо примет таким, какой он есть, и не будет преследовать. Последние исследования показывают, что послеродовая депрессия характеризуется снижением активности ритмов головного мозга. Это в свою очередь сильно влияет на поведение матери по отношению к младенцу и его последующую психологическую адаптацию. Многолетние исследования на эту тему проводились на базе Санкт-Петербургского государственного университета. «Матери даже с легкими депрессивными состояниями не способны в полном объеме обеспечить уход за ребенком, они не ориентируются в его нуждах, не реагируют на его знаки общения. Все это осложняет материнско-детские отношения, ведет к искаженной социализации ребенка, становлению ненадежных типов привязанности у детей депрессивных матерей» (Батуев А., Соколова Л., 2007).

Поэтому если говорить о токсичности отношений, то с точки зрения психологии, психоанализа и биологии они присутствуют в жизни человека с самых ранних мгновений его формирования. И чем менее токсичны они были в первых отношениях (плод – женщина, мать – ребенок), тем

меньше возможных ранних психологических травм будет сформировано у человека. Тем меньше в дальнейшей жизни в момент сложных ситуаций будет включаться примитивных защит. А значит, менее токсичным будет сам человек для других.

Еще раз отмечу, что уровень токсичности человека для окружающих, связан с его способностью активизировать психологические защиты других, за счет включения собственных защитных механизмов. Чем примитивнее включаемые защиты, тем уровень токсичности выше. Окружение, которое не способно справиться с психологическими вызовами на том же уровне, вынуждено регрессировать до собственных ранних травматических психологических состояний.

Отмечу, что психоаналитический взгляд на схожую с токсичностью проблему, а именно абьюз, имеет другую природу, хотя и тесно связан с токсичностью отношений. Понятие «абьюз» в рамках данной статьи рассматриваться не будет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батуев А. С., Соколова Л. В., Станкевич Л. Н. Психофизиология матери и ребенка: итоги и перспективы. Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 3. С. 27–43.
2. Бион У. Р. Научение через опыт переживания. М.: Когито-Центр, 2008. С. 20, 23, 27, 57.
3. Кляйн М. Заметки о некоторых шизоидных механизмах. Психоаналитические труды: в VI т. Т. IV: «Эдипов комплекс в свете ранних тревог» и другие работы 1945–1952 годов. Ижевск: ERGO, 2009. XII + 312 с.
4. «Латинский язык. Основы медицинской терминологии». Пособие СПб., 2012. [Электронное издание] URL: http://gpma.ru/structure/chair/lat_lang/uchebnik.pdf
5. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика., М.: Независимая фирма «Класс», 2015. С. 150–151.
6. Фрейд З. Недовольство культурой / Пер. А. М. Руткевич. ОМКО, 2014.
7. Юнг К. Г. Психология переноса / Пер. М. А. Собуцкого, Рефл-бук, 1997; Ваклер, 1997.
8. Brenner C. (1985). Coimtertransference as compromise formation. *Psychoanalytic Quarterly*, 54: 155–163.
9. Oxford Languages, 2018. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2018/>

Psychoanalytic view of the "toxicity" phenomenon

T. R. Valeev

Valeev Timur Rafidovich, Master of Psychology (Higher School of Economics), psychoanalytically oriented consultant. Co-founder of the international platform PSY.one.

This paper offers a psychoanalytic representation of the term "toxicity". Based on the phenomena of transference, projection, projective identification and resistance, the author offers his own formulation of the term "toxicity" and describes the mechanism of this phenomenon. Toxicity is an unconscious overreaction of the psychological defenses of one person when faced with the defense mechanisms of another person. The material is based on the works of Sigmund Freud, Melanie Klein, Wilfred Bion and Nancy McWilliams.

Keywords: toxic, toxicity, toxic relationship, psychology of toxicity, toxic person, psychological defenses, intoxication of the psyche, object relationships, projection, transference.

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИДЕРСТВА

Психодинамические аспекты взаимодействия лидера и команды в контексте Agile-трансформации

А. А. Ирниденко
Е. В. Шаповалова

Ирниденко Антонина Алексеевна – магистр психологии (НИУ ВШЭ, Москва), HR-профессионал с опытом работы более 15 лет в международных компаниях, эксперт в работе с лидерами и высокопотенциальными сотрудниками организации, сертифицированный скрам-мастер (Scrum Alliance, USA) с экспертизой в организационных проектах Agile-трансформации, член Международного общества нейропсихоанализа (NPSA).

Шаповалова Екатерина Викторовна – магистр менеджмента (LUBS, Лидс, Великобритания), магистр психологии (НИУ ВШЭ, Москва), психодинамический коуч и бизнес-консультант, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solutions, старший преподаватель магистерской программы «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член совета и сертифицированный профессиональный бизнес-коуч Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК).

В статье рассматриваются психодинамические аспекты взаимодействия лидера и команды в контексте Agile-культуры. Культурный код Agile несет в себе серьезное изменение привычных бессознательных динамик во взаимодействии лидера и команды, влияющих на функционирование организации на различных уровнях. Изменения ролей и формата сотрудничества означают иную природу психодинамического взаимодействия, несущую как возможности, так и риски для организации. Результаты описываемого исследования могут использоваться компаниями и лидерами для более глубокого понимания динамик, лежащих в основе культурного кода Agile.

Ключевые слова: психоанализ организаций, Agile, лидер и последователи, лидерство, власть.

Организации находятся в постоянном поиске форматов культуры для достижения максимальных результатов бизнеса. Одним из источников конкурентного преимущества на современном рынке являются инновации, скорость принятия решений, гибкость организаций, адаптивность при сохранении устойчивости. Все это объясняет повышенный интерес к Agile-культуре, обещающей вышеперечисленные преимущества.

Культура Agile представляет собой современный сложный феномен в области организации бизнеса. Основные принципы Agile заключаются в том, что сотрудники компании, клиенты, партнеры ценятся больше, чем структуры и процессы, что результат в виде продукта означает успех, а сопровождающие документы не являются приоритетом, что выстраивание партнерских отношений с клиентами первично, а соблюдение формальностей этого партнерства важно, но не стоит на первом месте, что гибкость на пути изменений даст участникам процесса больше пользы, нежели жесткое планирование.

В концепции Agile-культура позволяет максимизировать потенциал сотрудников, раскрыть их креативные способности, усилить индивидуальное и командное лидерство, создавать инновации – максимально быстро выводить необходимые клиентам продукты и услуги на рынок и добиваться высоких коммерческих результатов. На смену традиционному стилю лидерства, зачастую директивному в России, приходит новый стиль, в котором лидер играет роль фасилитатора и коуча для самоорганизующихся автономных команд, полностью отвечающих за результат, действующих самостоятельно и креативно. Организационная модель становится плоской – количество лидеров и уровней подчиненности уменьшается. Появляются новые роли – agile-коуч, scrum-мастер, поддерживающие принципы, ценности и техническую, процессную сторону новой культуры в организации. Постоянная адаптация, самоорганизация, умение эффективно действовать в неопределенности – основные черты новых команд. Несомненно, такие изменения ролей и формата сотрудничества означают иную природу психодинамического взаимодействия, несущую как возможности, так и риски для бизнеса.

Природа лидерства в Agile-культуре

Рассмотрим подробнее проблематику взаимодействия лидера и команды в контексте эволюции организационной культуры. Как отмечают многие исследователи, понятия обмена знаниями, командности, наделения полномочиями, приверженности появились в эпоху перехода организаций от фордистской к постфордистской эпохе. Этот переход знаменовал изменения в аппарате власти. Концепция лидерства предполагает взаимодействие в диаде «лидер – последователи». Однако в ходе эволюции организационной культуры в этом взаимодействии появляются новые аспекты.

Концепция Agile-культуры предполагает гибридную или полную конструкцию власти «равных», в которой лидеров на формальных ролях становится меньше, чем это обычно принято в организационных структурах, структура становится плоской, а ведущую роль играют автономные

команды. Согласно видению Зигмунда Фрейда (Фрейд, 2019), группы без лидеров обладают кратковременным характером, недолговечной структурой или ведомы невидимым, символическим лидером. Формат функционирования организаций, переходящих на Agile-культуру, акцентирует особое внимание на работе с эмоциональными аспектами индивидуумов и команд. Инструмент рефлексии является одним из важнейших в Agile-организации и включает, помимо регулярных операционных аспектов, работу над эмоциональной составляющей взаимодействия команд, индивидуумов, лидеров, придавая культурной конструкции аспект материнского принятия, заботы и чуткости по отношению к эмоциональному контуру работы.

В работах Уилфреда Биона лидер обладает материнскими качествами заботы и эмоциональной чувствительности в отличие от фрейдовской концепции лидера с фигурой жесткого отца. Согласно концепции проективной идентификации М. Кляйн (Klein, 1975), ребенок проецирует на мать те чувства, с которыми не может справиться сам, мать интроецирует эти чувства, контейнирует их и возвращает ребенку в нетоксичной и управляемой форме. Проецирование отщепленных чувств последователями на лидеров – процесс, неотрывный от реалий существования организации. Во взаимоотношениях с лидером мы ищем возможность воспроизвести свои первичные отношения с родительскими фигурами. Из нашего детства, наших отношений с родителями мы имеем некий образец власти (Yiannis, 1999). Последующее контейнирование проецируемых чувств – одна из ключевых функций лидера в организации. При этом Agile-культура предполагает значительное снижение числа формальных лидеров в организации, одновременно предлагая другие возможности контейнирования в виде agile-коучей и scrum-мастеров, которые, однако, не вступают в такое тесное взаимодействие с командой, как лидер. Возможность обеспечения сохранности группы с помощью власти может обеспечивать и организация как таковая, или «учреждение», на языке Биона.

Достаточно хороший лидер Дональда Вудса Винникотта (Winnicott, 2017), нацеленный контейнировать, рефлексировать и адресовать тревоги последователей, представляет собой модель лидерства, актуальную как для гибких, так и для традиционных организаций. Однако в Agile-культуре такой тип лидерства становится одним из ведущих и поддерживается не только лидерами в формальных ролях, но и специально внедренными элементами структуры – ролями agile-коучей, инструментами ретроспективы и рефлексии. В свете анализа роли лидера необходимо привести мнение Манфреда Кетс де Вриса (Kets de Vries, 1991), который описывает успешного лидера как харизматичного архитектора, способного увлечь за собой и устранять препятствия на пути движения к цели.

Учитывая, что в Agile-организации снижается число формальных лидеров, важно вспомнить о мнении Жака Лакана (Lacan, 1992), который говорит о том, что устранение традиционного руководства создает вакуум. В случае полномасштабного внедрения Agile эта ситуация управляется по схеме, озвученной выше (коучи, Agile-инструменты). В противном

случае динамика команд будет ознаменована переходом в пассивное состояние, продиктованное включением защитных механизмов.

Говоря о диаде лидера и последователя, Ларри Хиршхорн (*Hirschhorn*, 1990) подчеркивает важность взаимонаправленных изменений: лидер становится уязвимым, но не прекращает поддержку последователей, не закрывается от них в своей уязвимости. Последователи же проявляют уважение к авторитету лидера и в то же время готовы рационально и критически осмысливать идеи, продуцируемые лидером. Agile-культура предполагает максимально прозрачную и открытую коммуникацию в командах, что может вызывать сложности у участников, особенно на этапе трансформации.

Важно отметить, что Отто Кернберг (Кернберг, 2018) говорит об агрессии как неотъемлемой части организационных процессов. В случае с Agile существует идея позитивной культурной модели, и она может быть обманчивой, иллюзорной и влекущей за собой риски, основанные на недостаточно глубокой оценке психологических динамик и эмоционального контура организации. Вопрос заключается в том, как организация в контексте Agile распорядится агрессией, как и кем эта агрессия будет контейнирована на уровне команд.

Говоря о базовых изменениях аспектов взаимодействия лидера и команды в Agile-культуре, важно рассмотреть их в свете ключевых психоаналитических концепций в этой области.

Лидер в бессознательном группы

Исходя из существующей в бессознательном последователей модели взаимоотношений с лидером, лидеры могут вызывать значительную лояльность и преданность, представляя родительскую позицию в бессознательном своих последователей, а если лидер в своих действиях, эмоциях не сможет соответствовать высоким ожиданиям, последователи могут разочароваться в нем, выместить возмущение. Тема сыновнего восстания против деспотичного отца, его убийство, ассоциированные с этим убийством вина и страх исследованы Фрейдом в «Тотеме и табу» (Фрейд, 2020). Чувства последователей относительно лидера всегда амбивалентны, последователи могут любить своего лидера, нуждаться в его защите и поддержке и в то же время завидовать лидеру. Согласно работам Фрейда (Фрейд, 2020), группы без лидеров обладают кратковременным характером, недолговечной структурой или ведомы неким символическим лидером. Лидер занимает определенную позицию в бессознательном группы, каждого члена этой группы, удерживая, таким образом, группу вместе. Предположение Фрейда (Фрейд, 1990) относительно базиса группы, связи группы и лидера, заключается также в том, что каждый член группы – и вся группа в совокупности – связаны с лидером на основе своего эмоционального опыта через идентификацию. Кроме того, этому процессу присуща характеристика идеализации лидера со стороны группы. Такая индивидуальная связь, такой процесс в итоге приводит к тому, что через идентификацию с лидером участник группы идентифицирует

себя со всеми остальными участниками. Этот базис позволяет группе сложиться – на основе разделяемого членами группы бессознательного опыта, проживаемого ими одновременно. В обмен на стабильное существование в группе, на любовь, реализацию стремления к принадлежности и потенциальную силу группы участник группы готов пожертвовать своим сексуальным удовлетворением, а также утратить свою индивидуальность. Защита, поддержка и порядок рассматриваются индивидом как менее ценные по сравнению с отношениями с лидером. Ради этого член группы готов пожертвовать своей независимостью.

Лидер как проводник трансформации

Как отмечалось выше, в концепции проективной идентификации Мелани Кляйн (*Klein, 1975*) ребенок проецирует на мать чувства, с которыми не может справиться, а мать интроецирует их, контейнирует и возвращает в управляемой форме. Бион (Бион, 2009) позже развил эту концепцию применительно к группам. Уилфред Бион (*Bion, 1961*) рассматривает лидера как «мистического гения», проводника трансформации, который способен видеть иное, нежели остальные члены группы, взаимодействовать с альтернативной частью реальности. Такое видение может позволить лидеру провести новую энергию в группу, иначе представить реальность, давая группе доступ к иным горизонтам. Лидер способен бросить вызов ригидности структуры, закрепленным, традиционным ролям, придать стимул к изменениям, помогая группе избежать стагнации и потери контакта с реальностью. Он говорит, что мы – это групповые животные, которые борются со своим стремлением быть группой. У. Бион (*Bion, 1961*) развил идею, согласно которой группы характеризуются не только интенсивностью эмоциональных связей, но способностью, тенденцией регрессировать в состояние детской зависимости. Такое состояние может быть смягчено организацией. Решение общей задачи позволяет преломить подобную ситуацию, оспаривая тем самым идею того, что регрессивные тенденции в группах являются результатом крайней тревожности, которая заставляет группу терять концентрацию на задаче и приводить к функционированию в режиме «базового допущения». При наблюдении за группами возникает ощущение, что их участники словно стремятся исполнить самосбывающееся пророчество – допущение друг относительно друга, а также задачи и лидера. Такие допущения продуцируются коллективными фантазиями, искажающими чувство реальности.

Были определены три основных вида допущений: 1) зависимость – члены группы действуют таким образом, как если бы их лидер обладал уникальными личностными качествами и был готов их спасти, а они при этом не должны были бы прикладывать никаких усилий. В таком состоянии группы часто разочаровываются в своих лидерах, неспособных соответствовать их высоким ожиданиям; 2) борьба или бегство – группы действуют так, как если бы им угрожала серьезная опасность, с которой они должны сразиться или убежать; эта опасность может прийти изнутри или

снаружи и зачастую скрывает реальную опасность; 3) образование пар – группа чувствует надежду, представляя, как два члена группы соединяются для рождения идеи или мессии, которые решат проблемы группы. Фокус группы сдвигается со сложных вопросов настоящего на воображаемое будущее, в котором все проблемы решены.

Контейнирующая функция лидера

Важным вкладом стала возможность рассмотреть регрессии и дисфункции группы в качестве следствия ошибок лидерства. Если лидер не готов контейнировать токсичные эмоции группы, возникает одна из самых серьезных «ошибок», ведущая к нарушению функциональности группы и развитию адаптивных механизмов. В работах исследователя лидер обладает материнскими качествами заботы и эмоциональной чувствительности, в отличие от фрейдовской концепции лидера с фигурой жесткого отца. Контейнирование тревожности рассматривается как важная функция лидера (*Obholzer, 1996*).

Достаточно хороший лидер

Через свое видение достаточно хорошей матери Дональд Вудс Винникотт (*Winnicott, 1965*) заложил основу для такого понятия, как «достаточно хороший лидер», которое контрастирует с пониманием жесткого или мягкого лидера. Достаточно хорошее лидерство подразумевает открытость, учет различных мнений, прозрачность, взаимное доверие и уважение как ценности. Достаточно хороший лидер, так же как достаточно хорошая мать, не пытается быть обсессивно и компульсивно совершенным. Скорее такой лидер старается контейнировать, рефлексировать, отвечать на тревожность последователей в работе над организационными задачами. Достаточно хорошее лидерство не предполагает отказа от ключевых организационных функций и процессов, но отличается тем, как именно выполняется роль и какая бессознательная динамика лежит в основе этого процесса. Лидер создает достаточно безопасное рабочее пространство, где возможна игра, творчество, иными словами – пространство, основанное на холдинге, материнской заботе и поддержке. Благодаря такому подходу каждый в команде чувствует, что к нему относятся как к ценному сотруднику, а не как к тому, кто используется и эксплуатируется. Подобное пространство делает возможным вовлечение сотрудников в *reverie* – восприятие бессознательного опыта. Именно такое пространство высвобождает воображение и свободные ассоциации сотрудников и лидеров, и это является условием возникновения креативности. В итоге достаточно хороший лидер подписывает высокоэффективное функционирование организации и постоянные инновации.

Закон Отца

«Организация без руководства», согласно теории Жака Лакана (*Lacan*, 1992), функционирует как «objet petit a», который временно заполняет пустоту и скорее является симптомом отсутствия, нежели замещением утраченного объекта. Отсутствие – это причина желания, и симптом «отсутствия руководства» указывает на потребность в лидерстве. Устранение традиционного руководства создает брешь.

Лаканианский Отец является менее доминирующим в сравнении с фрейдовским, но тем не менее ему удастся внести принципы Закона, «Закон Отца». «Закон Отца» – это закон языка. С точки зрения Лакана, нет бессознательного без языка, и если этот закон не соблюдается, то субъект может страдать от психоза. «Закон Отца» относится к внутренней психической организации как символ и метафора (*Lacan*, 1992). Фрейдовский Отец (Фрейд, 2020) зачастую рассматривается как всемогущая, кастрирующая, авторитарная, контролирующая и ужасающая фигура. Концепция объектных отношений заменила плохого отца на хорошую мать. Жак Лакан предлагает нам новую интерпретацию Отца в своих работах (*Lacan*, 1992). Отец занимает центральное место, восстанавливая в правах фаллос как объект желания Матери, вместо того чтобы быть кастрирующим и ужасающим фрейдовским Отцом. Лаканианский Отец предпочитает ее как объект желания и проявляется как более любящий и позволяющий. Он как бы говорит ребенку: «Нет, ты не можешь спать с твоей матерью». И говорит матери: «Нет, ребенок не является фаллосом. Он у меня» (*Benvenuto et al.*, 1986).

В привязке к тематике нашего исследования важно отметить, что, согласно концепции Лакана (*Lacan*, 1992), отцовская функция сепарирована от факта его фактического присутствия или отсутствия. Принятие формальной власти в патерналистской манере ведет к ригидной иерархии, авторитаризму и бюрократии. Репрессивная идеология устраняет «имя отца» и может привести только к «репрессии», с неизбежным возвратом репрессированного в различных формах, включая сопротивление и контрреволюцию. Вопрос состоит в том, каким образом интегрировать отцовскую метафору символически, физически и культурально в материнское, привнеся новую парадигму в современные организации и общество.

Качества лидера

В своих работах Антон Обхользер (*Obholzer*, 1996) исследует, каким образом эмоции и ранний опыт формируют те роли, которые мы выполняем на работе. Организации контейнируют проецируемые на них социальные чувства и возвращают их сотрудникам в нетоксичной и управляемой форме, как мать ребенку. Лидеру необходима способность признавать, что многие другие, возможно, в чем-то лучше его, и создавать необходимые условия для развития таких качеств. Эффективный лидер, таким образом, демонстрирует свои качества, вдохновляя других превосходить его в креативном ключе, сохраняя способность управлять организацией

и выстраивать питательную среду. Способность лидера выдерживать организационный перенос, относящийся к занимаемой роли, не быть поглощенным им – еще одна важная способность. Лидеру нужно осознавать направленные на него проекции сотрудников, это важно для управления институциональными рисками. Власть лидера не эксклюзивна, и, реализуя власть, полученную в лидерской роли, лидер не должен приуменьшать власть остальных.

Взаимозависимость лидера и последователей

В своих исследованиях Ларри Хиршхорн (*Hirschhorn*, 1990) говорит о том, что в новом типе организаций одной из задач лидеров является необходимость контакта с последователями с целью получения от них инсайтов о том, каковы задачи лидера в их видении. Это означает, что лидерам необходимо решиться на собственную уязвимость, открыться – но сохранить при этом качество поддержки, которую они дают последователям, продолжить встречное движение, несмотря на ощущение тревоги и угрозы. Последователи же, в свою очередь, должны научиться управлять своими лидерами, критично рассматривать их решения – но сохранять уважение к их авторитету. Наиболее насущная потребность для лидеров и последователей при любом формате путей их взаимодействия в организациях постиндустриального типа – понять свою зависимость от членов группы. Давление новых технологических высот, скорости изменений, сложности и последствий принятых решений требуют максимизировать реализацию потенциала сотрудников организаций, что возможно только при условии вовлечения и сотрудничества.

Фантазия о лидере

Рассматривая концепцию лидерства, Отто Кернберг (Кернберг, 2018) говорит о том, что формирование массовой психологии предшествует формированию идентификации с лидером, что в фантазиях членов групп уже присутствует лидерство, более близкое к примитивному материнскому лидерству, чем к лидерству отца. В целом даже эта структура позволяет сохранять идентичность группы и защищать саму группу от угроз. Организация, в видении Кернберга (Кернберг, 2018), пропитана агрессивными побуждениями. Управление организацией не зависит от личности лидера, но зависит от баланса между организационными задачами и административной структурой. Творческий подход к работе позволяет сублимировать агрессию, но лидер постоянно приглашается группой к регрессии и внезапным, импульсивным, агрессивным действиям. Кернберг (Кернберг, 2018) атрибутирует лидеру, способному выдерживать такие импульсы последователей, целый ряд качеств, таких как сильный интеллект, честность, теплота без манипулятивности, осмотристельность, но не наивность, здоровый баланс нарциссизма и паранойи.

Предательство лидера

Погружаясь в проблематику феномена сотрудничества, Джеймс Кранц (*Krantz*, 1996) говорит о том, что для сотрудничества необходимо, чтобы все стороны признали необходимость в сотрудничестве и, следовательно, признали необходимость зависеть друг от друга. При этом способность лидировать связана со способностью предавать. «Предательство» позволяет отделить необходимость изменения и адаптации от потребности в зависимости и стабильном контексте. Рассматриваемое в качестве организационного термина, оно несет все же угрозу нарушения доверия, конфиденциальности и договоренностей. Это понятие имеет негативную коннотацию, однако также оно означает раскрытие правды или конфиденциальности, т. е. раскрытие знания. Институциональное будущее базируется на приоритетности разделяемого предназначения. Сотрудничество, которое создается предназначением, обеспечивает контейнирование человеческой иррациональности и эмоциональной соединенности. Учитывая обязательную силу эмоциональной связи, можно сказать, что лидеры предпринимая действия, которые могут навредить последователями, но эти действия санкционированы более широким контекстом и принятым этическим кодексом. Полководцы отправляют войска на битву, хотя некоторые из воинов там погибнут. Люди берут на себя риски в неопределенных или эмоциональных ситуациях для продвижения рабочих задач. В этих организационных событиях кто-то теряет власть или статус, а кто-то – источник средств к существованию. Лидирование предполагает принятие и олицетворение организационной перспективы, из этой позиции лидеры иногда обязаны нарушать негласные соглашения и разрушать некие политические союзы, которые формируют межличностные отношения. Лидеры должны выбирать между личным и организационным. В идеале лидеры мотивируют команду принять новое видение возникающих потребностей и гармонизируют их эволюционирующие отношения в контексте организационной цели. Предательство никогда бы не произошло, если бы всегда были возможны компромисс и стремление к общей цели (*Krantz*, 2006). Организационная перспектива – это идеал, к которому стремятся, но которого невозможно достичь. Вообразить, что лидеры могут быть всегда успешны в реализации этого стремления, – это идеализация, поддерживаемая расщеплением, и она, несомненно, способна генерировать разочарование и злость по отношению к лидерам, сопровождаемые нереалистичными ожиданиями. Такие ожидания представляют грандиозность идеи о лидерстве, которая происходит из нашего желания получить от лидера защиту от внешних и внутренних угроз, включая защиту от нашей нарциссической уязвимости. В современных организациях перспектива доверия становится иллюзорной, так как защищенность больше не гарантируется лояльностью. Турбулентное бизнес-окружение диктует пересмотр психологического контракта с организацией, размытые границы, ослабленные связи между лидерами и последователями.

Квинтэссенция лидерства

Обращаясь к феномену лидерства, Манфред Кетс де Врис (*Kets de Vries*, 1980) говорит о лидерстве как естественном отражении всего человеческого поведения, отвечающем на вопрос, что, как и зачем мы совершаем. Лидерство выражается в качестве ежедневных, ежеминутных взаимодействий сотрудников организации друг с другом, с лидерами, с задачами. Эффективные лидеры помогают своим последователям реализовать их нужды, при этом фокусируя свое внимание на динамике групповых процессов, работая над снижением тревожности и с уважением относясь к интересам сотрудников. Понимание лидером механизма, лежащего в основе умения вдохновлять людей на изменения и действия, – один из ключей успеха лидера. Лидерство предполагает задействование различных сложных и комплексных сил и динамик во благо развития организации. Кетс де Врис (*Kets de Vries*, 1980) говорит о том, что лидерство, в противоположность теориям управления бизнесом, утверждающим доминанту организационных ограничений, определяется психодинамическими процессами между лидером и последователями. Такой подход не умаляет важности контекста. Однако, несмотря на все возможные блага бизнес-контекста (финансы, технология, доля рынка), организация все же рухнет без лидерства. Квинтэссенция лидерства – это умение распознавать различные мотивационные паттерны у людей и влиять на них, вовлекая людей добровольно совершать то, чего они бы иначе не сделали. Эффективный лидер владеет двумя ролями – харизматичное лидерство и архитектурное лидерство. Харизматичный лидер рисует лучшее будущее и вдохновляет, заряжает своих последователей на достижение этого видения. В роли архитектора лидеры решают вопросы, связанные с дизайном организационных процессов, контролирующих и вознаграждающих. Редкий лидер тем не менее способен виртуозно владеть обеими ролями. Однако сумма больше составляющих ее частей – и можно создать звездную команду, которая комбинирует необходимые качества (*Dubouloy*, 2004).

Основные характеристики Agile-организации

Сегодня организации без лидеров – это растущий тренд, который становится крайне заметным в области социального взаимодействия, осуществляемого без централизованного контроля и управления, при котором обмен знаниями и информацией между членами группы осуществляется через «горизонтальные» механизмы отношений. В некоторых организациях концепция реализована полностью, в некоторых – формат гибридный, при котором еще сохраняются формы предыдущей культуры (*De Toni et al.*, 2011).

Этот феномен не подразумевает полного отсутствия лидерства как такового, скорее речь идет о трансформации лидерства в децентрализованных системах, где механизмы отношений и власти между лидерами и последователями принимают иные формы (*Western*, 2014).

По мнению итальянского психоаналитика Франко Форнари (*Fornari, 1985*), большинство организационных культур можно охарактеризовать следующим образом:

- «материнские» компании фокусируются на удовлетворении нужд своих людей, как в благотворительности;

- «отцовские» ориентированы на задачи, как капиталистические компании, например, ориентированы на экономическую выгоду, как банки и публичные компании с развитым бюрократическим аппаратом, структурой и правилами.

Мать транслирует ценность привязанности и поддержки ребенка, важность его потребностей, это позволяет ей идентифицироваться с ребенком и давать ребенку иллюзию всемогущества. Ребенок старается удовлетворить свои потребности через отношения с матерью, основываясь на нарциссическом допущении.

Отец воплощает собой реальность, его код – это эффективность и достижения. Ребенок принимается отцом, если демонстрирует достижения; также, в продолжение темы Эдипа, отец играет нормативную роль, препятствуя инцесту.

Современные организации, функционирующие в модели свободного участия (включая культуру Agile), самоорганизации, открытого взаимодействия, характеризуются кодом «равный равному» – это сиблинговый код.

В «Тотеме и табу» Фрейд (Фрейд, 2020) говорит о том, что сиблинги ревностно относятся друг к другу, соревнуясь за любовь родителей. Отцовская позиция тотального превосходства толкает сиблингов к его убийству. Вина, страх насилия поглощают их, приводя к созданию тотема, посвященного их отцу. Через этот тотем формируется союз между сиблингами, заставляющий их уважать закон, который тотем символизирует. В своем ежедневном взаимодействии сиблинги могут быть как сообщниками, так и конкурентами; они обучаются в опыте совместной деятельности, но они и автономны; их связь может ослабляться в течение жизни, но если они встречаются снова, то склонны поддержать друг друга.

В своих трудах Форнари говорит о том, что власть равных в сиблинговом коде нейтрализует гипнотическую власть отца или матери (*Fornari, 1985*). Эта группа не является нейтральной, но базовым допущением является власть равных. Можно определить это допущение как сохранение и изменение.

В культуре Agile функционирование в формате самоорганизующихся команд является ключевым принципом. Майкл Бауэнс (*Bawuens, 2008*) определяет взаимодействие между равными (peer-to-peer) как форму динамики отношений, которая предполагает эквипотентность участников и строится на свободном взаимодействии равных для выполнения общей задачи, создания общего продукта. Эквипотентность означает, что нет предварительной фильтрации участников взаимодействия, и подразумевает скорее практику непосредственного сотрудничества, которая определяет экспертизу и уровень участия. Такое взаимодействие не отрицает

«авторитетов», однако это авторитетность, основанная на экспертизе, а не на навязанной жесткой иерархии.

Уровень контейнирования в сообществах подобных организаций представляет интересный феномен. Традиционные организации не могут такого предложить.

В ведущих компаниях можно выделить четыре основных изменения, характеризующих культуру Agile (*Wouter, 2018*):

1. Размываются границы между внутренним и внешним.
2. Все в экосистеме проводят изменения – как сотрудники компании, так и любые внешние партнеры.
3. Идентичность организации расширяется, так как больше не ограничена привычным линейным подходом «организация – клиенты». Функционирование организации как части экосистемы означает, что идентифицироваться нужно теперь и относительно прежних конкурентов, и всех прочих составляющих этой новой сложной среды.
4. Вовлечение является ключевым механизмом и основой взаимодействия на всех контурах организации.

Говоря о boundaryless-организации, заметим, что защитная позиция гибких организаций ослабевает в контексте глобальной конкуренции, размывающей границы организационной идентичности.

Хиршхорн и Гилмор (*Hirschhorn et al., 1992*) говорят о том, что лидеры правы, ломая границы, делающие организацию негибкой и реактивной, но что при этом они не правы, думая, что границы не нужны как таковые. Границы должны отыгрываться постоянно в формате различных отношений – как между лидером и командой, так и между равными. И от успеха в определении границ зависит успех всей организации. В традиционной организации границы вшиты в саму организационную структуру. Иерархия должностей манифестирует разницу в обладании властью. Структура была ригидной, но роли лидера и сотрудников в команде были стабильными и четко определенными. Отвечая на вызовы внешней среды, такие как новые технологии, быстро меняющиеся рынки, глобальная конкуренция, компании размывают свои границы, вслед за чем роли тоже теряют определенность и становятся неоднозначными. Однако если рабочие роли формально не обозначены в организационной структуре, это не означает, что разница во власти, навыках, потенциале и перспективах просто исчезает. Каждый теперь должен сам определиться с тем, какую роль в компании играть и какие отношения выстраивать. Каждую из границ идентичности – будь то граница задачи или власти, политическая или психологическая граница – лидер может ощутить, доверяя характерным чувствам. Даже в компаниях, в которых полностью отсутствуют границы, всегда есть те, кто лидирует, и есть последователи. Опытные лидеры знают, что в организациях нового типа прежний, авторитарный стиль управления не работает. Желая поддержать командную работу, вовлеченность сотрудников, лидеры иногда отдают свою власть последователям. Но решение парадоксально. Отказ от власти не позволяет управлять командной динамикой. Вакуум власти вызывает либо чрезмерную сплоченность команды, либо команда

становится крайне пассивной. Влияние в организации без границ – это не контроль, это контейнирование.

Можно сказать, что гибкие организации инвестируют в желание сотрудников, а не в традиционное управление и директивный контроль. Лидеры больше не могут заставить других делать то, чего они хотят, они мотивируют других хотеть того, чего они хотят (*Masino et al.*, 2018). При этом лидер группы только тогда может быть лидером, когда у него есть поддержка со стороны регрессивных фантазий, рождающихся в группе. Иначе говоря, участник группы, который лучше всего артикулирует доминирующую фантазию, может захватить контроль группы, эксплицитно или имплицитно.

Еще одной яркой характеристикой Agile-организации является внедрение самообучающейся организации, обеспечивающей непрерывное обучение, стимулирующей сотрудничество, приоритезирующей командное развитие (*Senge*, 2006). Согласно концепции Agile, наличие такого подхода к развитию индивидов и команд обеспечивает организации рост и инновации. Винс (*Vince*, 2017) утверждает, однако, что быть самообучающейся организацией означает быть одновременно «против» нее. Желание учиться и сопротивление неразделимы и воспроизводятся. Переплетение этих парадоксальных противоречивых источников давления дает организации энергию творчества и возможность меняться. Самообучающиеся организации характеризуются уровнем вовлеченности сотрудников в процесс изменений, основанный на сотрудничестве, направляемый к общим ценностям и принципам (*Pedler et al.*, 2017). Сотрудничество, рождающееся на пути к изменениям, не является полноценным сотрудничеством. Попытки инициировать сотрудничество связаны с соперничеством, на котором зиждется жизнь организации. Люди, с которыми мы сотрудничаем, возможно, те же люди, с которыми мы соперничаем за ресурсы, карьерное продвижение или внимание СЕО. Наши желания учиться через сотрудничество смешаны с амбивалентностью по отношению к другим, нашей защитной реакцией, нашей привычкой к индивидуализации в мышлении и работе. Заметим, что в контексте Agile-культуры обучение – это стиль существования организации, где обучение пронизывает каждый процесс, когда вовлечен каждый индивид и команда. Внедрение самообучающейся организации создает разного рода напряжения: напряжение между привычным поведением, ограничивающим способность учиться, и свободой отыгрывать власть во имя обучения, которое приводит к подавлению свободы, напряжение, связанное с защитами, напряжение, связанное со стойким отсутствием интереса к экспериментированию с возможностями и неудачами в ролях лидера и последователя при видимом энтузиазме на этот счет (*Putnam*, 2015). Нельзя создать самообучающуюся организацию, не принимая во внимание способы, которыми среда будет сопротивляться, избегать и ограничивать обучение.

Темная сторона взаимодействия лидера и команды в Agile-культуре

Несомненно, гибкая организационная культура (Agile) является формой социальной инновации, однако она имеет и негативную динамику, провоцируя огромный страх, неопределенность и потерю идентичности. Многие эксперты в области Agile (*Leybourn, 2013*) говорят о том, что эта позитивная, экспансивная власть, толкающая к достижениям, действует через манипуляцию культурой, продвигая ценности соревнования, предпринимательства и «человеческого капитала». Ее устройство соответствует социальной потребности в нарциссической субъектности, в смысле жизни и свободы действовать.

Эта скрытая власть заставляет людей делать то, что нужно, действуя скрытым образом, двигаясь вместе с жизненной энергией, вместо того чтобы подавлять ее.

Мифология Agile олицетворяет собой тренд, в котором руководители и сотрудники подвержены тем же рискам, что и предприниматели. В фордистской организации власть принимает вид авторитета – фигуры директора или линейного менеджера. В постфордистской организации создается сложная ситуация, так как предыдущие формы власти продолжают существовать, но должны быть интегрированы и должны эволюционировать совместно с возникающими новыми формами, контрастирующими с кастрирующей властью и эдипальной сценой. При этом власть запрета является легко распознаваемой властью. Ей можно сопротивляться. Такой власти может быть противопоставлена иная сила, с которой можно конфликтовать, вступать в переговоры, даже договариваться (*Pasini et al., 2015*).

Согласно предположениям Баумана (*Bauman, 2000*), связь между индивидуумами в организации, основанной на горизонтальных принципах, существует по принципу «роя» (*swarm*), где индивидуумы группируются временно, для решения какой-либо задачи, выполнения рабочего проекта. В таком «рое» социальные отношения не продуцируются, так как они предполагают сравнение с другим, встречу с другим, которая также может стать конфликтом. Сеть, таким образом, создает агрегацию, где связи слабы, разрозненны, существуют здесь и сейчас, конъюнктурны (*Chicchi, 2012*). Таким образом, социальность как производная сиблингового кода, социальность, свободная от ограничений, накладываемых отцом, рискует стать социальностью «роя».

По словам аргентинского психоаналитика и философа Мигеля Бенасаяга (*Benasayag, 1998*), в подобном контексте индивидуум становится депривированным субъектом, находящимся полностью во власти течений, излишне гибким, лишенным опоры. Это парадокс власти: свобода от ограничений становится областью гипервозможностей (*Schad et al., 2016*). Работа всегда и везде становится эквивалентом жизни. Эффективность становится основной идентифицирующей чертой. «Я – то, что я делаю». Но то, что я делаю, постоянно изменяется, и я вынужден постоянно находиться в поисках своей идентичности, до полного изнеможения.

Идентификация, основанная на эффективности, может привести к «вертикальному расщеплению», при котором существуют множественные, неинтегрированные, противоречивые аспекты личности.

В совокупности такая динамика акцентирует в основе социальных связей феномен идентификации и порождает контаминацию, нежели чем стабильную идеализацию (с кем-либо/чем-либо). Реализуется состояние одновременно риска и возможности. При этом потенциальная творческая энергия социума может превратиться в механизм массового заражения с устойчивыми защитными психотическими чертами.

С одной стороны, приумножение инструментов и источников открывает возможность выражения, участия, вклада в изменения, инновативности, исчезает ригидная идентичность.

С другой – инфляция горизонтальных отношений и бесконечное расширение возможностей усиливают стратегии власти, нацеленные на извлечении ценности в каждой области жизни. Создается иллюзия возможности познать непознанное. В контексте постоянного драйва возникает иллюзия всемогущества, а процесс горевания бесконечно откладывается. Гиперэффективность как обязательная ценность, толкающая к бесконечным достижениям и успехам, может быть описана, таким образом, как защита против тревожности как результата ограничений, отсутствия потерянного объекта.

Для раскрытия тематики данной статьи было проведено **исследование**, основанное на психодинамическом подходе, с использованием таких методов, как структурный анализ конкретной организации – объекта исследования, с учетом организационного и рыночного контекста, первичной задачи, изменений в организационных ролях, анализ организационных текстов, аналитическое интервью, анализ наблюдений и контрпереноса исследователя. Данный подход позволяет идентифицировать повторяющиеся темы, паттерны на различных уровнях за пределами рационального контура организации.

Исследование позволило выделить следующие тенденции во взаимодействии лидера и команды в контексте Agile-трансформации:

– Лидеры сфокусированы в первую очередь на своей роли, и определение границ новой роли для них – это залог выживания в новой, неизвестной Agile-среде. В своих ощущениях они теряют ценность для команды и организации в целом – их нарциссический компонент не удовлетворен. В такой ситуации возможен регресс – и некоторые лидеры манипулятивно из позиции родителя пытаются воссоздать предыдущий формат взаимодействия с последователями как с послушными, но недалекими детьми. Утрата прежней позиции власти, иногда вместе с формальным титулом, влечет за собой страх и неуверенность перед будущим у лидеров, реализуясь в агрессии.

– Роль лидера меняется с внедрением Agile-культуры, возникает потенциальный риск возникновения вакуума лидерства в связи с изменениями в организационной структуре и подходах и уменьшением числа лидеров

и их изменяющейся роли. Этот вакуум провоцирует ситуацию соблазнения властью кого-то из членов команд-сиблингов. Сиблинг, в первую очередь, принимает роль кастрирующего отца – и, лишь смирившись с реалиями новой культурной системы, сиблинг пересматривает свои подходы к взаимодействию с оставшимися в компании лидерами и командой, начиная постепенно проявлять гибкость, открытость.

– У последователей запускается процесс утраты идентичности – границы их новой роли размыты, лидеры не создают на границе давления, как прежде. Сформировать новую идентичность последователям еще предстоит.

– Достижение результата в командах последователей часто совмещается с внутренней конкуренцией среди сиблингов, равных в автономной команде.

– При отсутствии прежнего числа лидеров в Agile-организации процессы, подходы, принципы выполняют символическую роль лидера, подсказывая последователям направление, и формируют контейнер.

Динамики, привносимые новым культурным кодом Agile, схожи с теми, которые существуют сейчас во всем мире: быстрая глобализация, повышение сложности культурного, политического, бизнес-контекста, турбулентность. Очевидно, что необходимы новое управленческое мышление, новые организационные структуры.

С переходом в Agile-культуру наблюдается ослабление патриархальных тенденций, вертикальных структур власти в виде управления и контроля, иерархии, четких границ и структур в организации, влекущее за собой активизацию желаний и самовыражения. Кажется, что сотрудники организации получают шанс не сливаться с организацией, сепарироваться от структур и статусов.

Однако эта ситуация несет в себе потенциал не только возможностей, но и рисков для трансформирующейся организации. Границы ролей и самой организации размываются, создавая дополнительную напряженность как для лидеров, так и для последователей. Лидеры находятся в поисках новой идентичности, новых путей взаимодействия с командами, собственной ценности, что может парализовать их действия и заставляет быть крайне осторожными в решениях. Команды зачастую блокируют участие лидеров в процессе, отвергают их авторитет, но также при этом могут регрессировать, становиться пассивными, терять цель из фокуса без участия лидера.

Таким образом, психоаналитическая экспертиза и системно-динамический подход позволяют понять глубокие механизмы, лежащие в основе социальных связей, учесть неоднозначные и конфликтующие аспекты социального взаимодействия и получить преимущество творческих возможностей, которые предлагает новый мир. Лидер может работать с эмоциональными и бессознательными динамиками, с сознательными и рациональными процессами. Эта работа часто несет в себе вызов и избегается, однако такое избегание несет в себе многочисленные издержки для команд и организаций. Задача простирается за пределы защитных

механизмов, диагностики и интерпретации патологий индивидуумов и команд.

В заключение хочется привести вопросы, которые могут лежать в основе дальнейших исследований темы эволюции взаимодействия лидера и команды:

– Можно ли рассматривать заметный феномен Agile-культуры как предпосылку эры равноправия для индивидуумов, организаций и общества?

– Может ли этот тренд представлять собой первый необходимый шаг к наделению свободой и полномочиями большего количества людей? Или все это является завуалированной трансформацией традиционных форм деспотичной власти, являющей более тонкие формы гиперконтроля?

– Каким образом возможно генерировать демократичную культуру, способную производить ценность, при этом ослабляя контроль, фасилитируя процессы самоорганизации, смягчая организационные границы?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бион Уилфред Р.* Элементы психоанализа. Когито-Центр, 2009.
2. *Винникотт Дональд Вудс.* Игра и реальность. ИОИ, 2017.
3. *Кернберг О.* Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. Класс, 2018.
4. *Кернберг О.* Конфликт, лидерство, идеология в группах и организациях. Класс, 2018.
5. *Фрейд З.* О нарциссизме. Здоровья, 1990.
6. *Фрейд З.* Очерки о психологии сексуальности. Азбука, 2020.
7. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого Я. Эксмо, 2019.
8. *Фрейд З.* Тотем и табу. Азбука, 2020.
9. *Bauman Zygmunt.* Liquid Modernity. Cambridge: Polity, 2000.
10. *Bawuens Michel.* P2P and Human Evolution: Peer to Peer as the Premise of a New Mode of Civilization, 2005. URL: https://networkcultures.org/wp-content/uploads/2008/06/p2p_essay.pdf
11. *Benasayag Miguel.* Le Mythe de l'Individu. La Découverte, 1998.
12. *Benvenuto Bice., Kennedy Roger.* The works of Jacques Lacan: Introduction. Palgrave Macmillan, 1986.
13. *Bion Wilfred R.* Experiences in Groups and other Papers. London: Tavistock Publications. 1961.
14. *Chicchi Federico.* Soggettività Smarrita. Sulle Retoriche del Capitalismo Contemporaneo. Milano-Torino: Bruno Mondadori, 2012, p. 119.
15. *De Toni, Alberto F., Comello, Luca, Ioan, Lorenzo.* Auto-organizzazioni. Marsilio, 2011, p. 12.
16. *Dubouloy Maryse.* The Transitional Space and Self-Recovery: Psychoanalytical Approach to High Potential Managers Training. Human Relations 57 (4): 467-496, 2004. 10.1177/0018726704043896
17. *Fornari Franco, Frontori Laura, Riva Crugnola, Cristina.* Psicoanalisi in ospedale. Cortina, 1985.
18. *Hirschhorn Larry.* The Workplace Within: Psychodynamics of Organizational Life. The MIT Press, 1990.

19. *Hirschhorn Larry, Gilmore Thomas*. The New Boundaries of the “Boundaryless” Company. *Harvard Business Review* 70 (3), p. 15, 1992.
20. *Kets de Vries, Manfred F.R.* Organizational Paradoxes: Clinical Approaches to Management. Tavistock Publications, 1980.
21. *Kets de Vries, Manfred F.R.* Organizations on the Couch. San Francisco, Jossey-Bass, 1991.
22. *Kets de Vries, Manfred F.R.* Vision Without Action is a Hallucination: Making Strategy Implementation a Reality. INSEAD Working Paper Series, 2015. https://www.kdvi.com/research_items/526
23. *Kets de Vries, Manfred F.R., Cheak, Alicia*. Psychodynamic Approach, Leadership: Theory and Practice. *SSRL Electronic Journal*, 2014. 10.2139/ssrn.2456594
24. *Klein Melanie*. Notes on some schizoid mechanisms. In: *Envy and Gratitude and Other Works, 1946–1963* New York: Delacorte, 1975, p. 1–24.
25. *Krantz James*. Anxiety & the New Order // *Leadership in the 21st Century*, 1996.
26. *Krantz James*. Approaching 21st Century, Information-based Organizations. Karnac, 2013.
27. *Krantz James*. Leadership, Betrayal and Adaptation. *Human Relations*, 2006.
28. *Lacan Jacques*. The Ethics of Psychoanalysis: 1959–1960: The Seminar of Jacques Lacan: Book VII. London: Tavistock/Routledge, 1992.
29. *Lapierre Laurent*. Mourning, Potency, and Power in Management. *Wiley Periodicals, Inc*, 1989.
30. *Lawrence Gordon W.* Exploring Individual and Organizational Boundaries: A Tavistock Open Systems Approach. Routledge, 1979.
31. *Leybourn Evan*. Critical Agile Transformation Factors. 2017.
32. *Leybourn Evan*. Directing the Agile Organization: A Lean Approach to Business Management. IT Governance Publishing, 2013.
33. *Masino Giovanni, Berdicchia Domenico*. Leading by leaving: Exploring the Relationship between Supervisory Control, Job Crafting, Self-Competence and Performance. Cambridge University Press, 2018.
34. *Obholzer Anton*. Psychoanalytic Contributions to Authority and Leadership Issues. *Leadership & Organization Development Journal* 17/6, 1996, p. 53–56.
35. *Pasini Elisabetta, Magatti Paolo, Bruttini Paolo*. The Three Paradoxes of the “Leaderless Organization”. *Organizational & Social Dynamics* 15 (1), 2015, p. 79–100.
36. *Pedler Mark, Burgoyne John*. Is the Learning Organization Still Alive? The Learning Organization. Vol. 24. No. 2, 2017, p. 119–126.
37. *Putnam Linda*. Moving Beyond ‘Both-And’ Approaches: Alternative Strategies for Managing Paradoxical Tensions. *European Group for Organization Studies (EGOS)*, 2015.
38. *Schad Jonathan, Lewis Marianne W., Smith Wendy K.* Paradox Research in Management Science: The First 25 years and the Next 25 years // *Academy of Management Annals*, 2016. - <https://journals.aom.org/doi/10.5465/19416520.2016.1162422>

39. *Senge Peter M.* The Fifth Discipline: The Art and Practice of the Learning Organization. Deckle Edge, 2006.
40. *Vince Russ.* The Learning Organization as Paradox: Being for the Learning Organization Also Means Being Against It// 2017. - www.emeraldinsight.com/0969-6474.htm
41. *Western Simon.* Autonomist leadership in leaderless movements: anarchists leading the way// *Ephemera: theory & politics in organization*, 2014, p. 673–698.
42. *Winnicott Donald W.* The Collected Works of D. W. Winnicott. Oxford University Press, 2017.
43. *Winnicott Donald W.* The Maturation Processes and the Facilitating Environment. London: Hogarth, 1965.
44. *Wouter Aghina, de Smet, Aaron.* The Five Trademarks of Agile Organizations, 2018.
45. *Yiannis Gabriel.* Organizations in Depth: The Psychoanalysis of Organizations. Sage, 1999.

The psychodynamic Aspects of Interactions Between Leader and Team in the Context of Agile Transformation

A. A. Irnidenko
E. V. Shapovalova

Irnidenko Antonina Alekseevna, MA Psychology (HSE, Moscow), HR-professional with 15 years of experience in the multinational corporations, expert in working with leaders and high potential employees, certified Scrum Master (Scrum Alliance, USA) experienced in Agile transformation projects, NPSA member.

Shapovalova Ekaterina Viktorovna, MSc Management (LUBS, Leeds, UK), MA Psychology (HSE, Moscow). Psychodynamic coach and business consultant, working with private clients and organizations, psychodynamic psychotherapist. Managing partner at Subcon Business Solutions, Senior lecturer on the Master's Program "Psychoanalysis and Business Consulting" at Higher School of Economics, Member of ISPSO, Board member and Certified Professional Business Coach of Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).

In this article the psychodynamics of interactions between leader and team are considered in the context of Agile culture. The cultural code of Agile carries with it a major change in the habitual unconscious dynamics in the interaction of the leader and the team, affecting the functioning of the organization at various levels. Changes in the roles and collaboration formats are based on a different nature of psychodynamic interactions embodying both risks and opportunities for the organization.

The findings of the study can be used by companies and leaders to deeper understand the opportunities and risks of underlying dynamics of implementing an Agile cultural code.

Keywords: psychoanalysis of organizations, Agile, leader, followers, leadership, power, authority.